

Костанайский государственный педагогический институт

УДК 94 (574.2):623.6 «17/18»

На правах рукописи

**ШАЛГИМБЕКОВ АЙБЕК БАТЫРХАНОВИЧ**

**История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (вторая половина XVIII-первая треть XIXв.)**

07.00.02 – Отечественная история  
(история Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель  
доктор исторических наук,  
профессор Кабульдинов З. Е.

Республика Казахстан  
Костанай, 2010

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....</b>	<b>3</b>
<b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>	<b>4</b>
<b>1 СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКЕ.....</b>	<b>29</b>
1.1 Российские военные укрепления на границе Северного Казахстана в первой половине XVIII в.....	29
1.2 Расположение военных линий России на границе северного региона Казахстана со стороны Южного Урала на рубеже XVIII- XIX веков.....	39
<b>2 ВОЗВЕДЕНИЕ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА.....</b>	<b>51</b>
2.1 Создание Новоишимской (Горькой) линии как условие колонизации северного региона Казахстана.....	51
2.2 Строительство Новой линии в 1830-х годах.....	67
<b>3 ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНА В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ..</b>	<b>79</b>
3.1 Характер военно-политических мероприятий по закреплению российской власти на территории Северного Казахстана.....	79
3.2 Военно-казачье и крестьянское заселение и линейная торговля как условия изменения социально-экономических характеристик региона.....	98
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>	<b>134</b>
<b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....</b>	<b>143</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЯ.....</b>	<b>159</b>

## **ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ**

ГА ВМФ РФ – Государственный архив Военно-Морского флота Российской Федерации

ГАКО - Государственный архив Костанайской области

ГАОМО – Государственный архив Омской области Российской Федерации

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области Российской Федерации

ГАСКО – Государственный архив Северо-Казахстанской области

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области Российской Федерации

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

## ВВЕДЕНИЕ

Обретение Казахстаном государственного суверенитета вызвало закономерный интерес общества к Отечественной истории, а стоящие перед молодым государством экономические, геополитические, социокультурные и этнические проблемы потребовали переосмысления и объективного анализа его исторического прошлого.

Одной из приоритетных проблем Отечественной истории является процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи. На первоначальном этапе царизм многочисленными военно-разведывательными экспедициями, а затем форсированным строительством крепостных линий вдоль территории казахских племен и родов, проводил целенаправленную политику. Малоизученной страницей в истории нашей страны является процесс военного проникновения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана. Необходимость пересмотра подходов к изучению данной проблемы обусловлена тем, что длительное время ее освещение в исторической науке носило тенденциозный характер. Любая попытка дать объективный анализ процесса колонизации Россией Казахстана встречала резкое осуждение в официальной идеологии.

В настоящее время появилась возможность осветить эти проблемы с объективной стороны без конъюнктурных оценок. Однако, резкий всплеск национального самосознания, вырвавшийся из зажима командно-административной системы, не всегда подкрепленный углубленным, всесторонним изучением длительного, сложного и противоречивого процесса присоединения Казахстана к России, может привести к некорректным оценкам прежних событий с обеих сторон. О недопустимости такого подхода предупреждает в своей работе «В потоке истории» глава нашего государства Н.А.Назарбаев: «Не в мифологизации истории состоит смысл, а в понимании тех, реально значимых для национальной, и, зачастую континентальной истории событий, что разыгрывались на тысячекилометровых просторах земли нашей, и в том, чтобы извлечь из этого не горечь поражений и не материал для национальной эйфории, а перспективу на будущее» [1, с. 146].

Надо учесть, что длительное время историческая наука Казахстана рассматривалась в жестких идеологических тисках как часть российской истории. И сейчас, рассматривая историю периода Российской империи, следует учитывать особенности колониальной политики, причины, характер и последствия колонизации.

Следует также отметить, что, несмотря на широкий круг работ, освещавших процесс включения Казахстана в состав России, эта тема, в силу устоявшихся проимперских позиций и идеологизации, «забеливания» фрагментов истории в колониальном освещении, остается актуальной и в наши дни. Избранная тема «История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (вторая половина XVIII-первая треть XIX в.)» рассматривает данный процесс на первоначальном этапе колонизации, несмотря на добровольные начала включения казахских земель.

В контексте данной проблемы особое значение приобретает изучение истории метода включения казахских земель в состав России. Еще в начале XX в. А.Букейханов утверждал, что «казахи, прижатые врагами, к так называемой «Горькой линии», были вынуждены признать власть русских» [2, с. 45-66].

Взвешенный, разумный подход к этой проблеме позволит в нашем обновляющемся обществе становлению национальной политики, направленной на консолидацию всех народов, ныне проживающих в Республике Казахстан. Понимание этих моментов также позволит определить и взаимоотношения между государствами, особенно с Россией. В рамках г. России в Казахстане главы обоих государств, при подписании Договора о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам между Россией и Казахстаном сошлись во мнении, что государственная граница России и Казахстана является границей дружбы, добрососедства и сотрудничества.

Поэтому объективное, тщательное изучение на основе разнородных источников анализа всего процесса включения, а также причин, особенностей и последствий имеет большое значение. При исследовании, связанного с этим сложнейшего комплекса проблем, следует исходить из факта добровольного вхождения части Казахстана в состав Российской империи и насильственного присоединения других территорий, как отмечал академик М.К. Козыбаев [3, с. 178].

Для развития современных политических и экономических интеграционных процессов важно понимание этапов её становления. В работах Президента Республики Казахстан «На пороге XXI века» [4], «Идейная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана» [5], «В потоке истории» [1, с. 146] и других прослеживается линия, последовательно направленная на создание межнациональной консолидации в казахстанском обществе, прошедшим длительный исторический этап своего формирования. Именно в этом видится актуальность стратегии внешней политики государства, следовательно, и нашего исследования. Отсюда изучение выбранной темы приобретает и политическую значимость. Особенно это важно для анализа работ, появившихся, например, в связи с процессами по возрождению казачества. Так, в книге Н.И.Фокина «Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке» пишется о непродуманной политике властей Казахстана по отношению к русскоязычному населению, искажаются факты исторической действительности, приводится вывод, что казаки и все русские « в Казахстане остаются нежелательным элементом» [6, с. 418].

Важно концептуально по-новому осмыслить особенности колониальной политики России в северном регионе Казахстана, причин, их обусловивших, характера колонизации и последствий, которые она принесла.

Именно поэтому необходимо детальное исследование всех моментов первоначального военного проникновения России и дальнейшего ее закрепления на Востоке, и какое место в этом процессе занимали регионы Казахстана. Колонизационная политика и административно-территориальные преобразования в Российской империи во второй половине XVIII – до середины XIX в. предопределили в дальнейшем развитие трансграничной зоны.

Важно отметить, что история регионов Казахстана – одна из неразработанных тем в истории Отечества. История Северного Казахстана в рамках данного вопроса по военному продвижению России, отдельно в исторических исследованиях не рассматривалась. Также, следует выделить, что этническая территория расселения казахских племен - это Южный Урал и юг Западной Сибири. В работе мы исходим из того факта, что первоначально добровольное вхождение части Казахстана в состав Российской империи носило военный характер.

Таким образом, научно-обоснованная и практическая целесообразность исследования состоит в изучении и переосмыслении процесса истории военного продвижения Российской империи в Северный Казахстан, что позволит восстановить исторически достоверную картину данного периода. Поможет в понимании и решении многих историко-политических, юридических, экономических, социокультурных, этнических проблем. Уточнит основные этапы формирования территории и государственной границы Республики Казахстан и Российской Федерации. Определит основные векторы военно-политических и социально-экономических взаимоотношений казахского и русского населения. Выявит особенности развития северного региона Казахстана в изучаемый период. Позволит, в целом, показать широкую панораму всего естественно-исторического процесса, происходившего на евразийском пространстве.

#### **Степень изученности темы**

Важнейшим условием объективного многоаспектного исследования этой темы является изучение важнейших событий XVIII – первой трети XIX веков, связанных с процессом присоединения, завоевания Казахстана Российской империей. Проследить основные работы дореволюционной, советской и постсоветской: российской и казахстанской историографии, посвященные включению северного региона в состав России путем военного продвижения - цель нашего историко-историографического обзора. Следует отметить, что данный аспект не был предметом специального исследования, а традиционно рассматривался в контексте общей проблемы присоединения казахских земель к России. Поэтому сведения по истории военного продвижения и закрепления России в северном регионе Казахстана неоднородны и отражены в различных источниках. К тому же формирование «системного видения» данной проблемы затрудняется территориальным принципом отражения происходивших событий, которые фиксировались и разделялись в проводимых мероприятиях российского правительства в разных политико-административных субъектах империи. Например, военной казачьей историографией в соответствии с местом расположения казачьих войск. Так, искусственный разрыв территории Казахстана между Сибирским и Оренбургским генерал-губернаторствами, раздел на внешние и внутренние округа не только нарушили политические и социально-экономические связи Среднего жуза, что, в конечном счете, окончательно привело к потере государственности в XIX веке, но и препятствовали осознанию постепенного наращивания военного присутствия,

в виде строительства укреплений, как целостной стратегической программы колонизации.

Дореволюционные авторы попутно с другими вопросами затрагивали и некоторые аспекты военного закрепления России в северных регионах Казахстана. Следует отметить, что исследователи XVIII и начала XIX веков, главным образом, обозревали казахские земли через изучение этнографии, географии, быта, хозяйства, родоплеменного состава жузов и их расселении.

Среди ранних работ XVII в., по интересующей нас проблеме, формируется направление, изучающее «сибирское взятие». В этих исследованиях затрагивались обстоятельства похода дружины Ермака, происхождение и участие казаков в строительстве первых русских укреплений. Большое значение имели работы С.У. Ремезова, первым описавший историю Сибири, где мы находим сведения, касающиеся северных районов расселения казахских племен. Для нашего исследования большое значение имела информация о проникновении Российской империи на территорию Северного Казахстана. В труде С.У. Ремезова «Книга большого чертежу» содержится подробное описание русских поселений и военных укреплений в низовьях рек Ишим, Иртыш и Тобол, в будущем составивших основу крепостных линий, обеспечивающих военное продвижение Российской империи в Сибирь, Алтай и Казахстан в XVI-XVIII в. [7]. Ценность данной работы для нашего исследования состояла в том, что подробное описание местности, поселений, населяющих народов и племен, сопровождаемое чертежами и картами, позволило составить представление о состоянии, потенциале, наиболее перспективных направлениях проникновения в Северный Казахстан. Как отмечает в своей докторской диссертации И.В. Октябрьская [8] детализация и содержательное наполнение труда С.У. Ремезова определили стратегию, геополитических и, связанных с ними академических экспедиционных практик в регионе, на протяжении последующих двух столетий.

Маршруты участников экспедиции Российской Академии наук Г.Ф. Миллера и других исследователей прошли по Северному и Северо-Восточному Казахстану.

Особого внимания заслуживают работы Г.Ф. Миллера, который не только дает описание русских военных укреплений в этом регионе, но и пытается дать анализ этого явления. Он отмечал прямые связи казахов Среднего жуза, заселявших в тот период территорию Западной Сибири, с русскими переселенцами. Описи дел, собранные Г.Ф. Миллером, позволяют раскрыть малоизвестные страницы их взаимоотношений, не всегда носившие мирный характер. Будучи приверженцем имперских стратегий, российский академик придавал большое значение изучению ареалов и границ расселения народов. Г.Ф. Миллер в «Статье о древностях сибирских» свидетельствует, что «страна между Обью и Иртышом, как я был в Сибири, еще никто ходить, не смел, потому что там киргис-кайсаки почти непрестанно разъезжали и не так еще, как ныне, крепостями ограждены были» [9, с. 518]. Вхождение Сибири рассматривается им как царское завоевание, царская экспансия, как сочетание, претворение в жизнь воли Бога и идей «государственной пользы». Такова, по

его мнению, основа событий присоединения аборигенных тюркских народов региона к русскому государству.

Оправдание завоевательного характера присоединения новых земель содержится и в опубликованной в 1774 г. работе И.Э.Фишера «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием», где автор отмечает соседство с Сибирью «Казахской Орды» [10].

Работы других членов экспедиции: П.С Палласа [11], И.Г Георги, И.П. Фалька, представляют собой дневниковые записи и содержат много сведений о взаимоотношениях властей с казахскими правителями, их личное восприятие, характеристику. И.Г.Георги, проехавший из Оренбурга вдоль линии до Омска, оставил немало интересных сообщений [12]. Наиболее полные материалы по нашей проблеме содержатся в работах И.П. Фалька, где подробно характеризуется этническая территория казахов с указанием кочевий определенных родов Среднего жуза вдоль линейных укреплений. Для нашего исследования представляют интерес сведения о строительстве и укреплении Ново-Ишимской линии [13].

Во второй половине XVIII в. были опубликованы исследования П.И.Рычкова, В.Н.Татищева, И.Г.Андреева, имеющие особую ценность, поскольку их авторы были непосредственными участниками описываемых событий. В связи с этим в данных работах содержится не только описание событий, но и анализ взаимоотношений родоправителей с колониальной администрацией, их личное отношение к происходящему. Труд И.Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» наиболее полно раскрывает внутривосточную обстановку Среднего жуза, определяет его территориальные границы, рассматривает вопросы переселения и перекочевки казахов на внутреннюю сторону сибирских линий, а также формы и методы воздействия на нее колониальной администрации. Работа И.Г.Андреева содержит большой пласт историко-географической информации, полученной в процессе непосредственного наблюдения за жизнью крепостей Иртышской и Тоболо-Ишимской линий от Усть-Каменогорска до Пресногорьковской и родов Среднего жуза. Исходя из своих пониманий, он рассматривал строительство крепостей как наиболее действенный инструмент продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана [14].

Вопросы истории рассматриваемого периода содержатся в работе В.Н.Татищева. Будучи начальником Оренбургской экспедиции и Астраханским губернатором он хорошо изучил пограничные территории Казахстана [15] и, одним из первых, сформулировал официальную имперскую точку зрения на проблему присоединения Казахстана к России, как добровольного принятия покровительства и заселения пустующих земель.

На наш взгляд, из трудов историков XVIII в. наибольшее влияние на последующее развитие историографии русско-казахских отношений оказали работы первого члена-корреспондента Академии наук П.И. Рычкова. В его трудах представлен обширный материал по географии, этнографии, экономике и политической жизни юго-восточных окраин Российской империи и сопредельных территорий. К тому же, он первым из исследователей поставил



вопрос о российской политике седентаризации. Для нашего исследования наибольшую ценность представляет его работы «История Оренбургская» [16] и «Топография Оренбургской губернии» [17], содержащие подробное описание всех крепостей Оренбургской, Уйской и Новоишимской линий, что дает представление об их военном характере. Подобные сведения мы находим и в работах его сына [18].

Интересные сведения содержатся в служебных и исследовательских материалах чиновника Оренбургской администрации, искусного дипломата и политика А.И. Тевкелева. Он сумел передать в своих дневниках сложный характер взаимоотношений в регионе между властями и местным населением, создать конкретные психологические портреты ханов, родоправителей, влиятельных биев и батыров. Являясь проводником российской имперской политики, он выступал за быстрее включение северного региона Казахстана в состав империи. Однако, считал нецелесообразным использование только военных методов воздействия, отдавая предпочтение дипломатическим, учитывающим экономические и политические интересы местных правителей [19].

Если говорить о фундаментальных исследованиях о казахах, то, несомненно, первой в их ряду является работа А.И.Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей», вышедшая в свет в 1832 г [20]. Автор показывает положение границы с географическим описанием военных линий, дает исторический обзор с момента присоединения Казахстана к России, раскрывает отношения властей с казахскими султанами. Им был собран богатейший этнографический материал. Впервые в историографии, именно А.И. Левшин отметил черты эволюции российского политического курса и реакции на эти изменения казахского общества. Автор, в частности, подчеркивал, что все мероприятия, проводившиеся российскими властями до 1820-х гг. с целью изменения хозяйства, быта, социальной структуры казахов, не имели сколько-нибудь серьезного успеха. Присоединение северо-западных и северо-восточных регионов Казахстана А.И.Левшин рассматривает как добровольное подчинение. Это, по его мнению, явилось неизбежным следствием разрастания кризисных явлений в казахском обществе, вызванных совокупностью объективных и субъективных причин. Признавая факты злоупотребления и насилия пограничных властей, А.И. Левшин все же оправдывал политику царской администрации, называя ее «оборонительной», направленной только на охрану границ от набегов воинственных кочевников, и считал жестокость и склонность к грабежу чуть ли не этническими чертами казахов. Однако, несмотря на то, что, являясь представителем своей эпохи, выражая официальную идеологию, А.И.Левшин освещал историю с европоцентристских позиций, эта работа, несомненно, имеет ценность и в наши дни, как первое детальное исследование о казахах.

В трудах официальных историков дореволюционной России Н.М.Карамзина [21], В.О.Ключевского [22], Н.И.Костомарова [23], С.М.Соловьева [24] и других вопросы колонизации рассматриваются как необходимое завоевание, при этом ведущая роль отводится самодержавию.

В работах, непосредственных участников процесса строительства крепостей на территории Северного Казахстана, военных офицеров С.Б.Броневого [25] и Г.В.Генса [26], продолжают культивироваться идеи, считавшие кочевников, стоящими вне цивилизации, и авторы навязывают им свои «лучшие» образцы общественно-экономического устройства. Поэтому колонизацию они считают мессией для отсталых народов.

К середине XIX в. военные укрепления через северный Казахстан устремились в глубь степей, и перед властями встала задача упрочения своих позиций. Для реализации этой цели были привлечены известные ориенталисты и военные историки, которым царской администрацией были предложены высокие должности в колониальных органах управления. С их деятельностью связано создание официальных учреждений, филиалов и отделов российских научных обществ. Исследования В.В.Бартольда, В.В.Вельяминова-Зернова, В.В.Григорьева, Я.В.Ханыкова и И.Н.Березина, А.А.Харузина, Ф.И.Лобyseвича [27], А.С.Алекторова [28] значительно обогатили научную литературу о Казахстане.

Важные сведения мы находим в работах чиновников колониальной администрации А.И.Добросмыслова [29, 30], И.И.Завалишина [31], И.И.Крафта [32], Л.И.Мейера [33], П.И.Небольсина [34], М.И.Красовского [35], П.А.Золотова [36] и других. В работах М.И.Красовского «Область сибирских киргизов» и Л.И.Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» глубоко изучены вопросы сторон жизни казахского общества. Как офицеры Генерального штаба они обосновывают необходимость укрепления и дальнейшего перенесения военных линий как условия присоединения данного региона к России.

Описание границ областей и уездов, изложение обстоятельств присоединения Казахстана к России, геополитическое положение казахских степей в планах Российской империи, описание казачьих войск, крепостей и укреплений на территории Казахстана мы можем найти в работе А.И.Макшеева «Военно-статистическое обозрение Российской империи» [37]. Несмотря на то, что он был участником движения петрашевцев, он несколько оправдывает военный характер действий, объясняя это поступательным движением русских [38].

Большой вклад в разработку восточного направления российской геополитики внесли офицеры Генерального штаба и члены Императорского Русского географического общества. Они трактовали расширение территорий Российской империи стремлением достичь «естественных границ». Так, М.И.Венюков [39] вводит понятие «вынужденного» завоевания, в чем заключается смысл движения России в Азию. М.И. Венюков явился одним из разработчиков геополитической стратегии поступательного движения России на Восток. Его геополитическим конструкциям посвящены исследования современного омского профессора А.В. Ремнева [40, с. 4-8]. Генеральный штаб и Русское географическое общество составили подробные военно-статистические описания Урала, Западной Сибири и Казахстана, где мы находим богатый материал.

Особое место занимают работы Ф.Н.Усова [41], Н.Г.Путинцева [42], Ф.М.Старикова [43], М.П.Хорошхина [44], И.Ф.Бларамберга [45] и других, содержащие в себе сведения по истории и формированию казачьих войск, их численности и составе, системе несения службы, расположению и снабжению, а также много других исторических сведений.

Проведенные в конце XIX – начале XX вв. обследования казачьих войск дают материал по истории северного региона Казахстана, поныне сохраняющий важное значение для анализа социально – экономического положения казачества в период колонизации. Но, несмотря на богатый документальный статистический материал, интерпретация фактов в названных работах носит военно-сословную ограниченность и имеет четкую великодержавную направленность. Ярким примером служат слова историка Уральского казачества Иосафа Игнатьевича Железнова «Я, если разбирать меня с общей точки зрения, - гуманист, но коснись дело до интересов казаков, я – эгоист. Я и днем, и ночью, наяву и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимо, но и лишнее. Киргиз же для меня – создание совершенно постороннее...» [46 с. 10].

Особое место среди аналогичных принадлежит работе В.Н.Витевского «И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.», в которой обосновывается необходимость военного характера политики Российской империи в северном регионе Казахстана. Исследование посвящено истории основания крепостей, путям и источникам формирования Яицкого и Оренбургского казачьего войска. Концепция продвижения на степь сплошной линией крепостей («запасный план») И.И.Неплюева определяется В.Н.Витевским как наиболее эффективная в данном регионе [47].

В известном сочинении П.А.Словцова «Историческое обозрение Сибири», изданной в 1844г., дается краткая справка о строительстве новой Ишимской линии и, в соответствии с официальной точкой зрения, характеристика ишимских казахов: «Эти зверонравные люди около половины XVIII в. были вынуждены искать покровительства России, делались подданными в лице своих ханов и почетных людей; но и после торжественного подданства их ханов Абульхаира, Шемяки и впоследствии Абульмамета, Малая и Средняя орда жили как заклятые злодеи без сознания обязанностей к покровительствующему народу» [48].

Отрицательные характеристики казахского народа были в большом ходу в период продвижения царизма на степь и служили средством оправдания военной колонизации.

Однако данная точка зрения на процесс присоединения казахских земель к России не была единственной. Проезжая в 1791 г. вдоль Горькой линии, сосланный в Сибирь А.Н.Радищев, делает в своих дневниках записи по истории данного региона и выдвигает концепцию присоединения Сибири как важного прогрессивного события, основой которого был русский народ. При этом А.Н.Радищев выражает беспокойство об участии кочевников вследствие заселения степи, видит будущее в установлении тесных связей [49, с. 144-163].

Дальнейшее развитие идеи А.Н.Радищева получили в концепциях исследователей, расценивающих включение новых земель в состав России как результат географических открытий и вольно-народной колонизации, а казачество рассматривали как борцов за справедливость, давая им высокую оценку в заселении и освоении края, называя их героями земли русской. В контексте данного подхода сформировалась так называемая «казачья историография», получившая свое отражение в работах исследователей – идеологов областничества (Н.М.Ядринцев [50], С.С.Шашков, П.Н.Буцинский [51], Г.Н.Потанин, П.Н.Головачев [52] и др.). В их работах, наряду с прогрессивными тенденциями, вызревали областнические идеи об особых путях развития Сибири, якобы несовместимых с историческими судьбами России. Делая акцент на военно-административную сторону колонизации и, отвергая концепцию авторов дворянско-буржуазного лагеря о завоевании новых земель и «цивилизаторской» роли самодержавия, они видели все реакционное в колонизаторской политике царизма. По их мнению, включение Сибири и близлежащих регионов в состав России было трагедией, «историческим несчастьем». Вместе с тем, областники недооценивали уровень развития коренных народов, отрицали зарождение и развитие частной собственности на землю и скот. Отрыв истории новых земель от цельного восприятия всей панорамы событий колониальной политики Российской империи приводил к идеализации военно-казачьего сословия Сибири, к оправдательной позиции захвата земель в Северном Казахстане под формирующийся новый этнос, возникший на базе смешения с местными народностями.

Появление таких позиций не было случайным. Ведь в основном выразителями этой идеи стали выходцы из военно-казачьего сословия. Среди авторов-идеологов «казачьей историографии» генерал-майор Г.Е.Катанаев, есаул П.Г.Путинцев, хорунжий Г.Н.Потанин, войсковой старшина Ф.Н.Усов, Ф.М. Стариков, И.В. Щеглов [53], М.П.Хорошхин и др.

Особую ценность для нашей работы имеют труды Г.Н. Потанина. Несмотря на его областнические позиции, «Материалы по истории Сибири» [54] содержат богатейший, содержательный документальный материал, многие сведения бесценны, так как использованные им в работе данные, к сожалению, не сохранились на сегодняшний день в архиве, а он, судя по насыщенности и содержательности исследования, непосредственно работал с источниками.

Официальным идеологом сибирского казачества являлся Г.Е. Катанаев, автор большого количества работ, обосновавший первенство казачества на земли северного региона Казахстана: «Зная историю, что во время занятия русскими линии от Омска до Звериноголовки (называемой теперь Горькой), киргиз не было и во времена первых разведок степей сподвижниками Ермака... Не было их здесь и все XVII столетие....Только с падением Джунгарского ханства в 1757 г. киргизы быстро двинулись на север» [55, с. 3-4]. Исходя из такой установки, строилась официальная политика властей в вопросах, оправдывающих военное продвижение в казахскую степь. Работы Г.Е.Катанаева, идеализировавшие казачество, мало затрагивают интересы

казахского народа, особенно в земельных вопросах. Оправдывая казаков в колонизации Ишимской степи (пространство между Иртышом и Тоболом – черноземные степи площадью 1,5млн. десятин), Г.Е. Катанаев ставит задачу «не допустить эту налетевшую из степи саранчу и кобылку осесть сколько –нибудь прочно» [55, с. 4-5]. В целом, эти взгляды отражали позиции царского правительства. Вместе с тем, несмотря на тенденциозность, работы Г.Е. Катанаева интересны представленными материалами по истории Сибирского казачьего войска [56], истории основания укреплений по северному региону Казахстана, обзором состояния населения и хозяйства, земледелия и торговли на территории военных укреплений. В нашем исследовании использован личный фонд Г.Е. Катанаева из Омского архива [57].

Обширный историографический обзор и анализ работ Г.Е.Катанаева, оценку вклада в изучение проблемы мы находим в исследованиях современного отечественного историка Л.К. Мукатаевой [58].

В.А.Остафьев [59] освещает историю колонизации северного региона Казахстана и приходит к выводу, что это была политика Российской империи, носившая «искусственно – принудительный» характер, а не вольная колонизация русского народа. В анализе особенностей колонизации Северного Казахстана и оценке влияния этого процесса на население казахских аулов В.А.Остафьев исходит из интересов военно-казачьего сословия и переселенцев. Своими выводами о том, что колонизация не усугубила положение аула и не привела к обезземеливанию казахов, он фактически укреплял позиции царских властей в этом вопросе.

Особое место среди работ дореволюционного периода занимают труды отечественных исследователей, поскольку они пытались отразить точку зрения казахского народа на проблему присоединения Казахстана к России.

Ч.Ч.Валиханова вместе с проблемами этнографии, географии, фольклора интересовали и особенности русского влияния на казахский народ. Он выступал против нововведений царского правительства в степи, противоречивших быту и нраву. Являясь кадровым офицером русской армии, Ч.Ч.Валиханов, не принимал военные методы в отношении своего народа, поэтому в ходе военной экспедиции полковника Черняева в Южный Казахстан подал рапорт об отставке. В его исследованиях содержится принципиальное отрицание системы управления и колониальной политики России в Казахстане [60].

Изменения, происходившие в степи, нашли отражение в традиционной казахской литературе. Исследователи определили это течение, как «литературу эпохи колониализма», выдвигая на первый план отношения поэтов к тем изменениям жизни казахов, которые вносились колонизаторской политикой царизма. Потерю казахами своей государственной независимости, административных прав, реформы проводимые царизмом – всю палитру явлений, сопутствующих закономерному развитию капиталистических отношений, поэты воспринимали как будущую катастрофу. В своих произведениях того периода они дают негативную оценку последствий военного продвижения Российской империи, осуждая военные методы и

строительство крепостей в казахской степи. К поэтам этого течения относят Дулата Бабатайулы, Шортанбая Канайулы, Мурата Монкеулы, Аубакира Кердери и др. Талантливая поэтесса этого направления, уроженка Семипалатинской области Жазык [61, с. 54] пишет:

«Всюду злых поставили людей,  
Отвели жайляу под пикеты,  
Перечли овец, быков, коней...  
И почти на все ввели запреты»

Специфика исследований М.Дулатова по проблеме присоединения Казахстана к России состоит в том, что он резко осуждает не только колониальную политику царизма, но стремление официальной историографии исказить историческую правду. Безжалостное наступление на степь, по его мнению, привело край к полному упадку, и обоснование военного проникновения и закрепления Российской империи в казахскую степь, как великого блага, может привести к плачевным последствиям, поскольку препятствует адекватному отражению исторической действительности [62].

Проблема вхождения Казахстана в состав России нашла отражение в трудах А.Букейханова. В работе «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» автор трактует этот процесс как «завоевывание», «покорение», тем самым, подчеркивая военный характер продвижения империи в степь. Собрал и проанализировав статистические данные по обследованию земель Казахстана, А.Н.Букейханов определил присоединение к России как процесс колонизации и выделил в ней два момента: вольную колонизацию и военную. Он отстаивал мнение о том, что колонизация существенно ущемила интересы коренного населения [2, с. 45-46].

Х. Досмухамедов рассматривает завоевательную политику России в Казахстане, как один из этапов при продвижении в Азию [63, с. 29-32]

Таким образом, в трудах дореволюционных историков, за редким исключением, выражается мысль о благотворном воздействии, созидательной роли колонизации Казахстана Россией, и тем самым оправдываются ее методы, в том числе и военные. В их взглядах мы встречаем обоснование естественности существующего в то время положения казахов, идеализацию их отношений с колониальной администрацией. Однако, труды, написанные в период колонизации, непосредственно отражают атмосферу этого процесса, содержат необходимый фактологический материал, поэтому представляют собой большую историческую ценность.

Новый этап в исследовании проблемы присоединения Казахстана к России начинается в послеоктябрьский период. Особенностью историографии Казахстана первых лет Советской власти была определенная свобода от идеологических установок большевизма, что привело к формированию различных концепций об исторических последствиях колонизации Казахстана Россией.

Согласно первой концепции, присоединение Казахстана к России имело исключительно негативные последствия, и рассматривалось как «абсолютное зло». Сторонники данного подхода (А.Букейханов, А.Байтурсынов [64], М.

Дулатов, С.Торайгыров) подвергали острой критике политику колониальных властей, стремились к созданию самостоятельного государства. Т. Рыскулов определял главное направление своей политической и организационной деятельности, как «борьба с колонизаторством», критиковал военные методы [65, с. 112].

В русле этой концепции рассматривал данную проблему и Г.И.Сафаров. Анализируя европейскую колониальную систему, в том числе и колониальную систему Российской империи, он утверждал, что европейский колониализм законсервировал в колониях старые феодальные отношения. При этом колонизаторы военным путем захватили лучшие земли и источники сырья, а к феодальной эксплуатации добавился еще чужеземный капиталистический [66].

Вторая концепция трактовала присоединение к России как «наименьшее зло» для казахского народа. Наиболее ярко такой взгляд на проблему представлен в трудах С.Д.Асфендиярова [67], М.Тынышпаева [68], которые, с одной стороны, отвергали идею добровольности присоединения Казахстана к России, определяя этот процесс как завоевание, а с другой стороны, считали, что, несмотря на жесткие военные методы колониальной политики царизма, переходом казахов в русское подданство нанесено меньше вреда, чем могло быть. С.Д.Асфендияров был одним из исследователей, кто пытался рассматривать колонизацию Казахстана не с европоцентристских позиций, а с точки зрения казахского народа. Данный подход в дальнейшем нашел отражение в трудах Л.Н.Гумилева, специально не изучавшего вопросы колонизации восточных народов, критиковал европоцентристский подход и доказал этническую принадлежность территории северного региона Казахстана тюркам и вследствие этого воспринимал присоединение казахских земель к России как экспансию русского этноса [69].

Исследователи А.Ф.Рязанов, В.П.Вяткин, В.Ф.Шахматов и другие, изучавшие период колонизации Казахстана Российской империей, использовали ценные документальные материалы и дали объективную научную оценку российской колониальной политике. Данными авторами отрицается абсолютная добровольность и прогрессивность присоединения казахских земель к России. Хотя, впоследствии под давлением тоталитарной системы ученые были вынуждены изменить свои «ошибочные взгляды», но их труды внесли большой вклад в изучение истории этого периода [70].

Новый этап в исследовании проблемы начинается в послеоктябрьский период. Т. Шонанұлы исследовал историю раздела казахской земли еще в 1923г., но книга стала известна только в наши дни [71].

Крупным явлением в историографии Казахстана стала монография Е.Б.Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX в.» [72]. Автор глубоко изучил социально-экономическое и политическое развитие Казахстана на рубеже XVIII - XIX веков, осветил методы военно-казахской колонизации земель по Новой и Горькой линиям с севера, рассмотрел национально-освободительное движение как последствие отчуждения земель у казахов. Однако, резкое осуждение позиции «наименьшего зла» со стороны партийных органов и репрессии в отношении Е.Б.Бекмаханова, заставили ученых пересмотреть свою оценку

колонизации Казахстана Россией, что впоследствии нашло отражение во втором издании «Истории Казахской ССР» и монографии Е.Б.Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России» [73].

Подобные негативные явления, безусловно, деформировали содержание исследований и на время затормозили разработку проблемы военного проникновения и закрепления России в Казахстане.

Третья концепция об исторических последствиях присоединения Казахстана к России, отмечая реакционный характер политики царизма, оценивала данный процесс как исключительно прогрессивное явление для Казахстана.

Так, в исследованиях С.З.Зиманова [74], Е.А.Толыбекова [75], Т.Х.Шоинбаева [76] давалась односторонняя характеристика процесса присоединения Казахстана к России, колонизация казахских земель трактовалась как социально-экономическое освоение, а военное продвижение в степь – как добровольно-необходимое явление.

Работы М.М.Громыко [77], А.Д.Колесникова [78], Н.И.Никитина [79], В.И.Петрова [80] и других, в основном, посвящены заселению Западной Сибири и сопредельных территорий Казахстана русским народом. В них подчеркивается необходимость защитных функций военных укреплений, создаваемых в северном регионе Казахстана и не рассматривается их военно-наступательная роль в продвижении на Восток.

По сути дела, данная концепция была своеобразным продолжением той тенденциозной догмы, которая обосновывалась идеологами Российской империи, начиная с XVIII в. На это указывает, например, тот факт, что взгляды советских историков, оценивающих присоединение как «абсолютное добро», совпадают в этом вопросе с точкой зрения исследователей-эмигрантов А.А.Гордеева, И.Ф.Быкадорова и других, считающих колонизацию новых земель Россией прогрессивным явлением, и описывали ее только как хронику боевых подвигов казачества [81].

Несомненным достоинством исследований советских историков было то, что, значительно расширив источниковедческую базу, авторы приводят массу сведений по проблемам колонизации, используют богатый статистический материал.

Труды Н.Г. Аполловой [82], Н.В. Алексеенко [83], В.Я. Басина [84], Б.С. Сулейменова [85], Ж.К. Касымбаева [86], Н.Е. Бекмахановой [87, 88], М.С. Муканова [89] и других положили основу дальнейших исследований в различных аспектах: политических, социальных, экономических, демографических, культурных, этнических. Так, в работах Ж.К. Касымбаева дается подробная характеристика Верхнеиртышских крепостей, описывается процесс их перерастания в города, показана их роль в развитии экономических связей и хозяйственном сближении народов Российской империи и ее национальных окраин [90].

Определенный интерес представляют исследования краеведческого характера, посвященные непосредственно истории северного региона Казахстана. Отличительная черта этих работ – детальное описание истории



возникновения и развития поселений в отдельных районах Северного Казахстана и пути формирования их населения. Однако, практически во всех публикациях мало сведений о военном продвижении, в основном сведения о крестьянских переселениях, об этнографии и топонимике края. Практически отсутствует анализ характера военных поселений, крепостей, причина их появления в крае, что приводит к игнорированию самого факта военного проникновения и закрепления России в данном регионе [91].

Работы Н.В.Горбаня [92], Д.Н.Фиалкова [93] и других посвящены истории строительства Горькой линии, но они не рассматривают причин, характера, роли возведения военных линий в казахской степи. Эти труды рассматривают только инженерно-строительные аспекты. Но, несмотря на то, что эти работы написаны в советский период, они носят тенденциозный имперский характер. Например, в научной статье Д.Н.Фиалкова «Горькая линия военных укреплений» пишется: «Русская вольница со времен Ермака медленно переходила на караванные дороги, по которым продолжали метаться со своей рухлядью кочевники... Степь, не обрабатываемая, не имевшая знаков оседлости, не могла по праву принадлежать тому, кто первый провел там борозду сохой, пока не были построены русские укрепления» [93, с. 52].

Истории изучаемого региона посвящены исследования К.М.Туманшина «История Петропавловска и Петропавловского уезда во второй половине XIX - в начале XX в.» [94], М.Н.Алдабергенова «Хозяйственное освоение Северного Казахстана в XIX веке» [95]. В них тема военного присутствия России дается только как закономерное последствие прогрессивного влияния присоединения.

Вместе с тем идеологические догмы советского периода не позволяли рассматривать в полной мере методы военного проникновения и закрепления Российской империи на территории Казахстана. Так, строительство крепостей, линий и наращивание в крае сил армии и казачества, а затем и полувоенно-гражданского населения, служили средством подавления любых попыток сопротивления захвату земель, что не входило в задачи специальных исследований. Все это привело не только к появлению «белых пятен» в истории, но и не позволило в будущем видеть истинные причины многих геополитических, экономических, социокультурных и этнических проблем.

Что касается трудов зарубежных исследователей, то они в основном политического характера, трактуют процесс присоединения казахской степи к России, как колониальную политику царизма. Общим выражением взглядов западной историографии служит работа М.Б. Олкотт «Казахи». Однозначно трактуется термин «колонизация», строительство укрепленных линий вокруг казахских степей рассматривается как метод включения территории в состав империи. Детально рассматривается политика колониальных властей в вопросах взаимоотношений властей с казахской знатью, отторжение земель рассматривается, как одна из форм колонизации региона [96].

В работе Ю.Скайлер отмечается роль построенных крепостей и русских гарнизонов, как сильная военная угроза для степи [97, с. 76-77]. Английский историк А.Краусс четко определяет, что Россия в Казахстане и Средней Азии проводила колониационную политику [98, с. 81].

Новые возможности для изучения истории вхождения Казахстана в состав России открылись перед исследователями в связи с обретением нашей республикой независимости. В обществе идет переосмысление сложившихся представлений, по-новому освещаются известные и ранее недоступные факты. Академик М.К.Козыбаев проблему вхождения Казахстана в состав Российской империи определил, как приоритетную, а колонизация Казахстана рассматривается как один из этапов целенаправленной реализации геополитических интересов Российской империи на Востоке. Он пишет, что «следует отказаться от термина «присоединение», ибо в дореволюционной и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов. Царизм стремился с наименьшими затратами (материальными и военными) как бы приобрести сам народ, и его территорию, не выпячивая насильственную сторону колониализма» [99, с. 20]. В частности, академик отмечает: «Крепостническая Россия осуществляла колониальную политику с того периода, когда объединение русских земель в единое централизованное государство начало перерастать в расширение территории Московского царства за счет присоединения соседних, более слабых народов» [100, с. 140].

Опубликованные труды отечественных исследователей, написанных на основе богатого фактического материала, содержащих четкую классификацию основных направлений и периодов колонизации, с которой трудно не согласиться, дающих достаточно полную характеристику инструментов колонизации края, адекватную оценку последствий присоединения Казахстана к России, аргументированные выводы и обобщения.

Своеобразным итогом современных научных изысканий стал выпуск многотомной «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней», где авторы считают, что колониальная политика выразилась в создании укрепленных линий вокруг казахских земель и во введении здесь российской системы управления [101, с. 18].

Появились новые исследования известных казахстанских ученых: М.Койгельдиева, Т.Омарбекова, М. Мырзахметова [102], К.А.Жиренчина [103], И.Ерофеевой [104], и других, где охватывается широкий аспект проблем, связанных с процессами колонизации. В своих публикациях Ж.К.Касымбаев [105] уже по-новому освещает проблемы включения Казахстана в состав России.

В работе М.Ж.Абдирова «История казачества Казахстана» показана роль казачества в проведении колониальной политики России в Казахстане, особо подчеркивается хищнический характер отторжения казахских земель казачьими войсками путем строительства военных укреплений [106]. Позднее, в диссертационном исследовании, на основе историко-эволюционного анализа М.Ж.Абдиров раскрывает сущность военно-казачьей колонизации Казахстана, расширяя исторические рамки с конца XVI – по начало XX веков [107].

Работы, появившиеся в 1990-е годы, К.К.Абуева «Кокшетау. Исторические очерки» [108], В.А.Терещука «Рассказы о Кокчетаве» [109] несколько противостоят друг другу в точках зрения на методы колонизации и

роли в этом процессе военных и казачества, но в этих трудах не ставились цели осветить всю панораму истории северного региона Казахстана.

Результатом интенсивного обмена научными идеями явились диссертационные исследования последних лет З.Е.Кабульдинова, Ж.С.Мажитовой, А.Ш.Мусурмановой, Г.Д. Мухтарова, С. Мадуанова, Х.А. Аубакировой, К.Р. Несипбаевой, А.М. Абдильдабековой, Е.С. Сыздыковой, Т.Т. Далаевой, А.Д. Кокеева, К.С. Бижигитовой [110] и других, в которых рассматривались различные аспекты колонизации Казахстана Россией, и роль в этом процессе армии и казачества. Из работ последних лет, интересна докторская диссертация К.Ж.Нурбаева, посвященная проблемам колонизации Северо-Центрального Казахстана XVIII-первая пол. XIX в [111], и наиболее близкая к нашей теме исследования.

Вопросам военного продвижения посвящен ряд работ Г.М. Карасаева, К.М. Алдабергенова, где отмечаются основные методы и принципы царской политики, рассматривается роль крепостей и переселенцев в колониальной стратегии России [112].

За годы независимости появились работы источниковедческого характера, посвященные вопросам колонизации Казахстана. Работы Г.Е.Отеповой [113], К. Кусайынулы [114], С.И. Жакыпбека [115], С.М.Машибаева [116], Е.М. Абайдельдинова [117], С. Ешмухаметова [118] значительно расширили круг источников, обобщили предыдущие материалы и ввели в научный оборот новый документальный материал.

Общим для этих исследований является стремление обосновать принципиально новые концептуально-методологические подходы, позволяющие переосмыслить прошлое, восстановить историческую правду, расширить круг используемых источников.

Такие же установки характерны и для ряда современных российских ученых (Л.И.Футорянский [119], М.Д. Мамин [120], Н.Е.Бекмаханова [121, 122], А.В. Ремнев [40, с. 4-8], В.В.Глущенко [123] и другие). На основе богатого статистического материала эти ученые доказывают добровольно-принудительный характер формирования Сибирского и Оренбургского казачества царскими властями для их последующего использования в продвижении на Восток. Вопросы включения в состав России кочевых народов Южного Урала и Западного Казахстана, сопредельных с нашим регионом, рассматриваются в работах В.В. Трепавлова. Он отмечает тенденцию постепенного вхождения орд на начальном этапе на правах вассалитета с элементами протектората [124].

Вместе с тем, появился ряд работ популистского характера, которые искажают объективный ход процесса, к делу даже подключились и непрофессиональные историки. В российской историографии даются неоднозначные оценки, поскольку концепция по проблемам процесса присоединения Казахстана к России и других национальных окраин, рассматривается с позиции имперской политики, преувеличивается «благородная миссия» военных и казаков, которых показывают только как защитников и открывателей. Показательны в этом плане публикации некоторых

ученых, а также известных деятелей культуры (Н.И.Фокин [6, с. 418], В.Ф.Мамонов, В.С.Кобзев, А.Агафонов, Солженицын и другие.) [125].

Совершенно правы авторы книги «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана», которые на современном научно-теоретическом уровне рассматривают проблемы влияния постсоветских мифологических реконструкций нашего прошлого на историческое сознание казахстанского общества [126].

Попыткой примирить две крайние точки зрения на присоединение Казахстана к России является подход Н.И.Цимбаева, А.Р.Кузмина [127], Л.И.Семенниковой [128], заменяющих понятие «колонизация» определением «политика социальной ассимиляции». По их мнению, внешняя экспансия была вызвана потребностями в развитии рыночных отношений. Но Россия не стала метрополией, а завоеванные территории – колониями. Колониальный тип экспансий в России не сложился, и завоеванные территории включались в состав единого государства. Социальная ассимиляция состояла в сохранении привилегированного положения местной правящей верхушки, которая, входя в состав господствующих в России сословий, сохраняла свою веру, свои особые права и преимущество. Вследствие чего она служила твердой основой российской политики постоянной территориальной экспансии.

Таким образом, для современного этапа изучения проблемы включения Казахстана в состав России характерно многообразие взглядов и это вполне закономерно, поскольку в процессе восстановления справедливости выделяется множество точек зрения, и поиски истины всегда связаны со спором мнений.

История военной колонизации Казахстана стала объектом изучения после обретения независимости государства. Это объясняется тем, что военный характер этого процесса фальсифицировался под давлением имперского диктата и марксистско-ленинской идеологии. Отечественная история XVIII-XIX вв. рассматривалась с точки зрения российского менталитета. Все это потребовало объективных подходов к историческому прошлому. Академиком Козыбаевым М.К. в этот период было обращено внимание исследователей на этот узловый вопрос Отечественной истории [129].

В целях объединения усилий казахстанских историков по изучению данной проблемы и выработки новых концептуальных позиций, за счет расширения творческих контактов и взаимного обмена взглядов, по инициативе НАН РК и ряда отдельных региональных научных центров стали проводиться научно-практические конференции. Например, в 1990 г. в Алматы «Территория Казахстана: история и современность», в 1990 г. в Костанае по проблемам краеведения северных регионов, в 1991 г. в Кокшетау «Аблай и национально-освободительная борьба казахского народа в XVIII веке», в 1993 г. в Алматы «Теоретико-методологические проблемы истории Казахстана», в 1994 г. в Костанае «Национально-освободительное движение в Казахстане: история, методология, историография», в 1998 г. в Алматы «Год народного единства и национальной истории: проблемы и пути реализации». Большой вклад в изучение данной проблемы стали традиционные международные научные конференции «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского

народов» в 1999г. в Омске, в 2001г. в Кокчетаве, в 2005г. в Астане, в 2007г. в Караганде, в 2010г. в Костанае [130].

Общий обзор литературы позволяет сделать вывод, что специального изучения истории военного продвижения и закрепления России в северном регионе Казахстана во второй половине XVIII – первой трети XIX в. не было, что позволяет говорить о неразработанности названной проблемы. Не введены в научный оборот и не подвергнуты анализу и научному обобщению многие имеющиеся в различных архивах материалы. В результате полностью не изучена и не выявлена история создания военных линий в северном регионе Казахстана.

Всестороннее исследование истории создания военных укреплений в Северном Казахстане позволит нам с высоким уровнем научной достоверности проследить продвижение России вглубь степи, проанализировать некоторые аспекты вхождения северного региона Казахстана в состав России и показать на фактах характер и последствия этого процесса. Поэтому, на наш взгляд, необходимо специальное исследование данной проблемы.

### **Цель и задачи исследования**

Целью данной работы является исследование истории военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана во второй половине XVIII - первой трети XIX в. как первоначального этапа единого процесса колонизации казахских земель. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

- изучить на основе анализа и научного обобщения новых, впервые вводимых в научный оборот, архивных источников историю строительства русских военных укреплений в северном регионе Казахстана во второй половине XVIII в. – первой трети XIX в.;

- рассмотреть причины, характер, значение возведения военных линий в казахской степи;

- показать военный характер продвижения и закрепления Российской империи в Северном Казахстане;

- раскрыть сущность военно-стратегических мероприятий царского правительства по созданию в северном регионе Казахстана плацдарма для дальнейшего продвижения на Восток;

- дать характеристику деятельности колониальных властей по укреплению позиций России в северном регионе Казахстана;

- определить значение и роль северного региона Казахстана для военно-стратегических планов царизма на Востоке;

- значительно расширить источниковедческую базу по данной проблеме исследования.

### **Источники**

Для решения поставленных предметно-целевых установок нами привлечен разнообразный круг источников, а именно: архивные, статистические, делопроизводственные, нормативно-правовые, картографические и другие источники. В целом, весь комплекс источниковой базы, использованный в диссертационном исследовании, можно разделить на несколько групп:

К 1-й группе относятся нормативно-правовые документы. Данную группу источников составляют законы, указы, распоряжения, положения, постановления. К этим материалам надо добавить ряд актов, напечатанных в Полном Собрании Законов Российской империи, касающихся заселения Новой и Новоишимской линий и их военного устройства. Также нормативно-правовые акты публиковались в отдельных изданиях, в частности, в Положениях о Сибирском казачьем войске 1808 и 1846 г., в сборниках узаконений. Дальнейшее развитие и совершенствование системы казачьего законодательства привело к необходимости систематизации войскового законодательства и приведение его в соответствие с общероссийским гражданским правом. В связи с этим, с 1865 г. все законодательные акты, издаваемые в Полных собраниях законов Российской империи и регламентирующие права и обязанности Сибирского и Оренбургского казачьих войск, стали публиковаться в специализированном Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам.

2-я группа источниковой базы исследования представлена делопроизводственной документацией центральных и местных государственных учреждений и органов управления Сибирского и Оренбургского казачьих войск, хранящейся в фондах Государственных архивах Омской и Оренбургской областей Российской Федерации (ГАОО) и Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

В данной группе мы можем выделить следующие виды делопроизводственной документации:

1) Журналы Войсковых хозяйственных правлений Сибирского и Оренбургского казачьих войск и Омского Областного совета позволяют проследить и проанализировать поиск путей решения земельно-территориального вопроса в рассматриваемом регионе. На заседаниях рассматривались проблемы землеустройства казахов, проживающих на территории военной линии, определялись основные направления деятельности межевых комиссий, поднимались вопросы установления количества казахских хозяйств, нуждающихся в обустройстве, решались задачи определения размера арендной платы и устранения возникших споров между войсковым правлением и администрацией.

2) Служебная переписка включает в себя рапорты и донесения комендантов крепостей и атаманов казачьих станиц, предписания губернской канцелярии, записки Войскового хозяйственного правления о землеустройстве, переписку начальников пограничных линий, обращения представителей казахских общин и т.д.

3) Материалы землеустроительных работ и межеваний земель казачьего войска собраны в виде инструкций, актов осмотров арендных войсковых участков, ведомостей о свободных землях и затратах на землеустроительные работы.

4) Материалы государственных органов управления собраны в виде правительственных указов и постановлений, распоряжений, документации о деятельности: Оренбургской экспедиции, Оренбургского Пограничного суда,

Омского городского полицейского управления, канцелярии командира Сибирской Пограничной линии, Омской таможни, Главного Управления Западной Сибири, Податной инспекции Омского уезда, канцелярия командующего Сибирским корпусом, Петропавловской пограничной таможни, Омского областного управления МВД, Пограничного управления сибирскими киргизами, Областного правления сибирскими киргизами, Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, Областного правления оренбургскими киргизами, коменданта г. Петропавловска, Акмолинского областного правления, Тургайского областного правления, Аракарагайского волостного управителя, штаба войск Акмолинской области, Сибирского казачьего войска, Аманкарагайского внешнего окружного приказа, Петропавловской пограничной таможни, Полкового Управления 10-го казачьего полка Сибирского линейного казачьего войска, Сибирского генерал-губернатора, Западно-Сибирского отдела ИРГО, Омского областного землемера, Инспекторской канцелярии Командующего Сибирским корпусом Западной Сибири, Оренбургской комиссии, Оренбургской губернской канцелярии, Канцелярии Симбирского и Уфимского генерал-губернатора, Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, Оренбургского губернского правления, Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска, Оренбургского отдела ИРГО, Оренбургской таможни, Войскового штаба Оренбургского казачьего войска, Оренбургской Пограничной комиссии, Областного правления оренбургскими киргизами, Начальника Оренбургского таможенного округа.

3-ю группу источников составляют обзоры, справочные и энциклопедические издания, содержащие информацию об экономическом и социальном развитии региона. Например, «Россия. Полное географическое описание. Киргизский край» [131], «Живописная Россия» [132], «Материалы по статистике, географии, истории и этнографии» Западно-Сибирского и Оренбургского ведомств [133] и другие.

К 4-й группе относятся сборники документов и материалов. Здесь содержится богатый фактический материал, дается подробная информация о военных линиях, о входивших в них укреплениях и поселениях, статистические данные об армейских и казачьих войсках. Таких как «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках» [134], «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках.» [135], «Материалы по истории Казахской ССР» [136] и другие.

К 5-й группе источников относятся документы личного происхождения, которые включают материалы личного фонда Г.Е. Катанаева, Г.Ф. Генса, И. В. Чернова, С.Н. Севастьянова, а также опубликованные журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева.

К 6-й группе относятся исторические карты. В ходе работы нами тщательно изучены и использованы многочисленные оригиналы карт, также копии с подлинников XVIII – XIX вв., хранящиеся в архивах. Особенно высокий интерес представляет для нашего исследования картографический фонд 124 Оренбургского архива:

1. Карта Оренбургской линии от 1764г. (Оп. 1 Д. 71)

2. Карта Троицкого уезда гражданской территории (Оп. 2 Д. 6216)
3. Карта Среднеазиатских владений с пограничными частями Российской империи второй половины XIX в.

4. Карта Оренбургской пограничной линии начиная от устья рѣки Яика, отъ Гурьева городка въверх по оной рѣке Яику до вершинъ поотголе на р.Уй и потой р.Ую до устья и по р.Тоболу до Звъериноголовской крѣпости сприобщением по оной Сомарской и Сокмарской линий с оказанием всех крѣпостей и редутов; а при том показано с одной стороны степь кочующих киргиз-кайсаков, а с другой внутренней Оренбургской губернии места. Сочинена при Оренбургской географическое дела Июня 3-го дня 1764 г. (Оп. 2 Д. 7000)

5. Карта Диаграмма Оренбургской Губернии с указанием уездов, волостей, станиц. (ОП. 2 Д. 6154)

6. Карта Кустанайского уезда Тургайской области. (Оп. 2 Д. 6252)

7. Станица Звериноголовская. (Оп.1.Д.1032)

8. Земли Уральского казачьего войска. (Оп.1.Д.1029)

9. Земли, принадлежащие Оренбургскому войску. (Оп.1.Д.1035)

10. Карта Оренбургского края. (Оп.2.Д.6158)

11. Карта Оренбургского военного округа. (Оп.2.Д.6163)

12. Схема-карта волостей. (Оп.2.Д.6167)

13. Карта-диаграмма. (Оп.2.Д.6181)

14. Карта волостей Тургайской области. (Оп.2.Д.6184)

15. Карта Самарской губернии. (Оп.2.Д.6206)

16. Карта Челябинского уезда. (Оп.2.Д.6224)

17. Карта Уфимской губернии. (Оп.2.Д.6238)

18. Карта Астраханской губернии. (Оп.2.Д.6242)

19. Карта Акмолинской области. (Оп.2.Д.6248)

20. Карта Кустанайского уезда. (Оп.2.Д.6252)

21. План р. Урал в пределах Войска (Оп.2.Д.6304)

22. Карта-дистанция кр. Петропавловской (Оп.2.Д.6995)

23. План Новой Линии 1852г. (Оп.2.Д.6998)

24. Карта Оренбургской пограничной линии 1764г. (Оп.2.Д.7000)

25. Карта земель Уральского казачьего войска. (Оп.2.Д.7017)

Полное представление о расположении крепостей, редутов, маяков по Горькой линии мы нашли в фотокопиях карт, атласов и планов фонда №3 Центрального Государственного архива Военно-Морского флота Российской Федерации. В работе мы почерпнули много ценной информации из нижеперечисленных карт:

1. Карта Горькой линии с подробным планом крепостей, редутов, маяков. (конец XVIIIв.)

2. Фотокопии планов крепостей Оренбургской и Сибирской губернии (конец XVIIIв.): планы крепостей Губерлинской, Илтинской, Красногорской, планы фасадов и крепостей: Губерлинской, Илтинской, Верхнеуфимской, Красногорской, Омской, Пресновской. (Оп.23. Д.987. Л.28-49).

3. Фотокопии планов крепостей за 1803 год: Планы Петропавловской,



Звериной, редутов Степного и Новорыбинского. (Оп.25. Д.3028. Л.11-75).

4. Фотокопии атласа планов форпостов и укреплений юга Тобольской губернии вдоль реки Тобол по степи через Большой Кайрот и по реке Ишим. 1747г. (Оп.23.Д.916.Л.1-88).

Все эти карты и фотокопии помогли раскрыть вопросы строительства военных линий и расположения их на местности.

К 7-й группе относятся публицистические материалы, получившие освещение на страницах периодических изданий дореволюционного, советского и современного периода.

Для рассмотрения многих интересующих нас вопросов были привлечены публикации, касающиеся истории колонизации региона, позволявшие в определенной степени восполнить имеющиеся в документах пробелы: «Записки Оренбургского отдела Русского географического общества», «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (т.14, т.17), «Колокол», «Военно-исторический журнал», «Записки по истории и краеведению Омской области», «Вопросы географии», «Военный сборник», «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», «Оренбургский листок», «Оренбургская газета», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Акмолинские ведомости», «Оренбургские губернские ведомости», «Тургайская газета», «Киргизская степная газета», «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества», «Дорожник по Сибири и Азиатской России», «Сибирский наблюдатель», «Семипалатинский листок», «Вестник Императорского Русского Географического общества», а также современные издания: «Казачий круг», «Казахстанская правда», «Литературная газета», «Ленинское знамя», «Северный Казахстан», «Қостанай таңы», «Костанайские новости» и другие.

Много информации мы почерпнули из полного собрания номеров газеты «Дала уалаятынын газети» - «Киргизской степной газеты», издававшейся в 1888-1902гг. в Омске на казахском и русском языках [137].

Наша работа построена на изучении материалов, основную часть которых составляет ретроспективная документальная информация, извлеченная из архивных фондов.

Фонды ЦГА РК: Фонд № 338 – Омское областное правление МВД. В этом фонде присутствуют сведения о демографической ситуации в Северном Казахстане вдоль крепостных линий, представлены ведомости о размерах поступлений ремонтной пошлины, анализ которых позволил сделать нам вывод о постоянном росте этого вида налогов. Фонд № 374 – Пограничное управление сибирскими киргизами, в котором содержатся рапорты, донесения, приказы, переписка, сведения о состоянии воинских подразделений на крепостных линиях. Фонд № 345 – Областное правление сибирскими киргизами. Фонд № 471 – Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска, приводится объемная характеристика социально-экономического развития региона. Фонд № 486 – Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Фонд № 4 – Областное правление оренбургскими киргизами. Фонд № 416 – Главное Управление Западной Сибири. Фонд № 684 –

Комендант г.Петропавловска. Фонд № 369 – Акмолинское областное правление. Фонд № 25 – Тургайское областное правление. Фонд № 836 – Аракарагайский волостной управитель. Фонд № 554 – Петропавловский окружной суд. Фонд № 406 – Штаб войск Акмолинской области Сибирского казачьего войска. Фонд № 375 – Аманкарагайский внешний окружной приказ. Фонд № 564 – Петропавловская пограничная таможня. Фонд № 23 – Полковое Управление 10 казачьего полка Сибирского линейного казачьего войска.

Часть редких и интересных документов выявлена в государственных архивохранилищах городов Омска и Оренбурга Российской Федерации. Фонды Государственного архива Омской области Российской Федерации (ГАОМО): 1- Военно-походная канцелярия, 2-Сибирский генерал-губернатор, 3- Главное управление Западной Сибири, 13 – Омская таможня, 86 – Западно-Сибирский отдел ИРГО, 114 – дела Омского областного землемера, 149 – Дела Инспекторской канцелярии Командующего Сибирским корпусом Западной Сибири, 336 – Личный фонд Катанаева Георгия Ефремовича, 439 – Канцелярия командира Сибирских пограничных линий.

Фонды Государственного архива Оренбургской области Российской Федерации (ГАОО): 1 – Оренбургская экспедиция, 2 – Оренбургская комиссия, 3 – Оренбургская губернская канцелярия, 4 – Канцелярия Сибирского и Уфимского генерал-губернатора, 5 – Оренбургская экспедиция пограничных дел, 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора, 11 – Оренбургское губернское правление, 54 – Оренбургский Пограничный суд, 37-Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска, 94 – Оренбургский отдел ИРГО, 96- Оренбургская Ученая архивная комиссия, 166 – Генс Григорий Федорович, 167 – Чернов Иван Васильевич, 169 – Севастьянов Сергей Никонорович, 153 – Оренбургская таможня, 185 – Войсковой штаб Оренбургского казачьего войска, 222 – Оренбургская Пограничная комиссия, 231 – Областное правление оренбургскими киргизами, 339 – Начальник Оренбургского таможенного округа.

Системный анализ всего перечисленного комплекса источников дал возможность достаточно глубоко и всесторонне изучить исследуемую проблему.

**Предметом исследования** является процесс военного продвижения и закрепления Российской империи в Северном Казахстане.

**Теоретико-методологическими основами** исследования выступили общие принципы научного познания и историзма, теоретико-методологического плюрализма, который в свою очередь базируется на сочетании различных теоретических подходов и научных концепций. Мы стремились подойти к осмыслению изучаемых вопросов, с концептуальных позиций нового исторического мышления, раскрывая исторические события и их историографическую оценку в реальном содержании, сквозь призму интересов Российской империи на территории Северного Казахстана.

В диссертации были применены цивилизационный и формационный подходы. Среди исследовательских методов, для изучения поставленной проблемы, также продуктивными оказались комплексный подход и системный

анализ, сравнительно-исторический метод, метод исторической реконструкции, интеллектуального моделирования, методы диахронного анализа социально-исторической реальности, картографический, статистический.

Теоретической основой диссертации являются принципы системности научного познания, объективности, которые сочетаются с ценностным подходом к событиям прошлого периода истории Республики Казахстан. Эволюция продвижения и закрепления Российской империи на территории Северного Казахстана рассматривалась в конкретной исторической обстановке.

**Хронологические рамки** охватывают период с середины XVIII в. по 30-40-х гг. XIX в. Середина XVIII в. выбрана в качестве отправной точки в процессе колонизации казахских земель в связи с тем, что именно в это время царское правительство приступило к переносу военных линий (строительство с 1752 г. Новоишимской или Горькой линии) на территорию северного региона Казахстана.

На рубеже XVIII - XIX в. царизм приступил к дальнейшему «поглощению» степи со стороны Южного Урала и Сибири, двигаясь к землям казахов Среднего жуза, проживавших в северных районах современного Казахстана.

30-40-е годы XIX в. являются важным рубежом в истории колонизации Казахстана Россией, поскольку был завершён охват территории северного региона системой военных укреплений (на востоке - Иртышская линия, на западе - Новая (Оренбургская) линия, на севере - Новоишимская (Горькая) линия) и создан мощный военный плацдарм для дальнейшего продвижения на Восток.

Таким образом, военный характер продвижения и закрепления России в северном регионе Казахстана наиболее ярко проявился в период с середины XVIII по первую треть XIX веков.

**Географические рамки** исследования охватывают территорию Оренбургской и Западно-Сибирской губерний в XVIII-XIX веках (ныне Северо-Казахстанская и Костанайская области Республики Казахстан, а также сопредельные территории Российской Федерации - Оренбургская, Челябинская, Омская, Курганская области). Во второй половине XVIII начале XIX веков этот регион был важным стратегическим звеном в вопросах создания опорных баз для продвижения Российской империи на Восток. Регион Северного Казахстана был также связан и общим административно-территориальным управлением, общностью процессов социально-экономического и политического развития. О продвижении царизма в Казахстан со стороны Южного Урала и со стороны Иртыша в литературе больше известно, чем со стороны Тобола и Ишима. Предлагаемую работу надо рассматривать как одну из страниц истории российской колонизации Казахстана.

**Новизна исследования** заключается в том, что нами впервые введены в научный оборот архивные документы, касающиеся характера взаимоотношений с казахскими родоправителями, например, с Аблаем и Кульсарой батыром, их переписка с сибирскими и оренбургскими властями; сведения по разведывательной и агентурной работе в Среднем жузе в XVIII - начале XIX в.; деятельности Петропавловской таможни и др. Ввиду того, что многие

источниковые сведения приблизительны и несистематизированы, а исследования дореволюционных и казачьих чиновников чаще носят субъективный и обобщающий характер, часть информации приходилось проверять и сопоставлять с общими и конкретными данными. Не следует забывать, что зачастую многие факты искажались в связи с имперской идеологией того времени и идеологией советского периода.

Также в работе использованы подлинные карты XVIII-XIX вв. из Омского и Оренбургского архивов, фотокопии планов укреплений Новоишимской линии из ЦГА ВМФ РФ.

**Практическая значимость** работы заключается в том, что она расширяет информационную базу для более глубокого освещения и обобщения истории военного продвижения в северный регион Казахстана во второй половине XVIII – по 30-40-е гг. XIX в. Результаты работы могут быть использованы для разработки учебных пособий по истории Казахстана, фактический материал может быть применен в научно-исследовательских работах, а также при составлении элективных курсов по истории Казахстана. Отдельные аспекты исследования найдут применение в краеведческой работе. Научно-теоретические выводы и практические рекомендации могут быть использованы при изучении проблем истории Казахстана и России в XVIII - XIX веках.

#### **Апробация работы**

Основные положения диссертации получили отражение в 19-ти научных публикациях, были представлены на международных научно-теоретических конференциях: «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народа (XVIII-XXв.) в Омске 2001, 2007г.; «Валихановские чтения» - 7,8,11 в Кокчетаве 2002, 2003, 2006г.; «Переход от тоталитаризма к демократии: опыт Казахстана. В Астане 2000г.; «Мир на рубеже тысячелетий» Костанай 2001г.; «Современные проблемы образования и науки в начале XXIв.» в Петропавловске 2001г.; «Перспективы государственно-правового и социального развития Республики Казахстан» в Костанае 2001г.; «Философия истории на рубеже тысячелетий» в Костанае 2006г.; «Парадигма науки глазами молодых ученых», в Костанае 2010г. и другие, по итогам которых опубликованы статьи в изданиях Лондона, Санкт-Петербурга, Челябинска, Омска, в отечественных изданиях «Поиск», «Қазақстан жоғары мектебі», в вестниках учебных заведений АГПУ, Астаны, Костаная, Петропавловска, Кокчетавы, Караганды и других.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры истории Казахстана Костанайского государственного педагогического института (пр. № 8 от 14 января 2010г.) и кафедры истории и права Семипалатинского государственного университета им. Шакарима (пр. № 33 от 7 октября 2010г.).

**Структура диссертации** Работа состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

# **1 ВОЕННОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

## **1.1 Российские военные укрепления на границе Северного Казахстана в первой половине XVIII в**

Геополитические устремления Российской империи в начале XVIII в., обозначенные словами Петра I «что она я орда ключ и врата в Азию», определили основные векторы развития внешнеполитических устремлений Российского государства. Внутриполитическая и внешнеполитическая ситуация первой половины XVIII в., сложившаяся на территории Казахстана, предопределила выбор направления пророссийской ориентации у казахских родоправителей.

Построенные линии крепостей в Поволжье, Южном Урале и Западной Сибири в первой половине XVIII в. послужили отправными пунктами для продвижения в казахскую степь.

На рубеже XVII-XVIII веков казахские жузы расселялись от рек Тобола и Иртыша на севере, до Ташкента на юге, от Урала и Сырдарьи на западе, до Алтая на востоке. На юге и юго-востоке соседями казахов были каракалпаки, Бухара и Хива и воинственная Джунгария, но самая большая граница по северу и северо-западу проходила с Российской империей. В основном, северные и северо-западные территории Казахстана населяли племена Среднего и Младшего жузов. Так, племена Среднего жуза кочевали по Северо-Восточному, Центральному и Юго-Восточному Казахстану, по рекам Сарысу, Нура, Ишим, Тобол, Торгай до кочевий башкир на Урале, на северо-западе, а также по течению Иртыша в пределах средней части Западной Сибири. По сведениям капитана И.Г. Андреева, казахи здесь жили «еще со времен взятия Сибири от реки Ишима, где ныне город Ишим, на реку Тобол, где город Курган и на реку впадающую в Тар, где город Тара. Впоследствии времена, по учреждении и заведении Иртышской линии до крепости Усть-Каменогорской, отнесены также и отграничены линию от Звериноголовской через Тарскую, Ишимскую и Тобольную дистанции, то сии киргизы или, по тогдашнему названию, Казачья орда» [14, с. 47].

Племена Младшего жуза расселялись на территории Западного Казахстана до Каракумов и побережью Аральского моря и окрестностей Туркестана, а на севере по рекам Орь, Илек, Урал, соприкасаясь с башкирами.

Также следует учесть, что военная угроза со стороны Джунгарии, особенно в первые десятилетия XVIII в., несколько изменили районы расселения казахских племен. Роды Среднего жуза постепенно закрепили за собой земли по верховью Яика, побережья нижнего течения Тобола, Ишима и Иртыша. Младший жуз продвинулся к Каспийскому морю, к Волге и Уралу.

Для этого времени характерно обострение геополитического вопроса в расселении казахских жузов. Территория казахов оказалась объектом интересов двух больших империй: России и Китая. Именно в этот период начинается их интенсивное расширение территории в центре Евразийского континента. В процессе столкновения двух мощных государственных систем, боровшихся за

политическое и экономическое господство на этом пространстве, происходило вытеснение кочевых племен с наиболее стратегически важных экономических регионов. Это привело к кризису самой системы культуры номадов: кочевые государства переживают период децентрализации, междоусобиц, учащаются военные столкновения между соседними подобными государствами за территории пастбищ и выход к торговым трассам. В эту орбиту полностью оказались вовлеченными и казахские племена, наряду с соседними регионами Поволжья, Приуралья, Западной Сибири, Восточного Туркестана и Средней Азии.

Надо отметить и встречный курс казахских родоправителей и султанов на пророссийскую ориентацию, вызванной внешнеполитической опасностью и сложной внутривнутриполитической обстановкой. Это давало перспективы в стабилизации ситуации и открывало новые экономические перспективы развития. Сам процесс вхождения казахских земель в состав России проходил сложно, неоднозначно и растянулся на полтора столетия.

В этот период Россия формируется как империя и ее территориальное расширение определялась задачами модернизации. Произошел мощный всплеск внешней экспансии, целью которой было решение следующих задач: выход к мировым коммуникациям, обретение источников сырья и рынков сбыта, реализация геополитических интересов и расширение применения предпринимательских сил. В связи с этим в территориальных приобретениях России просматриваются некоторые западные черты. Западный тип внешней экспансии предполагает выделение метрополии (светское национальное государство) и колониальной периферии в качестве донора.

Конечно, бесспорно, что мощная государственная организация (в данном случае по сравнению с Казахским ханством), обладающая военной силой, всегда стремится расширить территорию, укрепить свое положение. Особенно ярко это проявляется в периоды становления общественной системы, модернизации. Такой процесс является естественным для всех сообществ на определенной стадии развития. И исторический опыт свидетельствует, что эта характерная черта процесса развития прослеживается практически везде. И Российская империя в данном случае не исключение. В западном направлении Россия смогла выйти к Балтийскому морю и утвердиться на Балтийском побережье, но здесь продвижение России столкнулось с сильными государствами европейской цивилизации. И поэтому наиболее масштабной была экспансия на Востоке. Взятие в 1552г. Казанского ханства, затем в 1556г. Астраханского ханства, к концу XVI в. Ногайской орды и Сибирского ханства присоединили территории с тюркским населением. И таким образом, границы казахских кочевий становятся общими с русским государством.

С конца XVI в. постепенно увеличивается протяженность границы России с казахскими жузами, колонизация Зауралья, Западной Сибири продолжалась в течение XVII в. На этой территории возникали города, крепости, остроги, фактории, редуты, а к началу XVIII в., уже имелась целая система военных линий крепостей, вплотную теснившая территории казахских племен, ставшие центрами разрушительного воздействия на природные сообщества.

Основные направления военного продвижения России в виде строительства форпостов-укреплений пролегли по Уралу и Западной Сибири. Характерным для начала XVIII в. является тот факт, что вновь включенные территории еще не были до конца интегрированы в состав империи. Да и сам процесс вхождения народов Поволжья, Урала и Западной Сибири проходил неоднозначно. Ярким свидетельством этому могут послужить многочисленные восстания в Башкирии XVII-XVIII вв., где Россия выстраивает целую сеть военных укреплений, постепенно вторгающихся в пределы казахских кочевий.

К началу XVIII в. русские военные укрепления протянулись вдоль северо-западных кочевий казахов по течению реки Яика: от Гурьева до Яицкого городка.

От Средней Волги к Уралу до реки Тобол пролегла Закамская укрепленная линия, выстроенная в середине XVII в., которая продолжила сеть укреплений Сызранской и Симбирской пограничных линий. Таким образом, укрепления Закамской линии расчленили территорию Башкирии на четыре части и вплотную подошли к землям казахов Младшего и Среднего жузов.

Продолжением Закамской линии явились Сибирские линии, расположенные вдоль территории северного региона Казахстана. Они были созданы во второй половине XVII в.: Царево Городище (1663) на Тоболе, Чернолуцкая (1670) на Иртыше, Коркинская и Абацкая (1670) на Ишиме. К началу XVIII в. в районе Среднего Прииртышья возведен ряд укреплений: Юйский и Кутурлинский на Оше, Зудиловский на реке Аев, Бетеинский, Инберинский, Большерецкий, Нюхаловский, Кушайминский, Верблюжий и Воровский на левом берегу Иртыша. Эти крепости Сибирской линии послужили главным плацдармом для последующего военного продвижения на территории казахских племен.

После неудач на черноморском направлении и под влиянием новых данных о сказочно богатых «песочных золотом» странах Востока Петр I намечает задачу проникновения в Среднюю Азию и Индию. В связи с этим в начале XVIII в. продвижение на Восток определяется как приоритетное направление во внешней политике России.

Предлагались проекты построения крепостей из Сибири на Восток с целью контроля торговых путей. Российские политики, продвигая границы России вглубь Азии, были убеждены, что азиатские народы будут вынуждены принять российское подданство.

Именно в это время активизируется казахстанское направление восточной политики. Находясь непосредственно вблизи казахских кочевий в 1722 г. в Астрахани, Петр I обозначил геополитическое значение Казахстана «хотя де она киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям она де орда ключ и врата; и той ради причины она де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные меры взять» [138, с. 319].

Намереваясь отправить А.И.Тевкелева в Казахскую Орду, Петр I инструктировал его: «буде она орда в точное подданство не пожелает, то

стараться, несмотря на великия издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцыею Российской империи быть обязались» [47, с. 136].

Начало активному проникновению и обхвату казахских кочевий военными крепостями положили военные экспедиции А. М. Бековича-Черкасского через Каспий в Хиву, И.Д. Бухгольца по Иртышу [139]. Так, в экспедициях И.Д. Бухгольца и его сподвижников были заложены крепости Ямышевская (1716), Омская (1716), Железинская (1717), Семипалатинская (1718), И.М.Лихаревым – Усть-Каменогорская (1720).

Таким образом, земли Среднего жуза были огорожены от Западной Сибири до Алтая по Иртышу военно-казачьей линией крепостей. Эти укрепления с 1730 годов составили Сибирскую и Иртышскую пограничную линию.

Курс на продвижение России через Казахстан, который Петр I рассматривал как, «ключи и врата в Азию», поддержали астраханский губернатор А.П.Волынский (1719-1724 гг.), Ф.И.Соймонов - участник персидского похода 1722-1723гг., сибирский губернатор князь А.М.Черкасский (1717-1724гг.).

Надо отметить и интерес казахских жузов к сближению с северным соседом, что было обусловлено относительной прозрачностью границ, тенденцией сближения политических лидеров казахских жузов с Россией, военной угрозой со стороны Джунгарии, и в целом, общим ходом развития мировой цивилизации. В это время эпицентр основных событий переместился из внутриконтинентального пространства на морские коммуникации. Номадные цивилизации постепенно начали значительно отставать, что привело к их политическому и экономическому кризису. Кочевые народы постепенно оказались вытесненными за пределы активных регионов развития.

Естественное стремление номадов выжить в сложных условиях приводило к увеличению военно-политических конфликтов. Особенно остро назревала проблема земельного вопроса во взаимоотношениях кочевников (а также между ними) и оседлыми народами.

В первой половине XVIII в. обострение этой проблемы приводило, с одной стороны, к усилению натиска Российской империи на территорию соседей для проложения новых путей на Восток, с другой стороны - встречному движению номадов, выражающемуся в постепенном сближении политических верхов с империей, а в связи с потерей земель - в учащении нападений кочевников на русские укрепленные линии. Все это привело к тому, что с 20-х годов XVIII в. на пограничных смежных территориях форсированно начинается строительство крепостей с заселением на линиях военно-казачьего сословия. В течение 20-30 лет огромная территория по Уралу, Северному Казахстану и Западной Сибири, Иртышу и Алтаю была опоясана сетью военных укреплений.

С запада шло воздвижение Яицкой линии (1780 верст) от Гурьева до пределов Западной Сибири к Алабужской крепости. Здесь мы выделим три части: Яицкая (от Каспия до впадения в Яик Илека), Илецкая – по реке Илек, Бердяно-Куралинская (по одноименным рекам). В 1730-40гг. к границам



Северного Казахстана подтянулась и линия, названная Оренбургской (от верховья Яика через Орскую крепость до рек Уй и Тобол). Царское правительство считало эти линии границами с казахской степью. Сюда на военную службу направлялись воинские части и казачество. Многочисленные российские правительственные документы закрепляли за казачеством земли по рекам Урал, Тобол, Уй, Илек, Сакмара. Наиболее лучшие пахотные земли, луга, богатые рыбой, также солью, озера были отданы им.

Непосредственно по северному региону казахских кочевий вплоть до сибирских крепостей протянулись крепости Уйской линии, которая делилась на две дистанции. Начиналась линия от Верхнеяицкой крепости, основанной в 1734г. В следующем году на берегу Уклы-Карагайского озера была заложена одноименная крепость Уклы-Карагайская. В целом, линия, состоящая из 19-ти крепостей и редутов, к середине XVIII в., по сведениям П.И. Рычкова выглядела так:

Верхнеяицкая крепость в 561 версте от Оренбурга; Редут Свяжский в 15 верстах от предыдущей; Крепость Уклы-Карагайская в 20 верстах; Редут Ерзединский в 20 верстах; Крепость Петропавловская на реке Кидыш при впадении в Уй в 22 верстах; Крепость Степная в 23 верстах; Редут Подгорный в 23 верстах; Редут Санарский в 25 верстах 2 дистанция; Троицкая крепость от Верхнеяицкой крепости 543 версты; Редут Ключевской в 28 верстах от Троицка; Каракульская крепость в 53 верстах от предыдущего; Редут Березовский в 24 верстах; Крепость Крутоярская в 46 верстах; Редут Луговой в 24 верстах; крепость Усть-Уйская при впадении реки Уй в Тобол в 23 верстах; редут Качардытский в 22 верстах; редут Озерный в 28 верстах; крепость Звериноголовская в 14 верстах [17, с. 338-343].

Крепость Звериноголовская оканчивала Уйскую линию и соединялась с Ишимской линией через 59 верст с Пресногорьковской. В архиве мы обнаружили карту от 1764 г. с указанием крепостных линий. (Приложение А) По этой карте мы можем установить расположение линии от Верхнеяицкой до Звериноголовой крепостей.

Появившиеся крепости и укрепления обозначили фактор военного присутствия империи в регионе и наметили дальнейшие векторы для проникновения в казахскую степь.

Естественно, что новопостроенные линии требовали значительного военного присутствия. Во всех крупных крепостях были размещены армейские части и служилые казаки. Этого требовала и внешнеполитическая обстановка. Так, в крепостях Уйской линии в 1730-40гг были размещены следующие силы: в Верхнеяицкой крепости – 2 роты драгун и 1 пехотная рота; в Уклы-Карагайской и Степной – по 2 роты драгун и полроты пехоты; в Петропавловской – 2 роты драгун; в Троицкой крепости – 2 роты пехотных, гренадерская и мушкетерская роты, 2,5 роты драгун; Каракульской, Звериноголовской и Крутоярской – по 2 роты драгун; в Усть-Уйской – 2 роты драгун и 1 пехотная [17, с. 338-343]. В летнее время на форпосты сверх числа гарнизонов крепостей привлекались нерегулярные части.

Таким образом, по нашим подсчетам, только на одной Уйской линии к середине XVIII в. несли службу 19,5 драгунских рот, 5 пехотных, 1 гренадерская и мушкетерская роты. Это еще раз доказывает, что на первоначальном этапе вхождения казахских земель в состав России ведущим фактором было наличие регулярных воинских формирований, которые и решали вопросы военно-наступательного и геополитического характера.

В этот же период выстраивается Староишимская линия, в которую входили следующие укрепления: крепость Звериноголовская, острог Коркинский (гор. Ишим), Абатский, Зудиловский, Большереченский, Чернолучинский, Каинский. Стены «городов» были бревенчатые. Укрепления состояли из рогаток и надолб, которые могли задержать натиск конницы кочевников. Лишь в немногих возвышались наблюдательные вышки. В состав линии вошло 58 укреплений городков и селений.

Исходными пунктами Староишимской линии послужили выстроенные укрепления (Курган 1662г., Чернолуцкий острог 1670г., Коркинский, Утяцкий и Абацкий 1680г.), которые находились значительно южнее прежней линии крепостей. Образовалась новая укрепленная линия, называвшаяся Ишимской (позже после строительства Новой линии с 1752г. стала называться Староишимской) и шедшая от реки Миасса через Курган, Коркину слободу (ныне г. Ишим) до Чернолуцкого острога на Иртыше (в 50 км севернее Омска).

С присоединением Западной Сибири Российская империя вышла к границам Джунгарии. Расширяя с ней связи и укрепляя рубежи, правительство, частично принимая некоторые ойратские племена в свое подданство, не ставила своей целью завоевания Джунгарии, так как она независимыми ойратами противостояла Китаю. России было выгодно иметь их союзниками для укрепления своих позиций в этом регионе. Казахские же племена, оказавшиеся в этом геополитическом пространстве, оказались одни против джунгарской агрессии.

Позиции России в начале XVIII в. были значительно укреплены в регионе. Протяженность сибирских селений от Чернолуцкой слободы до Оренбургской губернии составляла около 1000 верст. По инициативе сибирского губернатора М.П.Гагарина о снаряжении военной экспедиции Петром I был направлен отряд подполковника И.Д. Бухгольца. В результате к 1720 г. появляется Иртышская линия. И здесь мы отмечаем по аналогии с предыдущими линиями размещение воинских регулярных частей, так во всех крепостях линии были размещены гарнизоны солдат и драгун. Но этого количества для новых крепостей было недостаточно. Для укрепления крепостей губернатор Сибири князь Долгорукий направил городских казаков Тары, Тобольска, Тюмени. В 1720 г. были воздвигнуты еще дополнительно 7 крепостей: Ачаирский, Черлаковский, Осмерыжский, Чернорецкий, Коряковский, Семиярский, Убинский. В крепостях несли службу в 1725 г. 489 городских казаков [41, с. 9-10]. Анализ архивных документов позволяет нам отметить, что казаки в основном выполняли вспомогательные функции для армейских частей: как то помощь в охране границы, обеспечение и снабжение провиантом, охрана дорог, разведка, также они привлекались для рейдов на казахские аулы и кочевья.

Эта линия была извилистой от Чернолуцкого острога она шла на запад через форпосты: Бетеинский, Пустынный (на Иртыше), Большерецкий, Орский, Зудиловский, слободы Абацкую и Кайдалову, форпосты фирсов, Кошкарагайский, Коркину слободу, форпост Безруков, слободу Усть-Лабинскую, форпосты Омутный, Мамаевский, Усть-Малокузнецкий, Суерский, Арлагульский, Моревский, Максимовский, Марковский, Верхне-Утяцкий, Чернавский, Лебяжий. Далее линия примыкала к южно-уральским укреплениям [17, с. 338-343].

Ишимская линия на отдельных участках подвергалась переносу, строились новые форпосты, уничтожались старые. В 1744г. по степной стороне Тобола (на правом берегу) на протяжении 200 верст были построены 10 редутов и Лебяжий редут на жилой стороне (левобережье). Эти редуты были построены на 20, 30 и 50 верст далее в степь, нежели прежние форпосты. Расстояние между редутами было по 30, 25 и менее верст [54, с. 6; 33].

Ломаная линия укреплений полукольцом огибала Прииртышскую лесостепь. Трудно обозначить годы и точки, когда и где запада пограничная черта, указывает П.А.Словцов, потому что казаки, пользуясь откочевкой кибиток, быстро переносились вперед с форпостом к озерам выгодным. Вокруг укреплений образовались заимки. Так происходило заселение Прииртышья [93, с. 53].

Сохранилось краткое описание укреплений в пограничной полосе, относящееся к 1749-50гг. В нем названо 54 населенных пункта с наличием укреплений. Наиболее крупными укреплениями являлись Ялуторовский острог и Царев Курган (ныне г. Курган). Приведем описание Ялуторовского острога: «Ялуторовский острог состоит над рекой Тоболом. А кругом того острогу город лежачей забран в столбы. При остроге 3 башни проезжая, одна – в Исетскую провинцию, другую – в город Тюмень, третья - в город Тобольск; а в полевою сторону вокруг онаго острогу ров, надолбы и рогатки» [140, с. 31-34].

Из этого описания видно, что в крепости имелась двойная стена, внутренняя с вертикальными бревнами, и наружная - с горизонтальными.

Подобного же типа укрепление имелось и в Царевом Кургане. Размер его в описании не указан: «Царев Курган над рекой Тоболом. При нем имеется городского строения город-кремль, рубленой с двумя башнями проезжими, да город же лежачей на столбах, при них 4 проезжая (башни) да 8 бастионов и оные крыты драницами, надолбы, рогатки и ров» [140, с. 34].

Двойные стены имелись также в Суерском остроге и в Белозерской слободе на Тоболе. Из описаний мы выявляем, что в 37 пограничных селениях были одностенные форпосты. Описание про большинство из них отмечает, что «строение весьма плохое». Вокруг стен были рвы и надолбы, в остальных 15 селениях имелись только рогатки, надолбы и палисады [140, с. 33]. Вся укрепленная линия простиралась до 1000 верст и огибала степь изломанным полукольцом.

Что касается ишимских укреплений, то они охранялись Сибирским драгунским полком. В 1745г., в связи с обострением русско-джунгарских отношений, сюда из Европейской России, под начальством генерала-майора

С.В. Киндермана, прибыло 5 армейских полков: пехотные – Ширванский и Нотебургский и драгунские – Вологодский, Луцкий и Олонецкий. На Ишимской линии с этого времени квартировал Луцкий полк. Другие, вновь прибывшие полки, а также местные квартировали на Иртышской и Колывано-Кузнецкой линиях и внутри Ишимской линии. Дислокация полков часто менялась [141, л. 152-156]. В летнее время за несколько верст от форпостов в степь выдвигались отряды в 35-70 человек. Главным сосредоточением войск был Царев Курган, другим крупным войсковым пунктом была Коркина слобода. В 1744г. на Ишимской линии находилось войск 3408 человек при 63 пушках [54, с. 17-18].

Отсюда мы видим, что основная группа войск находилась в западном районе на Тобольских форпостах. Такое размещение имело постоянный характер, поскольку граница по Тоболу считалась более важной, чем по Ишиму, из-за близости ее к главным сибирским городам. Помимо 5 полков, переведенных из России в 1745г., в Сибири было еще 5 местных полков; во всех 10 полках насчитывалось до 11000 человек. Из этого числа на Ишимской линии и в провинциях, примыкавших к ней, находилось до 8200 человек. На Иртышской линии стояло всего 1350 человек и в Кузнецко-Колыванских укреплениях – 1450 человек [54, с. 17-19].

Из вышеприведенных цифр мы устанавливаем, что северные линии крепостей были оснащены большим количеством войск. Это еще раз подчеркивает важность Северного Казахстана, как одного из основных пунктов дислокации регулярных армейских частей.

Такое размещение войск по сибирской границе делалось в соответствии с так называемым «запасным планом» оренбургского губернатора И.И. Неплюева, составленным им в 1744г. Этот план предусматривал концентрацию на степной границе регулярных войск и в придачу им мобилизацию местного населения для осуществления военного окружения казахов, как со стороны Урала, так и Сибири [136, с. 426].

В развитие «запасного плана» к воинским частям, стоявшим на границе, были приданы выписные казаки, назначавшиеся из крестьян кузнецких, томских, тобольских, тарских, ишимских, ялуторовских, тюменских, краснослободских. Число их колебалось. Оно вырастало с приближением военной опасности. Обычно на Ишимской линии число выписных казаков не превышало 300-400 человек. Как мы уже отмечали, выше выписные казаки играли на линии вспомогательную роль для регулярных армейских подразделений.

Им в отличие от армии не уделялось должного внимания. Отсюда и объясняется, что положение выписных казаков на линии было бедственным. В 1747г. выборные челобитчики от всех крестьян Ялуторовского и Ишимского дистриктов Иван Бородин да Василий Белых просились в Петербург, чтобы подать в Сенат просьбу об отмене назначения крестьян в выписные казаки. Челобитчики указывали: «понеже де, крестьяне не токмо платя, но и денежного жалованья нисколько за тое свою службу не получают... они пришли во всеконечное разорение и нищету» [54, с. 29].

Из приведенных документов мы выясняем, что выписные казаки не получали денежного жалования, не обеспечивались обмундированием, питанием, также облагаются налогом, как и крестьяне, непризванные на военную службу, и задействованы в крестьянских отработках на десятинной пашне. Все это в конце концов вызывало недовольство. Власти зачастую забывали о них, и сибирские крестьяне, зачисленные в выписные казаки, оставались на линиях подолгу – по несколько лет. Говорить об их боеспособности и «геройской удали казачьей» на тот период, как об этом много твердят летописцы и хронографы казачьей истории, преждевременно. Выявленные нами документы, из донесений начальствующих лиц, свидетельствуют об отсутствии военного вида у выписных казаков: «при Устьлагатском форпосте...выписные казаки многие малолетние и оружием неисправлемы». Провский форпост – выписные казаки, некоторые с ружьем, другие с копьями. Фирсовский форпост – казаки неисправны [54, с. 21-22].

Такое исключительно тяжелое положение выписных казаков стало предметом обсуждения в Сенате. В 1751г. последовал Указ об освобождении крестьян Ялуторовского и Ишимского дистриктов, обращенных в казаки, от всяких податей и повинностей, кроме подушного сбора [142, с. 458-462]. Выполнение громоздкой военно-феодальной повинности по-прежнему осталось лежать на сибирских крестьянах, и выписные казаки в случае надобности все же вызывались на линию.

Ишимская линия в том виде, в каком она дожила до середины XVIII в., представляла слабую защиту. Местные военные начальники считали необходимым усилить линию новыми укреплениями. Командир Сибирского драгунского полка Павлуцкий в 1745г. предлагал построить новые укрепления, поскольку они могут служить для скорой и удобной коммуникации для проходящих войск [54, с. 87-88].

Через Ишимскую линию проходили коммуникации Иртышской линии и Кузнецко-Колыванских укреплений. Это увеличивало ее военное значение, она лучше охранялась.

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев до постройки Новой линии в 1746г. писал: «при учреждении Новой линии старые форпосты содержать будет излишне» [54, с. 19]. Старая линия пришла в упадок еще за несколько лет до постройки Новой. О проекте нового строительства разговоры шли и старую линию не ремонтировали. В марте 1755г. два с половиной г. спустя после приступа к постройке Новой линии старые форпосты находились только под охраной двух-трех сторожей каждый. Строения были в ветхом состоянии, пушки вывезли на Новую линию [143, л. 397-407]. Участь старых Ишимских форпостов была решена. Когда отстроили новую Ишимскую линию, старая была уничтожена.

Ввиду упрочения к 1740 г. присоединения к России Среднего жуза особенное значение приобретает в этой обстановке состояние русских пограничных укреплений на севере Казахстана. К этому времени линии из крепостей, острогов, укрепленных слобод и форпостов тянулись от Тобола до Иртыша очень неровной полосой, отступавшие местами сильно на север. В

конце эти линии (у Тобола и Иртыша) оказывались выдвинутыми на юг. Кроме зигзагообразностей и недостаточной надежности некоторых участков, укрепленные точки располагались на линии неравномерно. К тому же Ишимская защитная полоса, обладала еще одним очень существенным недостатком: пашни, сенокосы, районы рыбной ловли русского населения в ряде мест ушли за ее пределы, дальше на юг, и во время полевых работ для охраны крестьян высылались воинские команды [92, с. 208-210].

Итак, Старошимская линия имела ряд существенных недостатков: во-первых, часть ее укреплений находилась в ветхом состоянии; во-вторых, земельные угодья русского населения в ряде мест ушли за ее пределы и нуждались в военной защите. В таком состоянии линия не могла выполнять свою военно-стратегическую задачу в наступлении на степь. Поэтому назрела необходимость в строительстве новой линии военных укреплений.

Таким образом, мы видим, что к середине XVIII в. для стремившейся на Восток Российской империи сложилась благоприятная политическая ситуация по экспансии казахских земель, обусловленная наступлением агрессивной Джунгарией, захватами Хивы и Коканда Южного Казахстана, распадом казахского государства на части. И исходным пунктом для продвижения России вглубь казахских степей стали форсированно построенные Оренбургская и Уйская военные линии и форпосты Старошимской линии, которая к этому времени полукольцом огибала север Казахстана и простиралась на 1000 верст.

Следовательно, назрела необходимость укрепить границу, сделать ее более прямой и короткой, включить в нее земли, освоение которых уже фактически началось. Подготовка к созданию новой укрепленной линии началась в 1740-х годах, стимулируемая установлением протектората Джунгарии над Средним жузом. Эта масштабная стратегическая геополитическая кампания империи привела к тому, что пророссийский фактор в политике казахских правителей становится приоритетным с 1730-1740гг. в данном регионе. Однако, проект командира Сибирского корпуса генерал-майора С.В. Киндермана, предлагавший протянуть новую линию укреплений по прямой от Звериноголовской до Омской крепостей, был утвержден только в 1752 г.

Рассматривая официальные документы Российской империи, начиная со времен Петра I-го, мы видим, как постепенно намечаются геополитические направления империи на Востоке. Казахстанский вектор восточной политики России становится приоритетным. В первой половине XVIII в. значительно ускоряется динамика русско-казахских отношений, расширяются взаимосвязи, значительно увеличивается торговля в регионе. Россия для обеспечения безопасности своих внешних границ принимает меры для урегулирования взаимоотношений с казахами. И роль военных укреплений в этом бесспорна.

Итак, с середины 40-ых годов XVIII в. политика российского правительства значительно активизировалась. Форсированно строятся укрепления Оренбургской линии, продолжается строительство Уйской, значительно укрепляется Яицкая линия. Новый Оренбургский губернатор

И.И.Неплюев вместе с генералом фон Штокманом в 1744г. разрабатывает так называемый «запасной план». Он предлагает наступать на казахскую степь, отталкиваясь от уже имевшихся военных укреплений с запада и севера, со стороны Урала и Сибири «сплошной линией военных укреплений». Уже к середине XVIII в. Казахстан был окружен с трех сторон Российскими укрепленными линиями, которые ограничили территорию расселения казахских родов и племен. Из-за этого традиционные маршруты кочевания, пастбища и водоемы племен Среднего жуза оказались в кольце военных крепостей, что привело к обострению аграрного вопроса.

К середине XVIII в. в укреплениях пограничных линий на границе с Казахстаном увеличивается число регулярных воинских частей, казачества и переселенного гражданского населения. Все это в дальнейшем позволяло обеспечивать людскими ресурсами военно-стратегические интересы России в крае. Это: и подавление череды башкирских восстаний, и ответ на обострение отношений с Джунгарией, и преграда притязаниям Китая.

Военное присутствие в регионе, в виде крепостных линий, несомненно, служило фактором влияния на политику казахских родоправителей и султанов Среднего жуза. Именно через военную силу, хотя иногда и завуалировано, проводилась политика фактического разобщения и подчинения правящей верхушки казахов разными формами и средствами.

В целом, все эти внешнеполитические и внутривнутриполитические мероприятия империи позволили значительно укрепить позиции России в этом регионе и нацелить дальнейшие устремления на Восток.

## **1.2 Военные линии России на границе северного региона Казахстана со стороны Южного Урала на рубеже XVIII-XIX веков**

Проложив в XVIII веке на восток линии военных укреплений, Россия решила важную стратегическую задачу: она наметила зону своих притязаний, значительно укрепив свои позиции в казахских землях строительством Оренбургской, Горькой и Иртышской линий. К концу XVIII в. стало ясно, что в отношениях с казахскими жузами надо переходить к более активным формам политики-ликвидации их самостоятельности. В этом плане решающую роль играла военная сила. Если в XVIII веке на первоначальном этапе взаимоотношений со степью открытый военный захват казахских земель оттолкнул бы от России многих её сторонников в степи, то в конце XVIII - начале XIX веков пророссийская ориентация многих представителей казахской знати Среднего и Младшего жузов была столь очевидна, что российское правительство уже не опасалось расширять военное присутствие в этом регионе, с помощью самих же казахов, подавляя любое проявление самостоятельности. К тому же для интенсивного экономического освоения стратегически важного региона, соединявшего Сибирь, Алтай, Китай, Среднюю Азию с Европейской частью империи и обладающего огромными природными богатствами, необходима была политическая стабильность, обеспечить которую, по мнению имперских чиновников, могла только военная сила.

Включая северный регион, который входил в состав империи путем «подтягивания» военных линии с Урала, военная администрация решала одновременно двойную задачу: наращивала военно- гражданское присутствие и разрушало целостность территории и единство казахов Среднего и Младшего жузов, разделив их между Оренбургской и Западно- Сибирской губерниями ( таким образом появились оренбургские и сибирские киргизы).

В первой половине XVIII в. правительство ведет строительство крепостей в местах расположения Астраханского, Яицкого, Оренбургского казачьих войск, как опорным пунктом в регионе. В этом регионе проживали многие народы ногайцы, башкиры, татары, татары-мишари, волжские калмыки. Следует отметить, что правительство всячески старалось не допускать объединения народов Южного Урала и контролировало сложные межэтнические отношения. Столкновения казахов с башкирами, с калмыками, осложненные вынужденной миграцией в связи с джунгарскими нашествиями были нередки.

К началу XVIII в. казахские племена вошли в тесное соприкосновение с башкирами Ногайской и Сибирской дорог. В годы великих бедствий «Ақтабан шубырынды» казахи Младшего жуза откочевали на запад в долину Эмбы, казахи Среднего жуза - к Тоболу, Ую. Эти районы из-за водных источников и пастбищ были предметом столкновений между казахами и башкирами. Но, традиционно свойственные кочевым народам взаимные набеги, сочетались с совместными походами и выступлениями против казаков, сторожевых русских постов. Совместные выступления против колониальной политики царизма, крупные передвижения казахов и башкир имело место во время восстаний 1737-1738 гг., 1740г., 1755 г.

Первоначально основной линией, откуда велись военные и административные функции по управлению краем была Яицкая линия длиной 1780 верст. Она располагалась от Гурьева до границ Западной Сибири, до Алабуги. Включала в себя три линии: 1. Нижняя, от Каспия по Яику до Илека; 2. Бердяно-Куралинская, по рекам Илек, Курала, Бердянка; 3. Оренбургская, от Алабуги до Озерного на реке Илек. Эти крепости и линии сыграли большую роль в процессе включения Казахстана в состав империи на первоначальном этапе, они предопределили своими рубежами зону интересов России.

Старая линия была основана в 1730-е годы вдоль рек Яик, Орь, Уй. Правительство ставило цель ограничить всяческие контакты между собой казахов, башкир и татар-мишарей. Ведущую роль в этом процессе играла Оренбургская военная линия, уже непосредственно подошедшая от истоков Яика и Орской крепости к рекам Уй и Тобол. Центральным укреплением на этой линии была Оренбургская крепость, от которой отходила на запад Самарская линия крепостей, на юг- Нижнеяицкая, на север- Сакмарская и Орская дистанций Верхнеяицкой линии и Уйская линия вплоть до Западной Сибири вдоль кочевий казахов Среднего жуза. В ходе исследования мы использовали карту Оренбургской пограничной линии, составленной в 1764 г. (Приложение Б).

Из карты мы видим, что особый интерес для нашего исследования имеет восточное направление Оренбургской линии - Уйское и, примыкающая к ней



Красногорское, и Орская дистанции Верхнеицкой линии. Чтобы показать масштабы и обширный охват территории вдоль северного региона Казахстана, приводим перечень укреплений этих линий.

Верхнеицкая линия состояла из 9 крепостей и 16 редутов на расстоянии 561,5 версты от Оренбурга на восток и юго-восток. На Красногорской дистанции линии были редуты Нежинский, Вязовый, крепость Красногорская, редут Гильярский, крепость Озерная, редут Никольский, крепость Ильинская, редут Подгорный, крепость Губерлинская и редут Разбойный. На Орской дистанции были выстроены крепость Орская, редуты Калпацкий и Тераклинский, крепости Таналыцкая и Урдасымская, редуты Орловский, Березовский, Урдасымский, Грязнушинский, крепость Кизилская, редуты Сыртенский и Ангельский, крепость Магнитная и редуты Верхнекизилская и Спасский.

Уйская линия, протяженностью 753 версты, состояла из 9 крепостей и 9 редутов и делилась на 2 дистанции: Верхнеуйская ( крепость Верхнеицкая, редут Свяжский, крепость Уклы- Карагайская, редут Ерзединский, крепости Петропавловская и Степная, редуты Подгорный и Санарский), Нижнеуйская (крепость Троицкая, редут Ключевской, крепость Каракульская, редут Березовский, крепость Крутоярская, редут Луговой, крепость Усть- Уйская, редуты Качардыцкий и Озерный, крепость Звериноголовская) [47, с. 277-278].

Перечисленный список крепостей, таким образом, охватил густой и плотной сетью территорию Южного Урала постепенно теряемой для казахов Младшего и Среднего жузов.

Кроме строительства этих военных линии на границе со степью Оренбургская администрация основывает сеть военных поселении по рекам: Увелка, Миасс, Исеть, Тобол и близлежащим озерам. Это было в первую очередь, вызвано чередой крупных башкирских восстаний в крае, которые были жестоко подавлены военными силами. Наиболее стратегически важными укреплениями стали Челябинск, крепости Миасская, Окуневская, Усть-Миасская, остроги Исетский, Мехонский, Красногорский, Масленский, Шадринский, слободы Бешкильская, Ингалинская, Терсюцкая, Борневская [47, с. 278].

Проанализировав и проработав документы по строительству крепостей в этом регионе, мы выяснили, что в период с 1740 по 1760 годы было основано 114 укреплений на пограничной территории с северным регионом Казахстана [47, с. 278]. Действительно темпы и масштабы форсированного строительства и сейчас удивляют. Это еще раз подчеркивает о стратегически важной роли изучаемого нами региона в геополитических планах Российской империи и военном характере колонизации края.

Очень интересные сведения мы почерпнули в трудах А.И. Тевкелева, который руководил в 1736г. подавлением башкирского восстания в крае. Так, он является основателем крепости в урочище Челяби на реке Миасс. Будучи в качестве основного помощника начальника Оренбургской экспедиции, он осуществлял «главную команду» над башкирским и неруглярным войском, а

также осуществлял контроль за положением дел в казахских степях и руководил строительством крепостей в Южном Урале [19, с. 143].

В течение второй половины XVIII в. Оренбургская линия постоянно укреплялась: строились новые форпосты и редуты, совершенствовалась система охраны укреплений. По мере накопления сил военная администрация Оренбургской губернии увеличивала численность находившихся в ней гарнизонов и команд, основывала новые поселения, в первую очередь, для несения службы и заселения укреплений, направляла армейские части. Так, с Закамской линии были переведены 4 ландмилицких полка, а также Оренбургский и Уфимский полки и казаки. При И.И. Неплюеве дополнительно была сформирована отдельная пехотная рота. Однако, с увеличением количества укреплений на линиях этих сил оказалось недостаточно, и к тому же они обходились казне дорого. Поэтому Оренбургская администрация была заинтересована в создании отдельного казачьего войска.

Наиболее активно формирование казачьего войска шло в период губернаторства И.И. Неплюева. При нем в казаки зачислено более 5000 разных людей, и в 1748 г. штатом определен состав Оренбургского Нерегулярного корпуса. В состав которого вошли: Оренбургский корпус - 813 человек; казаки Оренбургского ведомства по Самаре и Яику - 800 человек; казаки Ставропольского ведомства - 250 человек; казаки Уфимской провинции - 1250 человек; казаки Исетской провинции - 1380 человек; всего 4493 челов [44, с. 36-37]. В 1746 г. в Оренбургское войско зачислены 59 кибиток крещеных калмыков для усиления пограничной линии [144, с. 93]. По штату 1748 г. Правительственным Сенатом 22 июля того же г. в корпусе была учреждена должность войскового атамана, на которую был назначен сотник из самарских городских дворян Василий Иванович Могутов [144, с. 92].

Для более полной общей картины созданного казачьего войска мы приводим следующие статистические данные. По штату 1755 г. Оренбургское казачье войско насчитывало 5597 человек, были учреждены войсковое знамя и военные значки [47, с. 289]. Войско делилось на три разряда: жалованные - 1097 человек, содержащиеся полностью за счет казны; маложалованные - 703 человек, получавшие содержание только за «воинскую справу»; безжалованные - 3080 человек, получавшие лишь пашенные сенокосные и пастбищные угодья. Жалованные казаки обязаны были выставлять на службу 50% людей, маложалованные - одну треть, а безжалованные - не более четверти. Размер жалованья колебался от 3 до 100 рублей в год, в зависимости от чина и места службы. Кроме денежного довольствия казак получал по 1,5 фунта пороха и по фунту свинца [119, с. 46]. Сравнивая численность воинского контингента с другими регионами, мы видим, что примерно 6-ти тысячное войско в середине XVIII в. сконцентрированное в этом крае, было одним из крупных объединений по сравнению с Сибирским, Астраханским, Яицким казачьими войсками на границах с Казахстаном.

Казаки выходили в отставку не иначе как по старости, болезни или увечью, делавшими их неспособными к несению строевой казачьей службы, но как отставные, так и малолетки, до поступления их на службу, были на особом

счету и управлялись отставными чиновником, как тогда назывались носящие войсковой чин: хорунжего, сотника, есаула или полковника. Такой порядок продолжался до издания Положения о войске 12 декабря 1840 г.

Основным занятием, согласно штата 1748г., было, содержание «отводных» караульных, форпостов, командировки в конвой «куда и зачем по губернаторской канцелярии нужда востребует». С весны по осень они находились на линии, участвовали в разъездах, конвоях, пикетах. Также они были задействованы в фортификационных работах, ремонте и строительстве дорог, мостов, заготовке и перевозке леса, конвоировании почты [144, с. 85].

Оренбургская военная администрация была заинтересована в сохранении удельного веса регулярных войск и увеличении численности занятых в охране границ казаков. Проработав многотомные списки таких дел за 1740-е годы «Экстраты или росписные списки», «Табели о состоянии линии преписанных новопостроенные с Самары до Оренбурга крепостях войск, казаках и протчия всякого звания пребывающих нерегулярных людях» [145, л. 1-108] мы выяснили, что если в 40-е годы XVIII в. гарнизоны крепостей, как правило, состояли из двух-трех драгунских пехотных рот и двух-трех десятков казаков, то к 1780-м годам в ряде крепостей казачьи отряды стали преобладать по численности над командами регулярной армии.

Также мы выявили, что приблизительное размещение регулярных войск на Старой Оренбургской линии было таким: в каждом гарнизоне крепости должно быть 100 человек линейной пехоты, 250 казаков и башкир, в редуте по 60 казаков и башкир, в пикете - по 30 человек [146, л. 25-26].

Надо отметить, что именно такая структура войск соответствовало все возрастающим потребностям линии. Потому что, в этот период обостряются отношения прилинейных казахов с пограничными властями ввиду земельных ограничений, запретов перегона скота на правый берег Урала, постоянные воинские поиски со стороны казачества, увеличение ремонтных пошлин, а зачастую произвол колониальных властей. Как результат этого, участие казахов региона в Пугачевском восстании и восстании под руководством Сырыма Датова. Преобладание в гарнизонах казачьей кавалерии и башкир, объясняется тем, что они более приспособлены для борьбы с казахской конницей. Кроме того, укрепленные крепости и редуты оснащались специальными крепостными ружьями и артиллерией, что позволяло успешно отражать нападения.

На рубеже XVIII – XIX веков линия переживала новый этап в становлении, что непосредственно было связано с непрекращающимися волнениями. Правительство, чтобы не допустить в дальнейшем подобного бунта, предпринимает ряд значительных мер по укреплению войск в этом крае. Другим обстоятельством, потребовавшим военного укрепления Южного Урала, явился тот факт, что Россия была заинтересована в развитии горнопромышленного дела и торговли в данном регионе, зарождающаяся промышленность империи требовала свой рынок, в первую очередь восточный, так как конкурировать в Европе было поздно. О том, что рынки Востока были приоритетными для российских товаров, свидетельствует тот факт, что с конца XVIII – по середину XIX в. объем торговли России с Центральной Азией вырос

более, чем на 350%, причем, свыше 70% российского экспорта составляли промышленные товары, а 90% импорта из Азии – сырье [96, с. 47]. Так, построенные 28 заводов в 1744-1760 гг. в Оренбургской губернии давали более пятой части общероссийской выплавки меди. В 1797г. здесь было произведено 1млн. 375 тыс. пудов чугуна и железа, 395 тыс. пудов меди. Ежегодная добыча соли составляла 500 тыс. пудов [119, с. 42]. Дальнейшее продвижение в глубь степей через Северный Казахстан явилось одним из этапов геополитики России на Востоке, ее противоборстве с Англией.

После Пугачевского восстания и для подавления волнения в степи по указу Екатерины II правительство приняло ряд мер по реорганизации казачьих войск в приграничной полосе. Был создан Иррегулярный корпус (позже он стал называться тысячным полком). В состав Иррегулярного корпуса вошли жившие в форштадте Оренбурга и Бердской слободе городовые казаки и крещенные калмыки. Казаки, не вошедшие в корпус, обязаны были с весны до глубокой осени нести службу в укреплениях Пограничной линии. Из Исетской провинции, еще сохранившей остатки прежней самостоятельности, местное казачество направлялось для несения службы на Уйскую линию от 400 до 500 казаков, из Уфимской провинции – до 1,5тыс. казаков, и ставропольские калмыки ежегодно наряжали 300 человек [147, с. 31]. Также в этот период сюда были сосланы для несения службы ссыльные поляки, участвовавшие в Барской конфедерации. Они были размещены под строгим наблюдением в крепостях и служили солдатами [148].

Иррегулярный корпус в основном нес караульную службу в крепостях, а в случае нападения кочевников направлялся для карательных экспедиций. Армейские части Старой линии были сведены в две бригады, под командованием Н.Н.Бахметьева (1798 – 1803гг. Оренбургский военный губернатор) [43, с. 70-72].

Мы отмечаем, что кроме увеличения числа гарнизонов колониальная администрация совершенствовала систему охранной линии. Вся Оренбургская линия была разбита на 8 дистанций по 5-10 крепостей с редутами в каждой, гарнизоны которых были сведены в усиленный батальон. Кроме того, в Орске, Оренбургской, Челябинской крепостях был размещен мобильный резерв. Все гарнизонные части на линии были усилены командами из казаков, частями Башкирского и Ставропольского (калмык) войск и артиллерией [43, с. 73].

Начальниками дистанции назначались только офицеры регулярной армии в чине не ниже майора, а комендантами крепостей – армейские офицеры. Надо отметить, что комендантам были предоставлены широкие полномочия. «Я комендант – царь и Бог: хочу казню - хочу милую», так охарактеризовал историк казачества С.Н.Севастьянов царившую в местных крепостях обстановку. Он сообщает, что милость коменданта покупалась разного рода живностью: гусями, утками, рыбой. Казаки возили коменданту дрова и сено, бабы собирали ягоды, поливали и пололи огороды, стирали и шили белье, белили полотно – как крепостные крестьяне исполняли все барские работы [149, с.2].

Мы выяснили, что особенно тяжелым было положение маложалованных и безжалованных казаков, из которых состояли гарнизоны многих прилинейных крепостей, форпостов, редутов. Армейские офицеры часто применяли телесные наказания, например, за самовольный уход казака со службы на линии полагалось наказание плетьюми.

Дальнейшая реорганизация войск на границе приходится в период губернаторства О.А.Игельстрома, сменившего в 1785г. генерал-поручика И.А.Рейнсдорпа. Он свел все военные гарнизоны и войска губернии в пять бригад. Он добился от Военной коллегии перевода в Оренбург еще двух регулярных полков Екатеринбургского и Уфимского мушкетерских [43, с. 67-69; 47, с. 33]. При его участии были переформированы находившиеся в Оренбурге местные команды, сведенные в Отдельный Оренбургский гарнизонный полк двухбатальонного состава, а также артиллерийская рота, позднее развернутая в бригаду, инженерная и интендантская команды. Нерегулярный корпус был переформирован в Непременный (тысячный) полк, хотя по инерции он еще некоторое время назывался корпусом.

Итак, проведенная реформа и реорганизация войск позволила за короткий период стабилизировать положение почти на всей протяженности Оренбургской оборонительной линии. Стабилизация положения создала благоприятные условия для увеличения роста казачьего населения губернии, что было вызвано возрастающими потребностями военного округа. Потому что к началу XIX в. требовалось более значительные силы для дальнейшего продвижения и закрепления в Северном Казахстане.

Так, на линию начали переселять казаков из других мест. Например, сюда были направлены 44 семьи донских казаков [150]. Также сюда направлялись на службу крещеные калмыки, солдатами зачислялись ссыльные поляки [151]. Еще одним источником пополнения служилого войска было привлечение нерусского населения края на военную службу, главным образом, башкир, мещеряков, калмык и татар. Царизм закрепляет за местной знатью право на дворянство, что будет принято позже и в Казахстане. Так, татарскими и башкирскими мурзам разрешено было пользоваться правами российского дворянства.

Из башкир было сформировано иррегулярное войско (12 кантонов) они занимались содержанием кордонов на линии [147, с. 34]. Из калмык сформировали 11 рот, сведенных в особый кантон [152]. Из тептярей был сформирован отдельный конный полк [153, с. 51].

Стремясь подчинить казачество своим интересам, царизм, опираясь на атаманско-старшинскую верхушку, делает некоторые уступки казачьему сословию. Казачьим верхам было предоставлено право владение крепостными дворовыми людьми, даются офицерские чины. Но вместе с тем, царизм предпринимает ряд мер по переводу казачества на армейский лад.

Для более широкого привлечения к службе казаков и инородцев края в составе Иррегулярного войска правительство проводит в 1798 г. очередную военную реформу. С этой целью в апреле 1798 г. в крае была введена кантональная система управления. Она окончательно унифицировала военные

повинности и службу на линии, тяжесть которой была возложена на чинов казачьих и инородческих войск.

По реформе структура войск выглядела следующим образом: вся территория края разделялась на 17 башкирских, 5 мишарских, 1 калмыцкий и 7 казачьих (2 уральских и 5 оренбургских) кантонов [154, с. 259-263]. Во главе башкирских и мишарских кантонов были утверждены Военной коллегией юртовые старшины и назначены зауряд-чиновники. Зауряд-офицерские звания от зауряд-хорунжего до зауряд-есаула присваивались Оренбургским военным губернатором без согласования с Петербургом.

Каждому кантону специальным Указом №18477 от 10 Апреля 1798 г. «Именной данный генералу отъ Инфантеріи Барону Игельстрому, съ приложениемъ примечанія на описаніе Оренбургской линіи» было определено точное количество людей, которых необходимо было ежегодно выставлять для несения наружной службы на пограничной линии. Сама же линия вместо прежних 8, была разделена на 5 дистанций. Во главе каждой дистанции становились комиссары из штаб-офицеров регулярной армии, в крепостях учреждались должности комендантов. Им в помощь назначались походный начальник всей линии и походные начальники дистанций. В обязанности им вменялся контроль за прибывшими на линию нарядами, проверка исправности обмундирования и вооружения, организация службы, заготовка кормов для лошадей кордонной стражи. Походные начальники назначались из юртовых старшин, по 2-3 на каждый кантон и, чередуясь между собой, они выводили снаряженные для службы конные команды в определенные по наряду укрепления и после окончания ее срока, сопровождали их по кантонам. В ордере, данном «Башкирским и Мещерским кантональным начальникам» утвержденном Военной коллегией 10 апреля 1788 г., особенно подчеркивалось, чтобы «командируемые на службу партии, наряжены были не иначе, как по очереди и снабжаемы оружием, одеждою, лошадьми и съестными припасами от всего общества». Помимо оружия и лошадей, командируемые на линию наряды должны быть обмундированы «отнюдь не ветхой одеждою по башкирскому обыкновению» [155, с. 189-197].

Каждый, командируемый на линию, башкир и мещеряк должен был иметь две лошади, годных к службе, исправную к верховой езде аммуницию, должен быть вооружен копьём, саблей и огнестрельным, кто какое имеет, оружием и стрелами, а сверх того по одной косе и по одному топору [154, с. 259-263].

Для показа военной силы гарнизонов, расположенных в крепостях на границе с Северным Казахстаном, мы приводим расписание по штату 1798 г. для содержания в летнее время линейной стражи, присланной из Пермской и Оренбургской губернии башкир и мещеряков и их чиновников и куда именно. Чтобы выявить количество присланных людей для укрепления линии вдоль границы с казахскими землями, мы составили следующую таблицу. Данные мы собрали из опубликованных трудов Оренбургской ученой комиссии [154, с. 259-263]. Так, по нашим расчетам Старая линия в летнее время могла мобилизовать еще 8861 человек. Служба для них была определена в возрасте от

20 до 50 лет. Казаки, жившие в Оренбурге, в состав кантонов не входили и формировали Оренбургский непрременный полк.

Таблица 1 - Количество присланных людей для укрепления линии

Крепости	Казаков	Башкирцев	Мещеряков	Калмыков
Звериноголовская	178	355		
Усть-Уйская	40	140		
Крутоярская	40	128		
Каракульская	40	128		
Город Троицк	171	370		
Степная	61	165		
Петропавловская	100	226		
Карагайская	50	50		
Город Верхеуральск	125	373		
Магнитная	100	181		
Кизильская	110	887		
Уртазымская	65	217		
Таналыцкая	180	204		
Орская	270	570		
Губерлинская	50	198		
Ильинская	160	295		
Верхнеозерная	160	325		
Красногорская	70	230		
Оренбург			562	516
Оренбургский казачий корпус				
Уфимский тептярский полк				
Илецкая Защита	100			104
Чернореченская	100	130		
Татищевская	100	130		
Нижнеозерная		95		
Рассыпная	30	100		
Итого	2300	5379	562	620
Всего: 8861 человек				

Из приведенных списков расположения воинских частей по гарнизонам мы выявили, что общий состав Оренбургского войска доходил до 14380 человек. Хотя, в некоторых источниках эта сумма была равна 10000 человек. Так, например, в сборнике документов «Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в.», изданной институтом Российской истории АН РФ в 2000 г., приводятся данные о количестве людей, равные 7244 [122, с. 129-132].

В статистических обзорах, адрес-календарях, памятных книжках, где приводятся данные по Оренбургскому казачьему войску, эта цифра округлена

до 10000. (причем они даются без ссылок на архив). Историк Оренбургского казачьего войска М.П. Хорошхин приводит цифру 13769 человек [44, с. 65].

Таким образом, система проведенных военных мероприятий в конце XVIII в. позволила:

- во-первых, увеличить численность войска. Так, в 1784г. на кордонную службу было направлено 380 казаков, то уже 1785г. – 1300, а с 1789 по 1803гг. – в среднем по 2200 человек [156, л. 63].

- во-вторых, привлечь к несению службы различные категории населения. Например, в Адрес-календаре и памятной книге Оренбургской губернии указывается, что башкиры, тептяри, черемисы и мещеряки в 1798г. причислены к военному сословию и подчинялись исключительно Оренбургскому военному губернатору [147, с. 35].

- в-третьих, кантональная реформа окончательно оформила перевод иррегулярного войска на положение армии, что позволило повысить мобильность, военную организацию и повысило статус иррегулярных войск.

Из вышесказанного следует, что правительство здесь целенаправленно проводило мероприятия военного характера по мобилизации, концентрации сил, привлекая к этому и гражданское население. Изначально на данном этапе колонизации сам факт военного присутствия в регионе, давал понять народам, входящим в состав империи, что свои интересы она будет представлять с позиции силы. Об этом свидетельствуют жестокие подавления восстаний башкир в регионе и обострение отношений с казаками из-за запретов кочевать вблизи линий.

Однако, несмотря на концентрацию военных сил на границе со степью напряжение не снижалось и столкновения с казаками продолжались. Например, о чинимых казакам притеснениях свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так по сведениям, содержащимся в одном из рапортов на имя Оренбургского губернатора, мы находим многократные жалобы на линейных казаков, которые хотя и имеют на внутренней стороне луговые места, но сами на внешней стороне не допускают казахов к луговым местам для сенокосения. Султаны Тауке Айчуаков, Абдулмумин Алимов, Баймагамбет Айшуаков подали донесение, что чиновники линии и казаки постоянно вторгаются в пределы казахских пастбищ, «а более всего делают обиды», требуя от казахов платы, сверх того же на казахской стороне они «пользуют лесом и рыбой как будто хозяева, тогда как казахи здесь давно зимуют у линии с дачею подписок и аманатов» [157, л. 935-935 об.].

В то же время официальные власти для оправдывания своей военной политики зачастую обвиняли в конфликтах казахскую сторону.

О напряженности ситуации в отношениях военных властей с казаками свидетельствует такой факт, как запрет военного губернатора Г.С.Волконского комендантам крепостей и укреплений отпускать казаков и жителей на полевые работы без оружия и в одиночку. Им строжайше предписывалось следить за тем, чтобы в ночное время все жители съезжались в укрепление, а у общественных табунов в безотлагательном порядке выставлялись казачьи



караулы. Днем в степь направлялись казачьи разъезды, а на всех бродах размещались караулы из солдат и казаков [158, л. 16].

Для борьбы с кочевниками на линии военная администрация ужесточала меры и по отношению к своим войскам. Если по халатности офицера командовавшего участком линии, через нее прорывались кочевники, то весь ущерб, причиненный ими, возмещался за счет его жалования. А, например, комендант Сыртинского укрепления сотник Макаров за невыполнение приказа о контроле за передвижениями жителей, был разжалован губернатором в рядовые [158, л. 43].

Осознание серьезности положения в этом регионе обусловило дальнейшую концентрацию военных сил на линии. В связи с чем, согласно Указу Александра I от 19 августа 1804 г. с целью усиления участка линии от Красногорской до Троицкой крепостей было дополнительно сформировано и размещено по укреплениям четыре линейных батальона. Из внутренних кантонов Оренбургского казачьего войска в каждую крепость было переселено по 100, а – в редуты по 50 казаков с семьями [159, л. 1-60].

Усиливая казачьи войска на линии, царское правительство в то же время стремилось создать на границе со степью единый воинский контингент, в котором были бы объединены казачьи войска, иррегулярные части и армейские подразделения. Так, по военной реформе начала XIX в. при Александре I с целью концентрации вооруженных сил и укрепления «внешней обороны и внутренней тишины» полки регулярной армии были сведены в Оренбургскую инспекцию, представлявшую собой военно-территориальный округ. Во главе инспекции стоял военный губернатор с правами командующего армией. Но 5 февраля 1808 г. Указом императора Оренбургская инспекция была переформирована в 23-ую пехотную дивизию. Общая численность такой дивизии была 18-20 тыс. человек и состояла из кавалерийских и пехотных полков, артиллерийской бригады [160, с. 52].

Оренбургская дивизия представляла собой довольно внушительную силу. В нее вошли Рьльский, Уфимский, Екатеринбургский мушкетерский, Оренбургский драгунский полки, а также гарнизоны крепостей, Оренбургский и Донской казачьи полки, два тептярских полка, две артиллерийские роты. Кроме того, командиру дивизии (он же военный губернатор) переподчиняли иррегулярные войска: Уральское, Оренбургское, Башкирское, Мещеряжское и Ставропольское.

После войны 1812 г. стало внедряться корпусная система организации войск. По Указу от 18 декабря 1816 г. в крае был сформирован отдельный корпус. К имеющимся силам была добавлена 29-ая пехотная дивизия. К началу 1820 гг. гарнизонную службу в крепостях несли 16 пехотных батальонов и казачьи отряды, наряды Башкирского, Мещеряжского и Ставропольского войск. Непосредственно на границе с северным регионом Казахстана (Старая линия) располагалась 4 батальона в Орской, Кизильской, Верхнеуральской, Троицкой и Звериноголовской крепостях численностью до 9402 человек. К 1835 г. на Старой линии в одиннадцати линейных пехотных батальонах несло службу 11397 человек и 1336 человек из гарнизонной артиллерийской бригады [88, с.

114]. На январь 1837 г. на службе в Оренбургском корпусе состояло 119853 офицеров и нижних чинов, из них 107559 иррегулярного войска [161, л. 3].

Сравнительный анализ данных численности войск на Старой линии, содержащихся в Оренбургском архиве и предлагаемых в исследовании «Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в.» известного историка Н.Е.Бекмахановой [122, с. 131-133], позволяет сделать вывод о том, что все регулярные воинские части Оренбургской линии были сосредоточены на границе северного региона Казахстана на участке от Оренбурга до Звериноголовской крепости. Это свидетельствует о том, что именно этот участок рассматривался как плацдарм дальнейшего военного продвижения в глубь казахских земель.

Таким образом, в результате военных реформ, реорганизация войск, размещенных на линии, значительно были укреплены гарнизоны, повышена обороноспособность укреплений. Оренбургское казачье войско превратилось в одно из самых крупных по численности войск в Российской империи. Мы отмечаем, что преобладание в его составе казачьих войск давало большие преимущества и обуславливало гораздо меньшие финансовые затраты на их содержание. На Старой линии в первой трети XIX в. был создан мощный военно-казачий плацдарм для дальнейшего продвижения в степь. Это создало условия для решения важнейшей стратегической задачи восточной колониальной политики России: окончательно подчинить Средний жуз, закрепить его территорию в составе империи.

Говоря, в целом, о сложившейся ситуации в Северном Казахстане, можно отметить следующее:

1. К середине XVIII в. в укреплениях пограничных линий на границе с Казахстаном увеличивается число регулярных воинских частей, казачества и переселенного гражданского населения. Все это в дальнейшем позволяло обеспечивать людскими ресурсами военно-стратегические интересы России в крае. Это и подавление череды башкирских восстаний, и ответ на обострение отношений с Джунгарией, и преграда притязаниям Китая.

2. Значительно усиливается укрепление военных позиций империи со стороны Южного Урала на рубеже XVIII - XIX вв. Царизм в этом регионе проводит череду военных реформ, в результате которых значительно увеличивается численность воинского контингента в регионе.

3. Военный фактор, в виде крепостных линий, несомненно, служило внушительной причиной влияния на политику казахских родоправителей и султанов Среднего жуза. Именно через военную силу, хотя иногда и завуалировано, проводилась политика фактического разобщения и подчинения правящей верхушки казахов разными формами и средствами.

4. Все это значительно повысило роль территории Северного Казахстана как стратегического плацдарма для последующих действий.

В целом, весь комплекс внешнеполитических и внутривосточных мероприятий позволил значительно укрепить позиции России, что в дальнейшем привело к переносу военных линий непосредственно на территорию Среднего жуза в Северном Казахстане.

## **2 ВОЗВЕДЕНИЕ НОВЫХ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА**

### **2.1 Создание Новоишимской (Горькой) линии как условие колонизации северного региона Казахстана**

Для обеспечения политического, экономического и военного присутствия Российской империи потребовалось проведение ряда мероприятий. Первым из них стала модернизация Ишимской военной линии и ее перенос южнее на 200 верст. Строительство Новоишимской линии рассматривается нами как важное условие колонизации казахских земель Россией. Вместе с тем, в историографии дореволюционного и советского периода перенос линии на территорию кочевий Среднего жуза мотивировался тем, что эти земли, якобы, не были никем заселены. Так, в многотомной «Истории Сибири» пишется, что «территория лесостепей южнее Ишимской линии до реки Камышловой и горько-соленых озер, оставалась никем не заселенной. Лишь изредка появлялись здесь татары-звероловы, русские промысловики, крестьяне и казаки, приходившие для охоты и рыбной ловли» [162, с. 181-182]. Однако, это утверждение может быть опровергнуто сведениями современника той эпохи Г.Ф.Миллером в «Статье о древностях сибирских», он свидетельствует, что «страна между Обью и Иртышом, как я был в Сибири, еще никто ходить не смел, потому что там киргис-казаки почти непрестанно разъезжали и не так еще, как ныне, крепостями ограждены были» [9, с. 518]. На основе сибирских грамот, приведенных Г.Ф.Миллером можно судить о том, что «Казацкая орда» рассматривалась, как реально существующее объединение в данном регионе еще до прихода русских в сибирскую сторону.

Таким образом, строительство Новой линии от Тобола до Иртыша, значительно южнее старых ишимских форпостов, вызывалось реализацией геополитических интересов Российской империи в этом регионе, а не только соображениями местного характера, осуществлением части развернутого плана переноса имперской границы на юг на огромном пространстве от Волги до Алтая.

Проект обер-секретаря Сената И.К. Кириллова о переносе русской государственной укрепленной границы с Закамской черты (Самара – Бугульма) на юго-восток от Башкирии, претворенный в жизнь оренбургским губернатором Неплюевым (1742-1758гг.) получил свое дополнение и в проведении Новой сибирской линии, в соответствии с новыми границами на Южном Урале.

И.И.Неплюев проявлял к строительству Новой линии исключительный интерес. Он продвигал этот вопрос в Сенате и давал полезные указания сибирскому военному начальству. Для него (И.И. Неплюева) Новая линия представлялась естественным продолжением оренбургских укреплений, и он в письме от 3-го сентября 1746г. выразил мысль, что при построении крайней на Тоболе Звериноголовской крепости «здешняя Уйская и Новая Сибирская (линии), також и форпосты, способно совокупятся» [54, с. 21].

Местные соображения: неудобная растянутость старой Ишимской линии, ее глубокое западение в сторону Сибири, ее коммуникационное значение - играли, конечно, тоже не последнюю роль в деле строительства. Но были также и внешнеполитические расчеты. Они более всего заставляли царизм насторожиться и ускорить постройку линии. Агрессивная Джунгария угрожала существованию иртышских крепостей. Ввод в Сибирь в 1745 г. пяти полевых полков был первой реальной мерой защиты от джунгар. Надо напомнить, что и русско-китайские отношения в том время были слишком натянутыми. Многотысячная китайская армия, стоявшая у Иртыша, была предметом обширной и активной переписки сибирского командования с Петербургом. С целью оказания давления на Китай, немного позднее возведения Новой линии, начато было строительство Новокузнецкой линии. Перенос Ишимской линии на юг значительно сокращал коммуникации с Иртышом, и военные русские укрепления отдалялись от сибирских селений. Внезапная опасность набега неприятелей на русские поселения отпадала.

Решающим обстоятельством ускорения постройки Новой линии явилось и начатое в 30-х годах XVIII в. наступление на казахскую степь. И.И.Неплюев первый поддал мысль надвигаться на степь путем сплошной линии укреплений. «Запасный план» был составлен И.И. Неплюевым в начале 1744г. Этот план содержит проект военного окружения казахов со стороны Урала и Сибири путем концентрации на границе регулярных войск и мобилизации местного как русского, так и не русского населения, чтобы действовать не одним корпусом, и с разных сторон. Предполагалось двигаться на степь со стороны пяти направлений: первое от Яицкого городка, второе от Оренбурга, третье от Орска, четвертое от новой Уйской линии, пятое от Сибирской линии. Далее И.И. Неплюев представил в этом плане проект масштабов мобилизации и распределения, как регулярных, так и не регулярных войск по опорным пунктам. План был утвержден Сенатом с оговоркой, что проведение его в действие должно последовать, если со стороны казахов обнаружится неприятельские действия по отношению к России [136, с. 48].

Это политическое завещание И.И. Неплюева служило для царизма постоянным руководством. Оренбургская и Уйская линии отстраивались в конце 1730-х - начале 40-х годов. Они лежали значительно южнее Ишимской и лучше были укреплены. С организацией этих линий Ишимская линия, если бы она осталась в нетронутым виде, представляла бы наиболее уязвимую часть укреплений, поскольку форпосты на ней находились в среднем на расстоянии 30 верст друг от друга, в то время, как на Оренбургской и Уйской линиях они были значительно ближе.

Сибирское командование определяло цели основания новых укреплений в следующем: «охранение границы и пересечение перелазов неприятельских; частые повседневные разъезды, коими усмотреть воровские тракты будет можно; людям и лошадям будет облегчение, коммуникации благонадежнее и разъезды продолжать не так будет трудно» [54, с. 16]. Из этого рапорта на имя С.В. Киндермана мы видим, что намечаемые цели новых укреплений, в

основном, предназначены против кочевого населения Северного Казахстана, что в дальнейшем и предопределило характер отношений линейных властей с казаками.

Надо отметить, что параллельно с планируемым переносом Ишимской линии одновременно началась строиться Оренбургская линия, которая шла на соединение с ней.

Еще в начале 1740-х годов подполковник В. Кутузов составил проект Новой линии от форпоста Чернолуцкого на Иртыше до форпоста Утяцкого на Тоболе. С этим проектом согласился сибирский губернатор Сухарев. Однако с появлением в Сибири С.В.Киндермана кутузовский проект подвергся осуждению, и премьер - майору Сташкееву и геодезии поручику Шишкову было поручено составить новый проект, который и получил одобрение. Но В. Кутузов выступил против нового проекта, так как по ней линия проходила через горько-соленые озера, а в его проекте линия шла севернее и избегала неблагоприятные места для проживания. В обоих проектах предполагалось линию сделать земляной и сплошной.

Так, оба проекта попали в руки И.И.Неплюева, который отверг проведение земляной линии и счел такую линию излишней и убыточной. Так, по проекту В. Кутузова для ее проведения намечалось использовать 9900 человек. Но И.И. Неплюев полагал, что против степных народов достаточно иметь прерывистую линию крепостей и редутов, подобную Оренбургской и рекомендовал целиком перенести строительный опыт Оренбургской линии на Новую линию. Оренбургские крепости были выстроены « без всякого для казны расхода, людьми, которые и гарнизоны в них содержат. Да солдатам для обзаводства же выдано железо, топоры и косы, заработной платы не было» [54, с. 19-20]. Неплюевский совет был полностью принят, и из этого мы видим, что Новошимская линия возводилась регулярными армейскими подразделениями, при этом государственная казна не несла значительных расходов.

15 мая 1746 г. последовал указ Сената сибирскому губернатору Сухареву о том, что С.В.Киндерман находит линию В. Кутузова неудобной. «Либо многие уголья, сенокосья, хлебопахотные места, звериные и хмелевые промыслы будут находиться вне линии. При том же эта линии ведена криво. Линия же Сташкеева ближе, уголья остаются внутри ее, на содержание ее потребно менее людей, места сухия. В. Кутузов же, следуя местами, где проходил Сташкеев, не нашел пресной воды и вообще сомневается в достаточности ея по всей линии» [163, л. 2-5].

Но Сташкеев остается при своем мнении, тогда Сенат поручил самому С.В. Киндерману осмотреть эти места с геодезистами и инженерами, «и мнение свое, где прямее и способнее можно провести линию, и ландкарту, вновь сделанную с назначением линии, прислать в Правительствующий Сенат» [54, с. 20].

Мы хотим дополнить этот эпизод истории новым документом. Так, нами был выявлен интересный факт о секретном разведывании Новой линии с указанием мест, удобных для крепостей от Тобола до Иртыша [164, л. 111-115]. Летом 1746 г. С.В.Киндерман лично осмотрел места предполагаемой линии и,

взяв за основу проект Сташкеева – Шишкова, внес в него незначительные изменения. С северной стороны казахской степи, вместо прежней Ишимской линии, слишком длинной, пилообразной и изгибавшейся внутрь Тобольской губернии, генерал С.В.Киндерман признал полезным протянуть впереди нее новую линию от Омска к Оренбургской губернии до крепости Звериной головы. Когда окончательный вариант попал к И.И. Неплюеву, тот отозвался о нем положительно: «И понеже все оное расположение, елико мне ситуация тамошних мест ведома есть, так кажется, назначена, как того Ея Императорского Величества высокий интерес требует. Того ради я к тому со своей стороны прибавить ничего не имею, как токма с оным, его генерал-майора Киндермана, расположением согласуюсь» [54, с. 21].

При проектировании линии были учтены характерные местные географические особенности. Если взглянуть на физическую карту Омской области и Северного Казахстана, то среди множества разбросанных озер мы обращаем внимание на цепочку понижений, вытянутых с востока на запад вдоль железной дороги Омск – Петропавловск. Как раз здесь между десятками больших озер, болотистых низин, солончаковых понижений изгибается речка Камышлов. Долина реки Камышлова является естественным рубежом, и поэтому, по нашему мнению, послужила пограничной линией. Именно здесь по плану С.В. Киндермана должны были строиться укрепленные пункты, а промежутки между озерами, которые были доступны для перехода и назывались местными жителями «мостиками», которые позднее перекрывались рогатками.

Утверждение Сенатом окончательного варианта Новой линии последовало не так скоро, через пять с половиной лет. Мы предполагаем, что к этому времени правительство заняло выжидательную позицию, шел расчет обстановки внешнеполитических отношений с Джунгарией, с Китаем, да к тому же к этому времени обострились и казахско-джунгарские и казахско-китайские отношения. Это в первую очередь, связано с распадом Джунгарского ханства после смерти в 1745г. Галдан Церена. Россия в данный момент проводила осторожную дипломатию в этой ситуации и была заинтересована в твердых пророссийских ориентациях родоправителей Среднего жуза, особенно султана Аблая. И поэтому после предварительных отшлифовок только в 1752 г. Сенатом утверждается проект исправления Ишимской линии.

Новая линия, названная Горькой или Пресногорьковской, значительно выдвинута на юг, выправлена и составляет сплошную линию укреплений от реки Тобол (крепость Звериноголовская) до Омской крепости. Сенатский указ от 26 марта 1752 г. на имя С.В.Киндермана о постройке Новой линии не застал адресата в живых, но строительство Новой линии началось летом этого же г. и велось планомерно, с учетом требований военно-инженерной техники.

Здесь нужно пояснить, что в фортификационном отношении пограничные линии и их крепости отличались простотою своего устройства. Выражение «крепость» означало в то время просто поселение, огражденное бревенчатым частоколом, рвом и рогатками. Только немногие крепости, такие как: Омская, Семипалатинская, Ямышевская, Усть-Каменогорская и Петропавловская были

устроены с земляным валом по системе французского военного инженера XVII в., маршала Франции Вобана. Под его руководством была выстроена цепь военных укреплений вдоль границ Франции, они отличались надежностью и простотой, строились с учетом рельефа местности. При такой системе широко применялись длинные окопы и траншеи, внедрялась бастионная линия защиты.

Решено было строить линию от урочища Звериной Головы на Тоболе до Омской крепости, протяженностью 565 верст. Предполагалось построить 2 шестиугольные и 9 четырехугольных крепостей, 33 редута и 42 маяка. Для строительства нарядили из тамошних войск 3642 человека. (1290 чел. регулярных, 2352 чел. нерегулярных), «которым людям те крепости строить без платы из казны Ея Императорского Величества заработанных денег» [87, с. 72]. Для прикрытия работ от набегов казахов велено выставить на строительство один полк. Официальная мотивировка нового строительства отмечала, что крепости и редуты сооружаются «к лучшему защищению сибирской стороны от набегов киргиз-кайсацких и для обуздания тех орд кочующих в Сибирской стороне, от своевольностей, и чтоб оный народ содержан был в подданнической должности» [54, с. 22].

Строительство намеченных крепостей и редутов было начато одновременно на всех местах летом 1752 г. руками солдат Вологодского полка и казаками Ишимского нерегулярного полка и велось ускоренными темпами. Все крепости и редуты были заложены в июне – августе 1752г. В архиве мы выявили даты (даны по старому стилю) закладки следующих крепостей: Петропавловской – 29-го июня, Звериноголовой – 22-го июня, Пресногорьковской – 18-го июня, Пресновской – 30-го июля, Становой – 31-го августа [166, л. 141-167].

Количество рабочих соответствовало числу, намеченному Сенатским указом. В строительстве шестиугольной крепости было задействовано 300 человек, четырехугольной – 200, редута - 30 и маяка – 6 человек. На постройке главной на линии крепости святого Петра в июле 1752 г. было занято 297 человек, начальником строительства этой крепости был поручик Трейблут [166, л. 141-142]. Сооружения крепости и зданий, заготовка леса и сена осуществлялась силами 930-ти казаков Ишимского полка. Солдаты работали в течение 12-ти часов в сутки без оплаты, было плохое питание. В тот год рано наступили холода, все это вызвало массовые болезни, побегии строителей. К концу первого месяца строительства в бегах было 190 человек [165, л. 139]. За три с половиной месяца, к 17 октября, в крепости святого Петра построили городовую стену, четыре батареи, ворота с башней, штабной дом, офицерскую светлицу, 10 казарм, конюшню на 120 лошадей, 2 провиантских магазина. Надлежало еще соорудить ров, вал, пороховой погреб, рогатки, малые батареи. В остальных крепостях были готовы стены и батареи [166, л. 525]. Со старых Ишимских форпостов перевезли артиллерию – 17 пушек, 17 ящиков, мешков картузных с порохом – 1132, картузов с ядрами – 30, ядер чугунных – 1118 и прочие припасы [166, л. 641-642].

На зиму в крепости было оставлено 90 драгун для несения охранной службы, а также солдаты Ишимского полка для продолжения строительства с

весны 1753г [165, л. 162-165]. К лету 1753г. были частично не достроены бастионы и совсем не начаты земляные работы. С этой целью принимается ряд мер о достройке крепостей на Новой линии. В найденных нами архивных материалах расписывается распределение средств и количество людей на различные виды работ в крепостях Св. Петра, Полуденной и др. [168, л. 129-135]. В 1756 г. в Петропавловской крепости не были еще готовы несколько батарей, 12 казарм, пороховые погреба [167, л. 224].

Укрепления Новой линии сооружались одновременно на всем ее протяжении, возводились крепости редуты маяки – Пресновское, Кладбинское, Становое, Кривоозерное, Бишкульское, Полуденское, Лебяжье – всего 1-крепостей, 31 редут и 40 маяков [168, л. 2]. За это лето в крепости Пресновской возвели из березового леса 2 казармы, офицерскую светлицу, несколько амбаров, покрытых дерном. Все это было огорожено деревянным забором в столбах. На 4 углах стен, отграничивающих площадь около 1 га, были установлены пушечные батареи. По контуру укрепления, в 20 м впереди стены, были установлены рогатки, а еще далее, в поле – надолбы [169, с. 19].

На территории современной Костанайской области между озерами Пресным и Горьким 27-го июля 1751г. было заложено укрепление Пресногорьковское, которое было нанесено уже в 1753г. на карту Российской империи. Это было первое русское поселение на территории нашей области. Опять же, что характерно, первое поселение являлось военным. Следует отметить, что в многочисленных изданиях по истории Костанайской области до 2006г. не приводились вообще сведения о русских военных поселениях XVIII в. История Костанайской области всегда начиналась почему-то со второй половины XIXв. со времен крестьянской колонизации края. И появление публикаций по нашей теме исследования только энциклопедического характера, говорит о малоизученности нашей проблемы. На территории Пресногорьковской крепости располагался личный состав Олонецкого, Нишебургского, Вологодского казачьих нерегулярных полков в количестве примерно 150 человек. Гарнизон крепости пополнялся, и к 1755г. достиг 257 солдат и офицеров, 11 казаков из татар. За слободой находился небольшой лагерь из 45 башкир и татар под начальством сотника [170, с. 41]

В 1765 – 1772 гг. в Крепости святого Петра шли крупные земляные работы, на которых использовались колодники. Так, в 1769 г. на работе было занято 167 колодников, в 1772 г. – 197. К этому времени крепость была обведена земляным валом и рвом [171, л. 13; 177].

Строительные работы далеко не были завершены, когда с наступлением осени участились побег выписных казаков, т.е. крестьян, зачисленных в казачество, и крестьян Ишимского и Тобольского уездов, привлеченных к строительству линейных объектов. Только за 20 дней сентября со строительства сбежали 13 человек. Поэтому решено было людей распустить, оставив гарнизон драгун и солдат численностью 51 человек с 30 лошадьми [172, л. 75].

Ввиду массовых побегов выписных казаков и крестьян, многочисленных жалоб на «убожество, голод, нищету, разорение хозяйств», прямых



столкновений воинских команд с «шатающимися партиями», сибирский губернатор распорядился о «неопределении впредь выписных казаков в работы по требованию военных команд», [173, л. 136] с чем согласился Сенат, издав Указ от 25 августа 1755 г., в котором повелел «выписных казаков не трогать» [173, л. 146].

К 1755 г. основные работы на линии были завершены, однако чисто военное значение ее нельзя преувеличивать. В 1757 г. старший командир сибирских линий так характеризовал ее состояние: «Линия весьма неспособная объявляется и только одним званием именуется, а в самом деле ни малейшего закрытия не имеется, и в худом состоянии находится, и маяки поставлены в неудобных местах... В Сибири линии нет, а то, что называется, оные токмо пребывают на некотором расстоянии построенные крепости и редуты деревянные, а между ними никакого прикрытия нет... и маяков, кроме одного, по 1756г. не бывает» [174, л. 275-276].

В основном вся линия была закончена к 1758 г., за исключением земляных работ, затянувшихся еще на более 10 лет. Первоначально возвели 44 укрепления: 2 шестиугольных крепости, 9 четырехугольных крепостей и 33 редута. Укрепления были построены друг от друга на расстоянии 8,5 – 19 верст. Между ними находились маяки. Вся линия была поделена на две дистанции: Тобольная, от шестиугольной крепости Звериноголовая на Тоболе, до редута Кривоозерная длиной 285, 5 версты. Далее 135-верстная Ишимская дистанция от шестиугольной крепости Петропавловская до редута Иртышная.

Рассматривая карты архивных фондов Омска, Оренбурга и Санкт-Петербурга, Петропавловска XVIII – XIX вв. и сопоставляя их с данными описаний края Н.П. Рычкова [17, с. 338-343], Г.Н. Потанина [54, с. 15-20] и других исследователей мы можем выстроить следующую линию укреплений в таком порядке. Если следовать от реки Тобол к Иртышу, то цепь возведенных укреплений была такова: Шестиугольная крепость Звериноголовая на Тоболе; Редут Алабутский - в 16 верстах от Звериноголовой, Редут Песчаный - в 19 верстах от предыдущего, Редут Пресновский - в 12 верстах, Крепость Пресногорьковская - в 12 верстах, Редут Березовый - в 11 верстах, Редут Пресногорьковский - в 12 верстах, Редут Семиозерный - в 16 верстах, Крепость Кабанья - в 7 верстах, Редут Избной - в 14 верстах, Редут Второй Пресновский - в 15 верстах, Крепость Пресновская - в 12,5 верстах, Редут Первокресный - в 13 верстах, Редут Болотный - в 8 верстах, Редут Пресноклавдинский - в 9 верстах, Крепость Пресносенжарская - в 10 верстах, Редут Сарапульский - в 9 верстах, Редут при озере Дубровном (еще назывался Пресноозерным) - в 10,5 верстах, Крепость Становая - в 11,5 верстах, Редут Гагарий - в 10 верстах, Редут Кривоозерный - в 28 верстах. Шестиугольная крепость святого Петра (или Петропавловская) - в 15 верстах от редута Кривоозерного, Редут Болотный - в 15 верстах, Редут Плоский - в 11 верстах, Редут Междуозерный - в 10 верстах, Редут Камышловский - в 10 верстах, Крепость Полуденная - в 10 верстах, Редут Ганкинский - в 11 верстах, Редут Нагорный - в 8 верстах, Редут Медвежий - в 11 верстах, Редут Чистый - в 19 верстах, Крепость Лебяжья - в 15 верстах. И последней была Тарская дистанция, длиной 145 верст: Редут Тарский - в 15

верстах, Редут Лосевой - в 10 верстах, Редут Соленоозерный - в 13 верстах, Крепость Николаевская - в 13 верстах, Редут Горный - в 13 верстах, Редут Волчий - в 11 верстах, Крепость Покровская - в 14 верстах, Редут Озерный - в 15 верстах, Редут Дубровный - в 13 верстах, Редут Степной - в 8,5 верстах, Редут Мельничный - в 13,5 верстах, Редут Иртышный - в 9,5 верстах. От Иртышного редута до Омской крепости было 10,5 верст. Вся длина Новоишимской линии составила 565,5 верст. По сравнению со Старой линией сокращение длины было значительным (Старая линия имела длину 985 верст).

Нам кажется уместным показать несколько фотокопий карт из ЦГА ВМФ РФ, для представления общего вида с точки зрения военно-инженерного строительства. Наглядную картину дают следующие фотокопии: план крепости Пресновской с окрестностями, план редута Ганкина с окрестностями и план редута Дубровного с окрестностями (Приложение В).

Приведенное нами столь обширное количество форсированно построенных укреплений впечатляет своим масштабом, скоростью построения и стратегически верно выбранным расположением. Это удалось благодаря тому, что этим занимались армейские регулярные части. Для такой масштабной военно-стратегической операции необходимо строго регламентированная военно-командная система. Это еще раз доказывает, что в продвижении империи в регионе первыми играли роль не казаки, а воинские части.

Такое сокращение длины военных коммуникаций почти на 400 верст позволило значительно уменьшить расходы на содержание линий. Увеличить обороноспособность и эффективность границы крепостей более кратким путем, соединивших Оренбургскую и Иртышскую линию. Это позволяло властям быстрее реагировать на любые происшествия в регионе, улучшить связи между гарнизонами крепостей, что для армейских подразделений имеет немаловажное значение.

Но выбранная трасса имела крупный недостаток в питьевой воде. Еще описание линий 1753 г. отмечает непригодность воды. Редут Степной «вода осолотковата, видом красна, в зимнее время бывает великий запах и в полуверсте рыт колодезь, в котором вода солодковата». Редут Дубровный: «вода солоната и зимою в пойло лошадям негодна, рыт колодезь, в котором вода солоната». Редут Озерной: «вода в озере солодковата, а в зимнее время кисла и запах». Редут Волчий: « вода солоната, а в зимнее время горька, копана два колодезя, в которых вода по нужде в пищу годна, а для поения лошадей и в зимнее время снег тают» [175, л. 217-224].

Так, на Тобольной дистанции, из 21 укрепления 3 имели солонатовую воду; на Тарской дистанции только в 2 редутах оказалась годная вода, а в 10 – негодная; на Ишимской дистанции имелась пресная вода в 6 укреплениях, в 5 – солоната. Хуже всего обеспечивался водой участок от Петропавловской до Омской крепостей, составлявший половину всей Новой линии (280 верст) [175, л. 217-224]. Поэтому линия укреплений заслуженно стала называться Пресногорьковской.

Недостаток воды быстро дал о себе знать. Рытье колодцев в местностях с солеными водами, в большинстве случаев давало ту же горько-солоную воду.

Ошибки Киндермановского проекта пришлось вскоре исправлять, перенося часть укреплений на новые места с пригодной водой. Первым подобным мероприятием было уничтожение в 1756 г. Нагорного редута, так как воду для него надо было брать из колодца, находившегося в 2 верстах. Строения его были сломаны « до основания, дабы прикрытия неприятелю не следовало» [167, л. 123-125].

Немного позднее произошло частичное изменение Тарской дистанции. Командир корпуса И.В.Фраундорф в 1759 г. представил сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову мнение о необходимости переноса и уничтожения некоторых укреплений: «...Итак вместо оных редутов, можно наполовине тракта между 3 крепостей и редутов, где расстояния прибудет, учредить маяки, кои для безопасности обнести заплотом или полисадом. И находящихся в оных для караулов и разъездов почаше сменять» [176, л. 123-125]. Ф.И. Соймонов согласился с мнением И.В. Фраундорфа. И на их представление последовало распоряжение из Военной коллегии: «Николаевскую крепость с 3 редутами на новые места воинскими людьми перенести, а построить оные, как наискорее возможно» [177, л. 641-643].

В мае 1761 г. началось новое строительство, закончившееся к осени. Были выстроены крепость и 2 редута: Волчий и Пустоозерный, Дубровный был уничтожен. Вскоре был уничтожен и вновь отстроенный Пустоозерный редут. Так, рассматривая карту Новой линии 60-х годов XVIII в. его уже небыло.

И.В. Фраундорф выдвинул предположение построить дополнительный редут на Тобольной дистанции между редутами Гагарым и Кривоозерным, поскольку между ними « имеетца расстояния 27 верст. ... еще вновь 1 редут построить.» [176, л. 123-125]. Скопин редут, который позднее стал называться крепостью, был построен в 1767 г. В отличие от других укреплений он был шестиугольным, не имел деревянной стены, а был обведен земляным валом, вокруг которого был вырыт ров. Ворота крепости одновременно служили и для проезда, и для защиты, над ними помещалась артиллерийская батарея. Устройство этого редута считалось лучше остальных. Земляной вал, сделанный вместо деревянной стены из-за недостатка леса, оказался более совершенной защитой. Даже много лет спустя, в 1807 г., высказывалось мнение, что укрепления типа Скопинского редута « вероятно со временем иметь будут и все прочия крепости и редуты» [178, с. 992].

Последнее новое строительство на линии относится к 1798г., когда был издан указ Военной коллегии о строительстве двух редутов вблизи крепости Пресногорьковской: Преснокамышенского и Крутоярского. Ими были заграждены открытые места, через которые казахи заходили внутрь линии [179, с. 219]. Примечательно, что к строительству этих редутов привлекались колодники, о назначении их на работу на Сибирские линии был дан указ Сената «1798г. Августа 2. Обь отсылки части преступниковъ на Сибирскіе линіи» [180, с. 330]. В обнаруженных нами архивных документах подтверждено направление 287 ссыльных колодников на Горькую линию [181, л. 102; 122].

Что касается военно-инженерной стороны строительства укрепленных пунктов, то их качество оставляло желать лучшего. Так, по описаниям многих

авторов П.И. Рычкова, С.В. Андреева, Г.Н. Путинцева, Г.Е. Катанаева, Г.Н. Потанина и др. внешний вид отстроенных укреплений не представлялся грозным.

Рассматривая архивные документы о расходах строительных материалов на линии, мы выявляем, что в основном, укрепленные пункты сооружались из дерева: палисады, бастионы, надворотные башни, жилые постройки, рогатки, надолбы. Внутреннее пространство крепостей в поперечнике равнялось от 70 до 100 саженей, а редутов от 30 до 40 саженей. Внутри стен находились казармы, офицерские светлицы, штабной дом, пороховые погреба, сараи, магазины (склады). Позднее к этим постройкам добавились в крепостях еще и церкви. Все постройки были из березового леса и покрыты были берестой или дерном. Дома, крытые тесом или дранкой были редкими явлениями [182, л. 50-54].

На постройку шел недорогой ходовой местный стройматериал; труд привлеченных рабочих не оплачивался, к строительству была привлечена дармовая рабочая сила из числа военных, выписных казаков, крестьян, ссыльных. Часть израсходованных средств шла из сбора ремонтных пошлин, торговых сборов и различных поборов с местного населения. Все это свидетельствует о том, что «запасный план» И.И. Неплюева был выгоден казне.

О военном характере этих построек говорило наличие в углах батарей. Стены были деревянными, высотой до 2 саженей, с бревнами поставленными вертикально. Ворота помещались в единственной башне [182, л. 50-54]. Крепости и редуты были четырехугольными, за исключением Петропавловской, Звериноголовой и Скопиной, построенных в виде шестиугольной звезды.

Внутри крепостных стен было очень тесно, высказывались мнения о необходимости увеличения размеров укреплений, но в жизнь они не проводились. И.В. Фрауендорф являлся сторонником расширения площади укреплений: «А пониже... на Новой линии ныне заложенные крепости... весьма тесны... неоминуемо надобно те крепости сделать гораздо простране» [176, л. 123-125]. В 1771 г. крепости усиливаются земляными рвами и валами, что делало их мощными военными укреплениями. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени остатки сооружений.

Так, нами представлен снимок вида крепости Пресновской, расположенный в Северо-Казахстанской области, вблизи границы с Омском. Сжатый по сторонам четырехугольник вместе с бастионами похож на цветок с распущенными лепестками (Приложение Г).

Более внушительное впечатление, чем остальные укрепления производила Петропавловская крепость. Построенная на высоком правом берегу Ишима по системе французского военного инженера Вобана, в форме правильного шестиугольника, в углах которой находилось 6 вместительных бастионов (2 из них смотрели в сторону Ишима), соединенными между собой земляными валами и деревянными стенами высотой около трех метров, крепость имела внутреннюю площадь около 2 га длиной стен по периметру более 4,3 км. В бастионах были установлены пушки, внутри крепости – арсенал, офицерские

дома и казармы, а также гарнизонная церковь, конюшни и другие хозяйственные постройки. Внутренняя ширина крепости между стенами равнялась 72 сажням, наибольшее расстояние между внутренними углами двух противоположных бастионов – 150 сажней. В каждом бастионе было по 3 одноорудийных батареи. Внутрь стен находились: штабной дом, 3 офицерские светлицы, 4 казармы, 2 магазина, 2 пороховых погреба, 2 кордегардии у ворот, часовня, а в 1766 г. взамен ее была построена деревянная церковь в честь апостолов Петра и Павла, именами которых называлась крепость. Крепостные ворота были устроены в башне. В 1772 г. в крепости существовали 2 башни: Тобольская и Омская. Вокруг стен шел ров, наполненный водой. Крепость была окружена рогатками и надолбами. В надолбах находились: 2 конюшни, кладовые, амбары, лазарет. Рядом с крепостью располагались предместья: на горе – верхний, под горой-нижний форштадт. Форштадты, в свою очередь, были обнесены рогатками и полисадами и имели в них ворота. На нижнем форштадте находилось двое ворот – Орские и Степные [183, л. 419].

Между крепостями Новоишимской линии располагались редуты. Все они по форме - сомкнутые квадратные укрепления. Размеры примерно 70X70 метров. Внутренняя площадка прикрывается рвом и земляным валом.

Вскоре по указу Сената от 29 июля 1753 г. Звериноголовая крепость с редутом Алабутским была передана в полное ведомство Оренбургской губернии. Эта передача была вызвана тем, что с проведением Новой линии Куртамышская и Бакланная крепости Уйской линии, крайние к Новой, были упразднены, так как оказались внутри линии. Гарнизоны этих крепостей разместили в Звериноголовой крепости и Алабутском редуте [184, л. 143; 147, 152].

Несмотря на то, что старая Ишимская линия утратила свое назначение после строительства Новоишимской линии, ее опорные пункты (слободы Абацкая и Коркина, а также некоторые деревни оставались укрепленными). Так, в слободе Абацкой имелась деревянная крепость, обнесенная надолбами и рогатками, окруженная рвом; в деревне Кокуйской имелась крепость «обнесена рогатками, надолб нет». Караулы в форпостах несли служилые люди, в слободах и деревнях – крестьяне [185, с. 217-218].

Географические условия содействовали обороноспособности Новой линии. Заболоченные озера между Ишимом и Иртышом, делали этот участок непроходимым ни для людей, ни для лошадей даже в летнее время. Крупные заболоченные пространства имелись и на западе от Ишима, например, между редутами Гагарым и Кривоозерным. Линия все же была легко уязвима в летнее время в тех местах, где не было озер, а в зимнее время в любом месте, так как слабые гарнизоны не могли бы противостоять серьезному натиску нападающей конницы.

Другим мероприятием колониальных властей по укреплению Горькой линии было усовершенствование охранных мер по защите границы.

Новая линия рассекла Ишимскую степь на две части: северная, сибирская, в официальных документах получила название жилой стороны, а южная, лежащая вне линии, называлась степной стороной. Поскольку укрепления

стояли друг от друга на 10 и более верст, для охраны границы приходилось делать между ними разъезды. Для выявления нарушения границ использовались так называемые лучки: в землю втыкались полукольцом прутья – при движении конницы они сдергивались. Подобное мероприятие, было малоэффективным, поэтому в 1758 г. последовало распоряжение фельдмаршала Бутурлина о выжигании травы «около крепостей и редутов и между оными, дабы воровские перелазы пресечь и опасности всякой миновать было можно». Траву рекомендовалось выжигать под ветер, «только с крайним осмотрением, чтоб не произошло от того какова вреда, чего ради поделатъ небольшие каналы» [186, л. 500-501].

Для исполнения данного приказа командир Сибирского корпуса предложил проделать сверхчеловеческую работу: по всей Новой линии вдоль дороги, идущей между укреплениями, на расстоянии от нее 50 сажень и далее, в степную сторону, вырезать сохами дерн» шириною на 6 шагов» самую прямую линией; вырезанный дерн сложить у обреза, наподобие маленького бруствера, разрушение которого позволило бы усмотреть переезд границы. Командир корпуса считал эту работу весьма полезной, так как на том месте, где вырезан дерн, трава не скоро вновь вырастает, и в случае пожара вырезанная полоса будет служить препятствием для распространения огня в жилую сторону. Эта работа должна была быть закончена в короткий срок, летом до сенокоса. На нее выходил весь линейный гарнизон, ее исполняли, где сохой, а где и ручным способом. Вырезать шестиметровой полосой дерн на расстоянии 985 верст – это была поистине непосильная работа, да и к тому же и не оправдывающая себя. Рвение начальства, однако, доходило до того, что даже предполагалось вырезать дерн по краю непроходимых болот: «ежели ж где случатца озера и мокрая болота, то реченной дерн обрезать по самые те озера, а потом с другой стороны вести таким же порядком.» [186, л. 500-501].

Наконец, придумали еще новый способ установления нарушения границы. В 1771 г. всю границу по Новой линии опоясали изгородью из 2-х жердей, вставленных в столбики, высотой в 4 фута. При проезде конницы казахи разрубали жерди, где оставался их след вторжения. Запрещение переходить границу имело силу, как для казахов, так и для русских. Русские крестьяне и линейные жители шли в степь ловить рыбу, собирать хмель. Нарушителей границы при поимке отстегивали плетьюми, в отношении казахов поступали строже. Указ Военной коллегии 1756 г. предлагал не допускать перехода казахов и их табунов на жилую сторону, «и в случае их в том сопротивлении и драк, поступали б с ними, яко со злодеями, военною рукою» [187, л. 325].

Однако, казахи, которые считали степь своей неотчуждаемой землей, не смирились с продвижением русских на степь. Когда в 1765 г. к Пресногорьковской крепости прикочевал улус старшины Айтугана, то на предложение военных властей уйти отсюда, казахи ответили: «мы де не слушаем и прочь не идем, степная сторона наша, где хотим, тут и стоим» [182, л. 392].

Перегон табунов за линию не допускался даже для старшин, преданных России, как Кулсара. Каждый раз по особым обстоятельствам для него делались

исключения. От казахов поступали многочисленные просьбы о разрешении перегонять скот за линию, особенно в период бескормицы. В прошении Аблая на имя императрицы есть такое заявление: «... и табуны на вашу сторону перегнали не насильно, табуны на нашей стороне пропадают, а на вашей стороне не пропадут.» [188, л. 320].

2 сентября 1770 г. последовал указ Коллегии иностранных дел на имя командира корпуса И.И. Шпрингера, в котором высказывалось соображение о возможности допуска казахов за линию. В качестве довода для допуска выдвигалось мнение, что недружественные отношения с казахами, очевидно, и высказываются запрещением перехода на жилую сторону. К тому же со времени запретительного указа 1756 г. прошел уже достаточно срок и теперь казахам, «как уже отчасти и обращению с пограничными жителями приобывшим дозволение к перепуску табунов на Сибирской линии дать можно» [189, л. 50-56]. Однако, И.И.Шпрингер не был сторонником соображений Коллегии иностранных дел и в секретном письме от 7 января 1771 г. сибирскому губернатору Чичерину высказал свое мнение на данный вопрос. Приведем это письмо полностью (Приложение Д).

На основе письма И.И.Шпрингера был разработан Коллегией иностранных дел и в 1771 г. издан указ о запрещении переходов, за исключением только тех владельцев, которые не вызвали сомнений в их преданности России. За Новую линию их табуны впускались на 20 верстное расстояние.

Командиром корпуса Н.Г.Огаревым до сведения командующих по линии был доведен «регистр, каких должно солтанов и старшин пропустить на здешнюю сторону с табунами по дистанции крепости святого Петра: Кулебак батыря, Байжигит мурзы, Байтуги Голдыбаева, Сарыголдак Хуле Утяшева, Асет батыря, Шайтана Ипанова, Булата Юбалина, Баубек батыря, Хутай Менды салтана, Барак батыря, Токберды батыря, Букунбай Анжигитова, Кунбагар Муратова» [190, л. 155а]. Из этого списка султанов и старшин Среднего жуза мы можем определить, что разрешение о пропуске через линию было одной из мер регулирования взаимоотношений с родоправителями. Это подробнее мы рассмотрим в третьем разделе.

В конце XVIII в. пропускать на жилую сторону стали на 25-30-ти верстное расстояние, без взятия аманатов, большие группы табунов. Например, в 1792 г. по Новой линии в начале декабря было впущено 48560 лошадей, 5260 голов рогатого скота, 8420 баранов, 319 табунщиков и 526 кибиток [191, л. 915; 924]. Конечно, пропуск табунов за линию спасал от гибели скот во время бескормицы, но он был вызван также желанием привлечь казахов на постоянное кочевье внутри линии. Царизм полагал, что после 40-летнего существования Новой линии, казахи не проявили попыток к серьезному сопротивлению, что они достаточно уже приучены и их без опасения можно переселять внутрь империи.

«Высочайший указ», данный на имя Н.Г. Огарева 15 июля 1788 г. «Именной данный Генерал-Поручику Н.Г. Огареву. – О переселении Киргиз-Кайсаков из дальних степей во внутренность России» предлагал идти навстречу казахам, пожелавшим переселиться в Россию: «... что некоторые из салтанов и

старшин Киргис – кайсатской Средней Орды при всегдашнем наблюдении ими доброго поведения, исполнении безоговорчно приказаний линейных начальников и ненарушимом сохранении верности и усердия к нам, изъявляют желание к поселению из дальних степей во внутреннюю российскую сторону, и приемля за благо представления ваши» [192, с. 1086-1087].

Настоящий указ явился программой деятельности военных властей Новой линии на несколько лет. Царизм еще не решался продолжать движение на степь, но пробовал переселить казахов в имперские земли, освободить степь от кочевий, чтобы затем свободнее двигаться по ней. Часть казахов Среднего жуза переселилось за линию, и царские колонизаторы в разрез предлагавшегося поощрения казахов, сделали все, чтобы усилить гнет над ними. Переселившихся казахов обложили ясаком, что для них было неожиданностью. Правда, они знали, что в России берут ясак, но переселялись с уверенностью, что с них брать не будут. Доброжелательный к России, Кулсара еще в 1757 г. предлагал линейному начальству: «И по известию де, что со всех в Русе иноверцев ясак в казну берут, то и с них бы киргисцов брать. А только б он Кулсара со своими родственниками от платежа ясаку освобожден был» [193, л. 60-61]. Совет Кулсары нашел себе широкое применение. Царизм показывал явное намерение усилить давление на доверившихся казахов, давал им почувствовать свою видимую силу.

Такое изменение политики колониальной администрации в отношении казахов имела далеко идущие планы: с одной стороны, полученные доходы позволяли содержать военную линию в надлежащем виде и строить новые укрепления; с другой стороны, переселение ряда казахских родов за линию вело к разделению единого народа и его территории, что ослабляло сопротивление колонизации.

Таким образом, ведущую роль в реализации колониальных устремлений принадлежала Новоишимской (Горькой) линии, которая решала военные, дипломатические и экономические задачи. Основным способом осуществления этой политики являлось военное продвижение и постепенное наращивание военных сил для дальнейшего продвижения на Восток.

Устройство Новоишимской линии имело в этом плане большое значение.

- во-первых, даже, несмотря на относительную слабость фортификаций линий и не совсем высокие боевые качества ее гарнизонов, эта линия прикрывала юго-восточные рубежи России в начале от возможной агрессии Джунгарии, а затем и Китая;

- во-вторых, проведение Горькой линии, перенесенной южнее на 250 верст от ранее существовавшей Ишимской, создало условия для возрастания численности русского населения в этом регионе. А запретительными мерами к пересечению линии казахскими родами военные власти и центральные органы стремились усилить свое колониальное присутствие на границе, предвидя внешнеполитические осложнения. Главным элементом в осуществлении этой задачи стали военные: части линейных гарнизонов и нерегулярные войска, ставшие основой Сибирского казачьего войска;



- в-третьих, благодаря мерам правительства в отношении казачества (освобождение от казенного хлебопашества, разрешение меновой торговли, наделение землей, увеличение жалования и др.) и принудительной военной колонизацией, была решена задача обеспечения Горькой линии стабильными военными кадрами. К началу XIX в. все население линии было включено в состав Сибирского казачьего войска, явившегося главным проводником колониальной политики Российской империи в регионе;

- в-четвертых, строительство Горькой линии позволило отторгнуть у казахских родов Среднего жуза 70 тысяч квадратных верст земли, что соответствовало реализации плана И.И.Неплюева «надвижения на степь сплошной линией укреплений».

Таким образом, нисколько не умаляя значения линий как военно-оборонительных пунктов в середине XVIII в. от внешней угрозы как России, так и казахов, следует отметить перерастание к концу XVIII - началу XIX в. первоначальных функций в военно-наступательные, создавшие условия для последующей казачьей колонизации земель, изменивших политическую, экономическую и демографическую ситуацию в регионе. Для окончательного закрепления России в северном регионе Казахстана военного присутствия было недостаточно, требовалось его хозяйственное освоение и включение во внутренний рынок России. Осуществить это было невозможно без гражданской колонизации. Необходимо отметить, что первоначально высшее командование полагало, что гражданское население на линии не должно превосходить военное и что при крепостях и редутах желательно иметь «полезное население» – казаков, мастеровых и купцов. Крестьянская же колонизация линий считалась ненужной и крестьянам «настрога было заказано ни в коем случае не селиться ближе 40 верст к линии, и поселяться только деревней, а не в одиночку, однодворками». В случае нарушения этого условия крестьянские жилища уничтожались. Мнение высшего командования было обусловлено военным характером проникновения в данный регион, отсутствием надлежащих коммуникаций, постоянной угрозой гражданскому населению со стороны кочевников.

Говоря о русском продвижении на Ишимскую степь, уместно вспомнить, что во времена царствования Александра III всплывали явно тенденциозные взгляды о преимущественном праве русских перед казаками на Ишимскую степь, якобы по той причине, что русские появились здесь ранее казахов. Генерал Катанаев Г.Е. в 1885 г. выступил на заседании Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества с докладом по этому вопросу. Он отстаивал взгляд, что казахи стали продвигаться к северу по реке Ишиму только с начала XVIII, а в особенности движение на север развернулось после разгрома Джунгарии, то есть тогда, когда Новая линия уже была готова. Это мнение, отрицало пребывание казахов в более ранний период в Ишимской степи. Оно было направлено против преобладания казахского населения над русским в регионе. Г.Е. Катанаев опасался за будущее экономическое положение русского крестьянства и казачества. По его замечанию, степное русское население давно жаловалось на то, что «орда одолела» [194, л. 15-17].

Появление таких точек зрения оправдывало завоевательный характер военного продвижения в регионе и это не случайно, потому что отвечало имперским геополитическим целям.

Но вместе с тем существовали иные взгляды на данный аспект проблемы, даже в среде самого казачества. Так, депутат I Государственной Думы России, потомственный уральский казак Т.И. Седельников в своей работе «Борьба за землю в киргизской степи» отмечает, что со второй половины XVIII столетия после строительства новых крепостей, началось усиленное наступательное движение на киргизскую степь со стороны казаков [195, с. 20].

Существование таких точек зрения нашло отклик и в трудах казахской интеллигенции начала XX в. Алихан Букейханов пишет, что после строительства Горькой линии началась усиленная колонизация края военным населением и постепенное расширение русских границ на юг и вглубь степей [2, с. 53]. С болью и остротой реагировал на огораживание родных земель крепостными линиями известный поэт и общественный деятель уроженец Северного Казахстана М. Дулатов.

Қазағым, жерің қайда ата мекен?

Қазақ болғалы мекен еткен.

Хазірде бәріңізді қуып шығып,

Орнына қоршау салып орыс жеткен [196, б. 30].

Было бы неправильно представлять, что Новая линия, как говорилось в официальной мотивировке, ее строительство создавалась только для «лучшего защищения Сибирской границы». Как и другие военные линии, она преследовала, прежде всего, цели захвата новых территорий.

С проведением Новой линии от казахов отторгались огромные степные пространства. Новая линия была проведена намного южнее старой. Местами относ линии на новое место доходил до 200 верст. Только в районе Иртыша линия была проведена на 50 верст южнее прежних форпостов на самое близкое расстояние от них.

Одним из значительных последствий стала потеря земель, приводившая к нарушению традиционных маршрутов кочевания коренного населения, что, в конечном итоге, приводило к социально-экономическому упадку казахской общины. Казахские племена оказались в кольце, хотя и в огромном, как кажется на первый взгляд, пространственном отношении, но таком, откуда им некуда было податься в поисках лучших пастбищ, не вступив в военные столкновения с недружелюбными соседями.

И весьма кстати, северное русское полукольцо (река Урал, Уйская и Новая линия – Иртыш), по мысли И.И. Неплюева, должно было стать и отправной базой для дальнейшего наступления на степь.

Таким образом, строительство Новой линии, начатое в середине XVIII в., послужило переходом к открытой колонизации Российской империей казахских земель.

Итак, политика правительства «медленного вторжения» стало завоеванием, это позволяло держать в экономической зависимости казахов и открывало пути торгово-промышленному капиталу России на Восток, для

решения этой стратегической задачи Россия должна прочно обосноваться изначально в северном регионе. В результате строительства Новой укрепленной линии в Северном Казахстане от казахов Среднего жуза отторгалась значительная территория по линии Звериноголовская – Петропавловск – Омск. Горькая линия значительно выдвинулась сетью укреплений в степь, став плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток.

Исходя из анализа геополитических устремлений России в восточном направлении, объяснялась растущими потребностями развивающейся империи, становлением рыночных отношений. Метрополия проводила в новых колониях политику по постепенному включению региона в состав единого русского государства. Изначальным фактором была позиция военного присутствия в крае, которая определяла внешнеполитические, социально-экономические векторы развития взаимоотношений с соседями. Это служило определенным сдерживающим фактором для противовеса устремлениям других, соперничающих крупных государственных образований, претендующих на доминирование в крае. Это, прежде всего, касалось интересов Китая и Британской империи.

В первой половине XVIII в. Российская империя проводила интенсивную политику в казахстанском направлении, что привело к вовлечению Казахстана в орбиту интересов и сфер влияния России.

Уже, с середины XVIII столетия, на территории казахских жузов выстроились четко проложенные военные линии крепостей. Они простирались от Волжско-Каспийского региона по Южному Уралу, Западной Сибири, Зауралья и вверх по Иртышу на Алтай, тем самым, показывая соседям серьезность намерений в крае. Сеть военных укреплений пролегла по землям Младшего и Среднего жузов. Она, кроме военно-оборонительных задач, решала попутно политические, социально-экономические задачи, в ходе реализации которых шло поглощение новых территорий. Это, бесспорно меняло социально-территориальную характеристику региона для превращения края в военно-опорные пункты империи для дальнейшего продвижения на Восток.

Форсированно возведенные новые линии, в частности Новоишимская (Горькая) стали отправной базой в регионе.

## **2.2 Строительство Новой линии в 1830-х годы**

К началу XIX в. взаимоотношения между увеличивающимся русским населением на Оренбургской линии и казахами, кочевавшими в этом регионе, складывались крайне сложно и противоречиво. Анализируя данные пограничных происшествий, мы приходим к выводу, что основной причиной столкновений был земельный вопрос. Казахские племена жагалбайлинцев, кыпшаков, аргынов, кереев, проживавшие на территории Северного Казахстана лишились традиционных районов кочевания из-за строительства возведенной Оренбургской линии. Последовавшие затем земельные ограничения для кочевого населения, например отвод земель 15 верстной полосы по Оренбургской линии казачеству, неизбежно приводил к столкновениям. Уместно заметить, что царизм ловко использовал и такую сторону, как

столкновения кочевников между собой. Особенно часты были целенаправленные столкновения башкир, калмыков на казахов. На Оренбургской линии к началу XIX в. подавляющее число проживавших башкирских и калмыцких племен уже состояло на иррегулярной службе России. Во время таких конфликтов наносился немалый ущерб обеим сторонам.

Дальнейшее военное закрепление по Оренбургской линии и выдвижение форпостов в казахскую степь наблюдается в период управления Оренбургским краем генералом Эсеном Г.К. (1817-1830 гг.). На участке от Троицкой до Орской крепостей постоянно снаряжались специальные военные отряды для контроля и разведки за передвижениями казахов. Архивные данные пестрят донесениями с разных участков по линии Орск-Троицк о казахских племенах, о мерах предпринимаемыми военным командованием против кочевников.

Не случайно именно этому участку степи Орск-Троицк уделялось такое значительное внимание. Ведь именно на этом участке направления Оренбургская линия искусственно разделяла кочевья казахов и башкир. Российское правительство не было заинтересовано в объединении близких народов, в мирном сосуществовании их на этой территории. Это не входило в их планы.

В 1811 г. было решено приступить к постройке так называемой Новоилецкой Линии. В обнаруженных архивных материалах мы находим документы на имя губернатора В.А. Волконского о необходимости возведения здесь на расстоянии 130 верст 6-ти форпостов «на заселение оных определить в каждой не меньше 50, во все шесть 300 семей». 23-го сентября 1811г. был проведен обзор Илецкой дороги. В результате которых были учереждены форпосты: Изобильный, Новоилецкий, Озерный и Затонный. На всех форпостах были построены укрепления в виде рвов с насыпью, а для иррегулярных войск построенные из хвороста сараи и конюшни. Для зимы были устроены 12 землянок. Из Илецкого городка сюда было направлено 48 казаков для поселения [197, л. 46-49]. О важности этих мероприятий свидетельствуют следующие документы. 16 декабря 1811г. на имя военного министра Барклая де Толли доложил Оренбургский губернатор князь В.А. Волконский [197, л. 50]. Создание этой Линии было осуществлено несколько позже, в начале 20-х годов. В результате богатые водой и пастбищами земли между Илеком и Уралом были отторгнуты у казахов Младшего жуза.

Вопрос о пересмотре пограничной линии не раз находился на разных уровнях. В этих целях военные власти проводят разведывательные рейды, снаряжают экспедиции. Интересен проект заселения Троицкого уезда, граничащий с казахскими землями, титулярного советника земского исправника Троицкого округа Вязмитина от 21 июля 1804 г. на имя Оренбургского генерал-губернатора В.А. Волконского. Он предложил для укрепления границы поселить на этой территории около 25 тысяч поселян, «Находя земли эти для человеческого продовольствия и избытка избылиющие...к обороне и приграде от набегов киргизцев необходимо

нужнейше сие пространство сделать внутри России» [198, л. 2-2об.]. Отсюда мы видим, какую роль придавали российские чиновники нашему региону.

Проектируемая Новая линия, протянувшаяся почти прямой линией между крепостями Орской и Троицкой, отторгала значительную часть казахских земель. На этих пространствах кочевали племена кыпчаков и жагайбайлы. Накануне их выселения коллежский регистратор Андреев писал: «На земле, находящейся между старою и новою Линиями два рода киргизов, а именно Кипчакский и Джагалбайлинский, числом около 12000 кибиток, пользуются лугами и имеют свои постоянные зимовки. Ныне по случаю назначения начальством этой земли для заселения казаками Оренбургского казачьего войска необходимо возрождается вопрос: куда поместить киргизов, находящихся в этом районе... Обозрев все пространства, лежащие между старою и новою Линиями, и посетив по возможности аулы, лежащие на моем пути, я усмотрел, что землю эту можно называть наилучшим участком всей киргизской степи, на коем уже с давнего времени вышеупомянутые киргизы имели свое пребывание, как на удобнейшем для своих зимовок и тебеневки. Они не верят, чтобы начальство, отняв у них эту землю, не назначило им другую, равно удобную» [199, л. 13-15]. Из этого рапорты мы видим, что участок будущей линии был уже давно заселен и он был наиболее благоприятным для кочевания.

Имелся проект перенесения линии до реки Тобол, предложенный П.П.Сухтеленым. Он предлагал выдвинуть линию дальше в степь, отодвигая от Оренбурга к северу и далее к центру Казахстана, тем самым, решая важные стратегические задачи присоединения [200, л. 32].

Тем не менее, было ясно – без серьезного укрепления границ с казахской степью здесь не обойтись. Для сравнения достаточно обратить внимание на карты XVIII и XIX вв. Мы видим, что в военно-стратегическом отношении для России, особенно слабым звеном в укреплениях был участок от Орской до Троицкой крепости, вдававшийся клином в территорию Оренбургской области со стороны казахов Северного Казахстана. Для сравнения обратим внимание на карту Оренбургской линии XVIIIв. и карту Троицкого уезда (Приложение А, Е).

Этот вопрос о необходимости пересмотра конфигурации пограничной линии поднимался администрацией края неоднократно, но только в 1835-1843 гг. идея П.П. Сухтелена приобрела реальные очертания. По его проекту перенос пограничной линии был одобрен правительством. Но из-за его внезапной смерти практическое осуществление проекта было возложено на В.А.Перовского. Хотя территория являлась собственностью России, но перенос линии вел за собой некоторые стеснения для кочевавших в этом районе казахских родов. План предусматривал проведение пограничной линии напрямую от Орска до Троицкой крепости через места летних кочевок жагалбайлинцев, кыпчаков, аргынов и некоторых других родов. Этот проект существенно сокращал протяженность линий, что в свою очередь требовало гораздо меньших затрат для содержания размещавшихся на ней войск. Кроме того, наиболее уязвимый участок линии по реке Урал прикрывался в таком

случае двумя цепочками укреплений – старой и новой, а образованное между ними межлинейное пространство могло быть использовано для наделения землей казачьих семейств из внутренних кантонов.

Теперь мы видим, что в таком случае, Оренбургское казачье войско получало дополнительный участок степи. Тем более, что Высочайшим Указом в 1832 г. земли на расстоянии 15-ти верст от линии, передавались в пользование казачьего войска. Конечно, при осуществлении проекта военным властям приходилось учитывать возможные противодействия со стороны казахских родов по причине потери пастбищных земель, затруднительных условий кочевания, всевозможных ограничений в выпасе. Но несмотря на это, была создана специальная комиссия по этому вопросу.

Непосредственно выработкой плана переноса пограничной линии занимался созданный военным губернатором местный комитет в составе высших чинов края. К началу 1834 г. комитет представил выработанные рекомендации, на основе которых В.А. Перовский подготовил обширный доклад Николаю I.

С прибытием генерала В.А. Перовского казаки внутренних станиц составили предмет его особого обсуждения. Он предлагал в виду государственной обороны границы переселить казаков из внутренних станиц на линейные станицы и образовать здесь военные поселения. Для этой цели В.А. Перовский предложил «отмежевать огромный участок в казахской степи от крепости Орской вверх по реке Ори и Кумаку до станиц на реке Уй, а в это пространство заселить казаков, крестьян из губернии России и солдатами четырех батальонов» [160, с. 110].

Мотивируя необходимость предполагаемых мер по усилению Оренбургской линии, В.А.Перовский отмечал, что «пространство новой линии так обширно, что о постоянном заселении ее думать нельзя иначе, как сиповедь, в течение нескольких лет, поэтому в первую очередь необходимо занять фланги линии постоянными полевыми укреплениями» [201, л. 30]. С этой целью на проектируемой линии планировалось построить 5 полевых укреплений, а между ними по 3 редута и несколько пикетов для летней стражи. Новые укрепления предполагалось заселить постоянными гарнизонами – пехотой и казаками с таким расчетом, чтобы они одновременно являлись их жителями и защитниками.

Для укреплений комитет определил следующие места: 1-е укрепление (Императорское)- в 84-х верстах от крепости Орской на реке Жусе; 2-е (Наслединское) - в 82-х верстах от первого на реке Бирсуат, у впадения в нее речки Каймы-Сасыкубы; 3-е (Константиновское) – в 75-ти верстах от второго, у слияния речек Камышлы-Аят и Муке-Аят; 4-е (Николаевское) – на месте слияния Большого Аята с Карталы-Аятом; 5-е (Михайловское) – на реке Тогызак (ныне на территории современной Костанайской области), вблизи караванного пути. При этом предполагалось 1,2 и 5 укрепления основать и заселить в течение весны и лета 1835 г. «В промежутках между этими тремя укреплениями, - писал В.А. Перовский, - намечалось построить, с одной стороны - 6, а с другой – 3 редута и кроме того 12 пикетов» [202, л. 7].

Предложения В.А.Перовского обсуждались в Азиатском комитете министерства иностранных дел, в Военном и Министерстве финансов и, в конечном итоге, были утверждены Николаем I 5-го марта 1835г [200, л. 38, 41, 76]. Весной 1835 г. для определения мест под полевые укрепления из Орской крепости выступил специальный геодезический отряд численностью 256 человек, а вслед еще две команды полковника Жемчужникова и войскового старшины Симагина с задачей начать строительные работы в соответствии с проектом. Им вменялось в обязанность строительство оборонительных сооружений, помещений для кордонной стражи и жилья для переселенцев. В состав отрядов вошли чины Оренбургского и Уральского казачьих войск, военные топографы и инженеры 35-й военно-рабочей роты, 14-й Оренбургской гарнизонной артиллерийской бригады, а так же 2086 обер-офицеров, урядников и нижних чинов от иррегулярных войск башкир и мещеряков. «Башкир и мещеряков использовать преимущественно на земляных работах, - отмечалось в инструкции командира корпуса, - а на казаков возлагается рубка леса и изготовление местного материала. Вообще все чины свободные от сторожевой службы должны обращаться на работы по назначению господ инженерных офицеров» [203, л. 287].

По резолюции Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского на заведение Новой линии выделялось 250 тысяч рублей [200, л. 76]. Однако, деньги были представлены не полностью, а поступали по частям, по мере накопления, так как линия строилась в основном на средства от кибиточного сбора. Так, по нашим расчетам из архивных материалов мы высчитали, что на сентябрь 1835г. было выделено только 33307 рублей 43,75 копейки вместо предполагаемых 50000 тысяч рублей [200, л. 41]. И в дальнейшем, все расходы на строительство линий покрывались за счет сбора от казахов.

Работая с личными рукописями и дневниками Г.Ф. Генса, мы обнаружили следующие интересные факты. Одновременно с выходом строительных отрядов, 23 мая 1835 г. из Ильинской крепости в ставку султана Юсупа Нуралиева выехал председатель Пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф.Генс. Совместно с султаном-правителем Г.Ф. Генс объехал все аулы от Орской до Звериноголовской крепости, объясняя старшинам и аксакалам цель занятия Новой линии. «Лично объехал и осмотрел выбранные под линейные поселения места». В ходе поездок старшинам родов было роздано несколько десятков сабель, пистолетов и других подарков, а наиболее уважаемым и авторитетным аксакалам – медали на Анненской ленте [204, л. 33-47]. Этой поездкой Г.Ф. Генс пытался расположить к себе родоправителей перед застройкой линии.

В течение лета 1835 г. без особых сложностей и столкновений с кочевниками отрядам удалось возвести фортификационные сооружения, казармы и часть домов в укреплениях Императорском, Наслединском и Михайловском. В частности, укрепление Михайловское и близлежащие 2 фортпоста (ныне находящиеся на территории современной Костанайской области) были построены отрядом под командованием войскового старшины Симагина. Причем, в архивных материалах содержится информация о том, что

последний сумел установить контакт с главой кыпшакского рода Матеном Читановым, который был использован в качестве проводника, за что был награжден «5 аршинами красного сукна по 12 рублей и 10 аршинами золотого галуна по 2 рубля» [200, л. 38; 41, 76].

Строительные работы продолжались и зимой, пока сильные степные бураны не перекрыли дороги. Но еще в июне военный губернатор доносил графу Чернышеву о том, что: «оба крыла новой линии заняты согласно Высочайше утвержденному предположению: кроме трех укреплений на левом фланге сделано 5 редутов и 10 пикетов... укрепления сделаны лучше и надежнее, чем где-либо на старой линии» [200, л. 22-24].

За 1835г. были построены Императорская, Наследницкая и Михайловская крепости и 9 редутов. По данным А.Ф.Рязанова из Орска было направлено 228 оренбургских и 229 уральских казаков, также были наряжены регулярные войска в количестве 2158 человек, 766 башкир, 546 мешар. Их силами были построены 23 казачьи станицы [205, с. 26].

Исследования А.Ф. Рязанова, изданные еще в 1926г., мы можем дополнить новыми архивными материалами. В Императорскую, Наследницкую и Михайловскую крепости были поселены 1950 человек: 1300 башкир, 550 оренбургских казаков и 100 тептяр, которые вели строительные работы. Дополнительно к этому из Башкирии были наряжены 1250 башкир с 250 подводками, для рытья вала [200, л. 93]. Интересно отметить, что станицы располагались в шахматном порядке, поселения башкир и мишар чередовались с казачьими станицами. И это неслучайно, царская колониальная администрация и здесь предусматривала недопущения по объединению степных народов. Перемеживая их земли, казаки несли военный надзор над ними, находясь среди коренного населения.

Сооружение пограничных укреплений продолжалось и в следующем, 1836 г. Для этой цели из Кизильской крепости был дополнительно направлен отряд войскового старшины Нагашева в составе 12 офицеров, 30 урядников и 1103 казаков. В случае нападения казахов или попыток угона скота Нагашеву разрешалось «употреблять силу оружия и преследовать их до выручки людей и отбития скота» [204, л. 46].

К октябрю 1836 г. были возведены укрепления Николаевское и Константиновское, а также 11 отрядов (станец) в 15-верстной приграничной полосе и проложена вдоль нее полевая дорога. Военно-строительным отрядом войскового старшины Нагашева в укреплениях были построены 2 казармы для 50 человек кордонной стражи каждая, помещения для офицеров и больных (лазареты), сарай для хранения артиллерийских орудий. К 1 января 1838 г. в 9-ти прилинейных станицах: Анненской, Ольгинской, Георгиевской, Еленинской, Владимирской, Александровской, Алексеевской, Софийской и Натальинской было возведено 24 казармы, 5 лазаретов и фельдшерских пунктов, 877 жилых дома и 266 домов находилось в стадии постройки [206, с. 38].

В этих станицах были поселены солдаты расформированных линейных батальонов вместе с семьями из Орской, Кизильской, Верхнеуральской и Троицкой крепостей, также уральские казаки и башкиры. На 1-ое января 1839г.



в этих 28 селениях было 1929 душ мужского пола [207, с. 102]. Размещая на Новой линии, даже демобилизованных военнослужащих, царская администрация сохраняла военный характер, даже и в гражданских поселениях. И этим самым, усиливая свой надзор, чтобы в случаях столкновений с казаками использовать вчерашних солдат.

На Новой линии укрепленные пункты находились на расстоянии друг от друга от 10 до 20 верст. Плотность поселений была чаще чем на Горькой линии второй половины XVIIIв. На наш взгляд, это определяется тем фактом, что царизм планировал окончательно отторгнуть Северный Казахстан к первой трети XIXв у казахского населения.

Здесь постоянно несли службу отряды иррегулярных войск, часть из которых находилась на передовых постах, а остальная часть в укреплениях. Для удобства управления участок от крепости Озерной до Звериноголовской был поделен на 8 дистанций. По штату в зимнее время с 16 ноября по 18 мая требовалось 1057 человек, из которых 8 офицеров, 36 урядников, 1013 башкир и казаков. В летнее время это число увеличивалось за счет резерва и доходило до 6151-го, из которых 125 офицеров, 213 урядников, 5813 казаков, башкир, мещеряков и калмык [206, с. 38].

Обосновывая предложения по усилению Новой пограничной линии, командир отдельного Оренбургского корпуса В.А.Перовский писал военному министру графу Чернышову о необходимости проведения границы вдоль рек и по возвышенностям с тем, чтобы в удобных местах устраивать так называемым симовые линии из ивовых прутьев. Все станицы и селения размещавшиеся в прилинейной полосе, должны были в обязательном порядке обнесены рвом и валом, а по всей линии установлены сторожевые вышки – маяки и редуты. При каждом маяке днем предполагалось выставлять пикет из 3-5 казаков, а для проверки симов высылать из станиц и укреплений конные разъезды из казаков и башкир. Вместе с тем, В.А.Перовский отдавал себе отчет в том, что предполагаемые им меры не могут считаться исчерпывающими и достаточно эффективными « Порубежные речки, мелки. Линия мало населена, - писал он в Оренбург в январе 1836г., - укрепления и станицы довольно еще редки и выдвинуты в степь на весьма значительное от старой линии расстояние. Словом ни что не удерживает кайсаков переходить свободно взад и вперед, по произволу отгонять скот и грабить жителей на внутренней стороне новой линии [203, л. 192].

Оренбургская администрация старалась всячески во время возведения укреплений на границе, удешевить стоимость строительных работ. Работая с рукописным фондом генерал-майора И.В. Чернова, мы обнаружили «фантастический» проект В.А. Перовского, который предлагал на всем протяжении Новой линии вырыть ров. Очевидец тех событий И.В. Чернов замечает абсурдность идеи своего губернатора, о нереальности выполнения такого объема работ в тех условиях [208, с. 94]. Но все же В.А.Перовский сумел продвинуть свой проект о возведении рва и вала. По его предложению ежегодно направлялось 4 рабочих отряда по 500 человек в каждом и планировалось в течение 6-ти лет завершить работы. При этом, установив

дневную плату землекопам 15 копеек в день с учетом прочих расходов, строительство 400-верстного рва и вала для казны могло обойтись в 220000 рублей [203, л. 193].

Основная тяжесть работ по строительству «непрерывного рва и вала» легла на плечи команд от Башкирского и Мещерякского войск и податного населения 17-ти кантонов губернии. Возведение инженерных заграждений началось от отряда Новоорского и велось отнюдь не теми темпами, на которые рассчитывал В.А. Перовский, отмечавший в своем докладе в Петербург, что имеющимися в его распоряжении силами возможно соорудить в год до 60 верст укреплений. В действительности же за 2 года работы удалось проложить ров и вал только на протяжении 43 верст, израсходовав 112096 рублей, после чего его строительство прекратилось – настолько сказалась вся неэффективность его прокладки – кочевники без особого труда преодолевали эти незатейливые сооружения. Особенно абсурдными воспринимаются эти расходы по сравнению с фактическими затратами на строительство укреплений и станиц, которые оказались намного ниже запланированной суммы. Для выполнения всех тяжелых работ и возведения оборонительных сооружений вокруг поселений, подвозки строительных материалов на Новую линию на собственных лошадях и с подводами привлекались башкиры, татары-мещеряки и казаки. Оплата их труда обходилась в 3-4 раза дешевле, чем при частном подряде и, кроме того, казна практически не несла никаких расходов по их содержанию во время нахождения в Новолинейном районе. В записках И.В. Чернова прослеживается его наблюдения о казнокрадстве. Строительство укреплений Новой линии и станиц в 15-верстной от нее полосе, обошлось государству всего в 107864 рубля [208, л. 223].

Подробное описание расходов на строительство укреплений мы приводим ниже, так по нашим расчетам, составленных на основе «Записки о употреблении в расходе деньгах и ассигнованиях на расходы по переносу Оренбургской линии в Киргизскую степи [200, л. 222-223].

1835г. – 38625 руб. 43  $\frac{3}{4}$  коп.

1836г. – 49238 руб. 88  $\frac{1}{4}$  коп.

1837г. – 10000 руб.

1838г. – 10000 руб.

Итого: 107 864 руб. 32 коп.

Такие относительно невысокие расходы на строительство укреплений Новой линии были обусловлены их инженерными особенностями, поскольку они с самого начала планировались не как военные крепости с гарнизонами регулярных войск, как было на Горькой линии, а как военные казачьи поселения. Как выглядели построенные укрепления? В отличие от Горькой укрепления Новой линии были менее укреплены. Это объясняется тем, что уже в первой трети XIXв. царизм в военном отношении здесь настолько закрепился, что новые линии не требовали таких сильных укреплений. Обычно они обносились рвами, возводился вал, посередине которого находились ворота. В крупных станицах были церкви (Наследницкая, Николаевская), вокруг которых были каменные башни с бойницами. Строительство таких поселений было

вызвано тем, что Новая линия рассматривалась правительством как плацдарм для молниеносного броска на Хиву и Коканд. Новая линия выполняла скорее не пограничные, а внутренние, полицейские и карательные функции. В «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» в томе XVIII мы находим подтверждение этого. Так, генерал-майор И.В. Чернов писал, что «... для наказания виновных посылались в степь военные отряды из казаков, иногда с артиллерией и даже пехотой, посаженной на лошадей», которые проводили карательные операции в отношении казахов: «Отряды наши громили, попадавшиеся на пути аулы, угоняли весь скот и уничтожали всякое имущество, иногда и совершенно невинных людей...» [208, с. 108].

Выполнение подобных функций требовало гетерогенности по составу и военной подготовленности населения объясняет второе отличие колонизации Новой линии от Горькой: перевод всего населения в казачье сословие. Об этом мы остановимся в третьей главе исследования.

Проведенная реорганизация Оренбургского казачьего войска и зачисление в казаки солдат линейных батальонов, ставропольских калмыков, белопахотных солдат и малолеток привело к его усилению и превращению в одно из наиболее крупных казачьих войск России. С 40-х годов XIX в. Оренбургское войско стало выставлять на внешнюю и внутреннюю службу 20 отдельных частей. Значительно увеличилась и численность войскового населения, проживавшего в 98 станицах и отрядах, 49 выселковых, 68 хуторах и 4 зимовках. В 1837 г. численность населения Оренбургского казачьего войска увеличилась на 5743 человека, в 1840 г. – 40384, в 1844 г.- 10605. За два г. (1845-1846 гг.) в войсковое сословие поступило еще 15209 человек, включая естественный прирост населения [88, с. 104-106].

Наличие мощного военизированного района в северном регионе Казахстана быстро сказалось на темпах колонизации остальной части казахских земель. Свидетельством этого служит появление в течение четырех лет (1843-1847гг.) таких крупных форпостов как Аман-Карагайское укрепление (Кушмурун) и Оренбургское (Тургай), (ныне эти поселения находятся на территории Костанайской области). Назначение новых укреплений состояло в контроле за ситуацией в степи, в подавлении восстания казахов (в это время шло восстание под предводительством Кенесары Касымова) и создании базы для последующих военных походов. Их гарнизоны составили солдаты и офицеры регулярных войск.

Укрепление Аман-Карагайское было основано в 1843 г. на границе областей сибирских и оренбургских киргиз. Строительство проводил отряд 2-ой роты 3-его линейного Сибирского батальона. Укрепление имело вид правильного четырехугольника с 4 бастиянами, с земляным валом и рвом. В гарнизоне имелось для обороны 1 орудие, отряд насчитывал 178 человек (133 солдата для производства работ и несения службы, 6 артиллеристов, 39 конвойных казаков. Штаб-квартира находилась в Пресногорьковской крепости [209, л. 46-47]. Внутри укрепления находились: бревенчатая оборонительная казарма с 39 бойницами на северо-восточном фланге, казарма с 25 бойницами на северо-западном фланге, кухня, офицерский дом, провиантский магазин и

сарай [209, л. 43-44]. В результате строительства укрепления Аман-Карагайской кочевавшиеся здесь казахи были вынуждены отойти к тургайским озерам [210, л. 1-8].

Строительство Оренбургского (Тургай) укрепления началось в 1845 г. на основании Указа императора. Летом этого же года была проведена, в основном, только регонсценировка местности капитаном Рыльцовым и поручиком Гертом [211, л. 5], а уже следующим летом были проведены основные строительные работы укрепления, где в качестве регулярных войск несли службу 150 казаков [211, л. 200]. В 1849 г. в Тургай было переселено 10 семей казаков из станиц Оренбургской линии, туда прибыло с детьми 84 челов [212, л. 149-150]. Из архивных источников мы выявили, что казаки не горели желанием ехать в Тургайскую степь. Тогда приказом майора Михальского было назначено, что в каждой из 10 станиц: Кичигинская, Ключевская, Крутоярская, Эткульская, Еманжилинская, Верхнеуевельская, Полетаевская, Кременкульская, Домодеревенская по жребию определяется одна семья для направления в новое укрепление в степи. Так, по жребию попали семьи следующих: Василия Старикова, Петра Костылева, Петра Токарева, Дорофея Смолина, Ивана Боровского, Петра Казанцева, Андрея Синицина, Сергея Рябинова, Петра Денисова, Емельяна Костылева. Причем, всем этим переселенцам был выдан необходимый инвентарь: ведра, мотыги, окна, рамы, ремни, чугуны, лен, сито. Так же было выдано денежное пособие на каждую семью по 21 рублю 66,6 копеек [212, л. 143]. Основание укрепления вызвало недовольство местного населения [211, л. 314]. Поэтому власти для усиления гарнизона создали подвижной резерв из 220 солдат [211, л. 200].

Вновь построенные форпосты были хорошо укреплены, а сеть проложенных коммуникаций обеспечивала мобильность войск и безопасность сообщений с Новой и Горькой линиями.

Итак, в первой трети XIX в. царизм активно продолжил военное продвижение на территорию Северного Казахстана. Это продвижение было хорошо подготовлено реформами и реорганизациями войск Оренбургской губернии и Оренбургского казачества. В результате чего была увеличена численность армии. Таким образом, мы видим, что в первой половине XIX в. на территории Северного Казахстана сформировалась мощная военно-колониальная система. Главным инструментом этой политики служили армия и казачьи войска, наделяемые государством льготами и привилегиями, землями за счет захвата колоний.

Дальнейшее планомерное наступление и закрепление в Северном Казахстане военно - колониальной системы привело к потере значительных казахских земель, нарушились традиционные маршруты кочевания. Царским правительством у коренных жителей региона изымались земли под казачьи станицы. Сложность миграции кочевников в какой-то мере была связана с наличием казачьих поселений.

Работая в Оренбургском архиве, мы обнаружили интересное письмо на имя начальника Оренбургского укрепления от бия Аргынского рода Шегена Мусина: «нашими кочевьями были земли по Тоболу, Тогузаку и Аяту, в

каковых местах устроены укрепления, и кочевать по этим местам нам тесно, нам нету никакой привольности...птице безопасно и привольно в небе..., нам не осталось для летнего кочевья светлых озер и для зимовок камышей; от стеснений мы не можем проводить жизнь...» [211, л. 314-316]. Из письма видно, что казахи были оттеснены от Тобола до Тургая (Оренбургского укрепления), на месте их поселений были выстроены военные укрепления, что привело к недостатку пастбищ. Что интересно, потомки этого рода до сих пор проживают в Тургайском регионе, ныне Жангельдинский район Костанайской области.

Превращая Казахстан в аграрный придаток России, все земли, расположенные к западу от этой Линии, более 10000 кв. километров, изымались из пользования казахов [72, с. 128]. В 1811 г. казахское население потеряло 600 тыс. десятин земель в пространстве рек Урала, Илека, Куралы и Бердянки. В 1830-х годах в пользу Оренбургского войска было отторгнуто 4,5 млн. десятин, при строительстве Новой линии казахские аулы были выдворены в степь в глубину на 200 верст и более. В конце 1840-х годов в связи с строительством военных укреплений Оренбургское (Тургай) и Уральское (Иргиз) было изъято 100 тыс.десятин земли [213]. Казахское население подлежало выселению из этих районов. Большинство родов лишилось плодородных земель.

Возведение Новой линии затронуло важно жизненные интересы казахского народа, нарушив их территориальную обособленность и лишило его пастбищ, подорвав основы животноводческого хозяйства.

Таким образом, благодаря решительным мероприятиям правительства по массовому переводу населения Новолинейного района в казаки и выселению неказачьего элемента (отказавшихся перейти крестьян и казахов) удалось создать цельную (имеется в виду, что земли Оренбургского войска не разрывались черезполосицами государственной и крестьянской запашки) территорию с почти однородным военно-казачьим населением, которое к середине XIX в. насчитывало 44 тыс [88, с. 118]. Отторжение у казахских родов 4,5 млн. десятин [72, с. 128] плодородной земли и их военно-казачья колонизации изменили демографическую ситуацию в пользу русского населения, причем, преимущественно военного, которое к середине XIX в. по нашим расчетам составило 61,1%. и почти в два раза превышало коренное население.

Следует отметить что Новая линия в отличии Горькой больше решала не пограничные функции, а контролирующие и карательные, так как к тому времени ситуация в степи требовала усмирения казахов, а внешнеполитические интересы России были нацелены на Среднюю Азию.

В этот период в северном регионе Казахстана была сформирована мощная военно-колониальная система. К тому же передача управления Новой линией казахьему командованию, независимому от губернской администрации, фактически превратила Новолинейный район в военный округ, который мог служить плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток.

Итак, начиная с середины XVIII в. по 30-40-е годы XIX в., территория Северного Казахстана была опоясана с трех сторон новыми крепостными сооружениями. Тем самым претворялся в жизнь стратегический план военного продвижения в степь «сплошной линией крепостей» по замыслу оренбургского губернатора И.И. Неплюева.

Новоишимская (Горькая) линия значительно продвинула позиции России со стороны Западной Сибири на 200 верст на протяжении от Троицка до Омска. Новооренбургская линия аналогично распространила и укрепила сферы воздействия на Северный Казахстан со стороны Южного Урала, на протяжении от Орска до Троицка. Эти рубежи фактически предопределили в будущем границы двух ныне суверенных государств.

Новые крепостные линии решали несколько стратегических и тактических задач:

- защитно-оборонительные. Этого требовали внешнеполитические условия, связанные с текущей ситуацией Джунгарии и Китая, а в перспективе и во взаимоотношениях с Британской империей;

- административно-контролирующие. Через линии осуществлялось управление, регулирование ситуации не только в данном регионе, но и на территории племен Младшего и Среднего жузов;

- социальные. Эти линии стали районами интенсивного заселения военно-казачьим и крестьянским сословиями, запретительными мерами с земель отселялись казахи, менялась демографическая картина. Увеличилось количество населенных пунктов в основном военного характера;

- экономические. Через линии осуществлялась официальная торговля с Казахстаном, Китаем, Средней Азией. За этот период значительно возрос товарооборот, что приносило доходы в государственную казну. Создание линий способствовало расширению территории общероссийского рынка.

В целом, все это отвечало геополитическим интересам империи. И как позднее подчеркивали военный министр Д. Милютин и министр иностранных дел А. Горчаков, в записке на имя Александра II «ввиду необъятного пространства Киргизской степи, увлекаешься мыслью, что в поступательном движении России к Юго-Востоку есть определенный закон, неподчиняющийся человеческим соображениям, и что, мы неминуемо рано или поздно должны будем занять все. Действительно, русские владения в Средней Азии получили бы естественные рубежи, а именно, к Тянь-Шаньскому хребту и Кызылкумским пескам.» [135, с. 519].

### **3 ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНА В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

#### **3.1 Характер военно-политических мероприятий по закреплению российской власти на территории Северного Казахстана**

Устремления России исходили из реального превосходства империи над сопредельными народами в организации государственного аппарата и армии, мобилизации человеческих ресурсов (гражданская и военная колонизация). Нарождающейся российской промышленности требовались рынки для производимых товаров, желательно с монополией на их продажу, расширение источников сырья и возможностей для капиталовложений, поэтому продвижение России на Восток являлось следствием экономического развития и становления как империи.

Для сопредельных народов же присоединение к Российской империи имело ряд положительных моментов: активизировался процесс их включения из внутриконтинентального пространства в мировое; сохранилось этническое единство казахского народа в рамках одной политической системы.

Вместе с тем, включение Казахстана в состав Российской империи изначально носило военный характер, обусловивший факторы и методы колонизации.

Однако, в XVIII веке Россия еще не была настолько сильна как империя, чтобы колонизировать северный регион Казахстана только военными методами. Содержание военных линий и развитие соответствующей инфраструктуры требовали значительных средств и большей мобильности. Эти особенности определили характер отношений колониальных властей с «инородцами».

Чтобы оправдать политику завоевания имперская доктрина давала крайне негативную характеристику народа. Давая описание жизни казахов, государственные деятели, начиная с Петра I, губернаторы и чиновники, ученые и путешественники и просто обыватели не скупались на отрицательные эпитеты: «разбойники», «хищники», «коварные азиатцы», «народ сей ветрен и легкомыслен», «эти зверонравные люди», «живут в праздности и ленности», «казахи обыкновенно переходят границы для грабежа, по природе своей являются хитрыми» и тому подобное.

Появление таких этнопсихологических характеристик народа, характерно для периода государств, которые вступают в фазу экспансии чужих территорий. В истории войн, военных походов и захватов, военная слава в обществе занимает значительное место. Героями становятся конкистадоры, пираты, ставшие адмиралами Британской империи, казаки-ушкуйники, приговоренные государством к смертной казни, а затем ставшие великими первооткрывателями Сибири. Все эти образы показывали величие империи в период колониальной истории. Покоряемые же народы выглядели через призму имперских интересов в глазах простых граждан, как варвары, чужеземцы, инородцы, замкнутыми общностями, находящимися вне цивилизации. Для них является благом

открытие, покорение, завоевание, включение, вхождение, присоединение. Отсюда неслучайно появление цивилизаторских теорий несущих зло, пусть даже с благими намерениями. Современный российский учебник по истории для 10-11 классов сохранил эти идеи. «Вся история России – это непрерывный затянувшийся на многие века процесс расширения географического пространства. Такой путь можно назвать экстенсивным: Россия постоянно сталкивалась с проблемой освоения новых земель по мере своего продвижения на восток. Учитывая тяжелые географические и климатические условия, низкую плотность населения, сделать это «разбегающееся пространство» цивилизованным было очень сложной задачей» [214, с. 275].

Подобные идеи столь живучи на протяжении длительного времени, современные граждане зачастую не задумываются о природе и характере появления таких этнопсихологических характеристик и эти штампы переносятся через ресурсы государственно-административной власти в быт, в умы, в общественное сознание. Это касается и современной казахстанской историографии, где процесс колонизации территории Казахстана рассматривается не всегда объективно и зачастую искажаются исторические факты, на основе которых может идеализироваться и мифологизироваться этот сложный и противоречивый процесс.

Возвращаясь к отрицательным этнопсихологическим характеристикам, следует отметить, что подобное отношение к кочевникам, и в частности к казахам, было результатом предвзятого отношения со степью и неприятия чужого образа жизни. Отрицательные этнопсихологические характеристики выступали также как оружие идеологической войны, орудие внешней политики для выработки стратегической линии и определения тактики отношений с казахами, а также оправдывали саму необходимость воздействия военных методов (отметим, отнюдь, не всегда гуманных, цивилизованных способов).

Положение, сложившееся в северном регионе Казахстана, особенно после возведения в 1752 г. Новоишимской (Горькой) линии, создало условия для дальнейшего продвижения России в степь, в рамках осуществления стратегического плана выхода на Восток, «сплошной линией военных укреплений», как определил курс наступления оренбургский губернатор И.И.Неплюев. По этому плану предусматривалось военное окружение казахских жузов со стороны Западной Сибири и Урала путем продвижения военных укрепленных линий вглубь территории и постепенного наращивания здесь воинских частей и казачества. Несомненно, военный фактор играл решающую роль в колонизации новых просторов и определил векторы политики в степи. Однако, вести наступление на степь, посредством одних военных мер, не всегда было целесообразно. На этом этапе русско-казахских отношений царизм придавал немаловажное значение установлению и упрочению связи с казахской знатью, от лояльности которой зависели темпы военной, а затем и гражданской колонизации. Привлечение на свою сторону казахской знати стало одним из направлений в деятельности военных властей в отношениях со степью.



Надо отметить и встречное направление самих родоправителей и султанов вступить в подданство России. Это было вызвано их политическими интересами, чтобы с помощью российской протекции и русского военного присутствия в регионе, привести под свою власть большую часть родоплеменных объединений и возвыситься над остальными, а также заручиться военной поддержкой перед внешнеполитическими угрозами.

В стержне российской политики, в отношении присоединяемых народов, были методы социальной ассимиляции. Казахская знать не лишалась своего привилегированного положения, сохраняла власть, веру и т.д., а со временем поступала на российскую службу и получала дополнительные льготы в обмен на отказ от самостоятельности.

Надо отметить, что военное начальство рассматривало вопросы религии очень тонко и искусно и старалось сохранить мусульманскую религию среди казахов. Царизм, вторгаясь в степь, соблюдал веротерпимость, не запрещал религию казахов, полагая этим привлечь их на свою сторону. Это всегда находилось под постоянным наблюдением официальных властей. Примером тому могут служить такие законодательные акты, как: «О переведении иног крещенных мурз и татар в другие селения, для разлучения их от последователей Магаметанского закона» от 2 августа 1770г.; «О дозволении подданным Магаметанского закона избирать самим у себя ахунов» от 28 января 1783г.; «О разделении степи на 3 части, о построении городов и мечетей» от 3 июня 1786.; «О снабжении киргиз-кайсаков потребным числом мул» от 21 апреля 1787г.; «О порядке отправления магометанских иманов для предварительного испытания в знании религиозных обязанностей»; «О том, чтобы магометан подвергать за преступления телесному наказанию» 25 января 1882г. и т.п [113, с. 32].

Глава русской церкви в Западной Сибири, епископ Тобольский Варлаам, в 1770г. намеревался направить к казахам Среднего жуза миссионеров, но командир корпуса по секрету указал ему мотивы, по которым этого не разрешалось делать [190, л. 48]. Власти делали некоторые поощрения исламу. Так «высочайшим» указом от 8 июля 1782г. из государственного казначейства было отпущено 20 тысяч рублей на строительство четырех мечетей на границах Уфимского наместничества и Тобольской губернии [215, л. 124]. Одна из этих мечетей была построена в Петропавловской крепости в 1794г [216, л. 1-3; 5-7].

Российская политика по отношению к знати действовала, прежде всего, через традиционные восточные институты взаимоотношений: подарки, титулование, аманатство. В этом плане показательно действовал российский посол А.И. Тевкелев, знаток восточной культуры, дипломатии, психологии и традиций. Например, председатель Пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф.Генс. совместно с султаном-правителем объехал все аулы от Орской до Звериноголовской крепости, объясняя старшинам и аксакалам цель занятия Новой линии [204, л. 33-47]. Этой поездкой Г.Ф. Генс пытался расположить к себе родоправителей перед застройкой линии.

Искусным дипломатом в этом отношении был оренбургский губернатор И.И.Неплюев. Он наставлял военных и чиновников администрации как поступать с казахами. В своей деятельности он поставил задачу полного

подчинения казахских правителей и пришел к убеждению, что в казахском народе «между прочими особенно главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может» [134, с. 401].

По существу, военное продвижение в Казахстан осуществлялось на основе предложений И.И. Неплюева. Вот что он рекомендует командиру Сибирского корпуса И.И. Крафту по поводу казахов, прикочевавших зимой к Горькой линии: «киргизы легкие и проворные на лошадях... к тому же они прикочевали с женами и детьми и со всем скотом, а тому наипаче зимою робки. Им никакой обиды не чинить, а с доброю ласкою обходитца и не зачинать первыми вооруженною рукой отпора» [217, л. 32-33]. Рекомендованная «добрая ласка» была одним из инструментов колониальной политики по налаживанию отношений с казахской знатью. Здесь использовались подарки, угощения, оказывались различные услуги, на которые шел царизм, если была на то выгода.

Каждый новый командир корпуса, вступая в должность, спешил отправить в степь султанам и старшинам подарки. Некоторым представителям казахской знати подарки посылались систематически, по несколько раз в год, например, Аблаю, султану Жолбарсу и др. У Новой линии кочевали Атыгайский, Караульский, Уаковский и Керейский роды Среднего жуза, старшины которых, прежде всего и одаривались. Так, в 1761 г. было отправлено Аблаю – «муки пшеничной 16 пудов, ржаной 230 пудов, крупы 22 пуда, пуд гороха, курица да петух, бахча чаю, фунт табаку, чугунный котел, на кафтан сукна василькового 7 аршин и 2 лисьих меха; Кулсаре батыру – муки пшеничной 10 пудов, ржаной 82 пуда, круп 10 пудов, 15 кирд сена, лисий мех, кирпичный чай; Куляке батыру – муки ржаной 82 пуда, крупы 10 пудов, лисий мех; Байжигит – мурзе – сукна на кафтан 7 аршин, сани с хомутом и другою, 4 пуда крупы, 21 пуд муки, лисий мех» [218, л. 267-273].

Кроме того, некоторые представители знати получали годовое жалование. Аблай с 1752г. 300 рублей, Кулсара – 100 рублей. Жене Аблая посылались особые подарки «бахча байховского чая, голова сахара и румяна» [219, л. 43-44.].

Командир корпуса ходатайствовал об отпуске средств на «потчивание приезжающих в крепость старшин по склонности их к горячему вину». С 1764 г. на их угощение из государственного казначейства стали отпускать 1000 рублей в год [220, л. 162-163].

Однако, нельзя сказать, что линейное начальство отличалось большой щедростью и изрядно одаривало казахов. Наоборот, на этот счет предполагалось быть весьма экономными. Когда из Петропавловской крепости Аблаю была послана в подарок телега с хомутом и другим снаряжением, командир корпуса сделал следующее внушение начальнику крепости подполковнику Тюменеву: «Но впредь вашему высокоблагородию рекомендую – ежели от него Аблай-салтана и от прочих киргиских старшин для таких же небольших требованей, кто присланы будут, в таком случае, буде дальнего казенного убытку не требует, на здешних линиях самим и справить можно, то во удовольстве по их прозьбам, вместо подарка, отдавать заспособно

признаваетца... А лутче б то таковым иногда частым требованием и всего того миновать» [176, л. 278-279]. Такими методами власти регулировали степень взаимоотношений с родоправителями в зависимости от ситуации.

Царские чиновники широко использовали традиционную для казахов практику обмена подарками, которая воспринималась последними, как символ дружеских отношений. Ярким примером этого является письмо Аблаю от оренбургского генерал-губернатора И.И.Неплюева и М.А.Тевкелева в январе 1758 г.: «двух лошадей от вас посланных мы получили и соудовольствием приняли. Напротив того, и мы в знак нашей к вам дружбы с вышеупомянутыми вашими людьми посылаем вам на кафтан сукна кармазинного 5 аршин, на полукофтанье штофу 10 аршин и на шапку черную лисицу, в коже запечанья, и тех ваших людей удовольствовав, отпустили» [221, с. 195].

Не менее распространенным методом влияния на представителей казахской знати было признание за ними традиционных титулов и званий. Основными атрибутами данного способа выступали соответствующие рангу подарки, специальные указы и грамоты, специально наряженные посольства, процедура присвоения титула. Применялся он, прежде всего, для поддержания фигуры, наиболее перспективной и выгодной для проведения российской политики. Так, Кульсары, батыр Атыгайского рода Среднего жуза, получил за верную службу титул тархана, что освобождало его и его потомков от всех налогов. В письме к командиру корпуса Деколонгу он сообщал о себе: «И с самого того времени, и по самой той моей присяжной должности служу верно и без обложности» [222, л. 557-558]. Этот же титул был присвоен известному батыру Жанибеку. Ханские титулы были пожалованы в свое время Аблаю и его сыну Уали.

Сибирская администрация и военное командование пристально наблюдали за деятельностью правителя Среднего жуза Аблай султана. Никто на Сибирских линиях не привлекал к себе такого внимания как Аблай. В глазах властей привлечение Аблая на свою сторону означало наложение опеки на весь Средний жуз. Если с большинством родоправителей отношения были более жесткими, то с Аблаем отношения были иные, его остерегались, не верили его заверениям, следили за ним и в то же время всячески пытались привлечь на свою сторону. Вовлечение Аблая в орбиту российской политики активизируется по инициативе И.И. Неплюева. Ярким примером тому служит посольство К. Миллера в Джунгарию для освобождения его из плена. Принятие присяги Абулмамбетом и Аблаем, отнюдь, еще не означало, что подданство было окончательно закреплено. По просьбе Аблая для казахов Среднего жуза Неплюевым был разрешен меновой торг в Троицкой крепости. И.И. Неплюев полагал, что развитие торговли будет способствовать проникновению интересов в глубь степей.

После построения Новоишимской линии взаимоотношения с Аблаем чаще поддерживались через линейное начальство. Это объясняется тем, что кочевья Среднего жуза были ближе к Сибирским линиям, чем к оренбургским. Официально от имени властей к Аблаю были направлены, а точнее,

приставлены писари, совмещавшие обязанности агентов. Через них шла постоянная переписка с Аблаем.

В архивах Омска достаточно много документов подтверждающих это. Так, толмач Арапов возвратившись в сентября 1758г. из Среднего жуза доносил «Аблай салтан в прошлом году китайскому хану подлинно себя подданным объявил... И хотя де знатные старшины его Аблая от того подданства отвращали, но он не склонялся... Об оной его в китайскую сторону преданности и сам он Аблай, наконец, ему Арапову открылся, токмо с таким изъяснением якобы он все то делал поневоле, будучив малолюдствии окружен со всех сторон от китайского войска, без чего де из рук их избавитца ему было никак невозможно. А от России де он никогда не отстанет и том здесь именно ему Арапову объявить велел...» [223, л. 311].

Из текста письма становится ясно, что колониальные власти внимательно наблюдали за Аблаем и, несмотря на факт китайского протектората над Средним жузом из Коллегии иностранных дел в Оренбург, была дана инструкция, что с Аблаем надо считаться и во всем ему покровительствовать, хотя ему не доверяли.

После избрания в 1771 г. Аблая ханом в России на перемену титула Аблая посмотрели как на дерзость. Приведем еще один редкий, ранее неизвестный документ. В рескрипте на имя Оренбургского Губернатора Рейнсдорфа сообщалось: «известно, что он с некоторого времени стал называть себя ханом, не сказав по ныне сдешнюю сторону, каким образом достиг до сего звания и достоинства... Он же, по-видимому, не признает однако же и нужды, несмотря на свою от нашей империи зависимость, иметь монаршее наше подтверждение на сие вновь приобретенное им звание...» [224, л. 71]. Из содержания письма мы выясняем, что официальные власти не признают его ханом, не позволяют ему самостоятельности и выказывают недовольство. Но, несмотря на это, Коллегия иностранных дел решила дать Аблаю носимое им ханское достоинство. Поэтому неслучайно Аблай, после его избрания в 1771 г. ханом всех казахов, отказался от принятия присяги в качестве хана только Среднего жуза, поскольку это могло подорвать его авторитет и усилить его политических соперников. Позиция Аблая четко прослеживается в его письме оренбургскому губернатору генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу. Он отказывается явиться в Оренбург под предлогом, что эта крепость относится к другой губернии «я кроме сей Петропавловской крепости с вами видеться не соглашусь». Далее в письме чувствуется насмешка-ирония: «я вас не требую чтобы вы приехали в мою Орду и во оной имели со мною свидание». Аблай твердо говорит о самостоятельности: «моя же область хотя и малая, но только по разсуждению моему, конечно, быть может против трех ваших губерний. Почему хотя она и мала, токма в ней есть я главной начальник, и кроме меня главного в моей области нет, а впротчем всевышнему известно. Итак, когда уже называюсь я главным начальником, то потому мне туда ехать одному за изрядное я не почитаю» [225, л. 229-230] (Приложение Ж).

После отказа Аблая принять жалованную грамоту и знаки ханского достоинства и в Оренбурге и Петропавловске линейные власти Западной

Сибири и Оренбурга начали готовить заговор против Аблая, вплоть до его убийства [225, л. 229-230]. И если личность хана не устраивала царские власти, то ставка делалась на его политического соперника, которому предлагались титул и полномочия. Например, султан Абулфеиз должен был, по замыслу оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа и сибирского Н.Г.Огарева сменить хана Аблая... Пользуясь сей ненавистью не можно будет их или других подобных им, по сведениям вашему, соперникам ему Аблай-хану поставить и на случай здешней нужды предуготовить...». Далее генерал предлагает в случае необходимости «здешним войскам против него употребленным быть» [224, л. 86-88].

В таких случаях царская администрация не останавливалась даже перед устранением неугодных ханов. Военная администрация почувствовала, что Аблай ускользает из поля зрения, что его независимое поведение идет наперекор интересам царизма.

Так, в Омском архиве нами обнаружены многочисленные документы, подтверждающие малоизвестный факт подготовки заговора с целью устранения Аблай-хана. В частности, из переписки сибирских и оренбургских властей Н.Г.Огарев предлагает И.А. Рейнсдорпу поступить с Аблай-ханом жестче, что видно из его письма от 22 февраля 1780 г.: «Аблай-хан довольно уже доказал против российской стороны грубым... и взять онаго к задержанию в России, чрез что и оставшей бы ево народ мог совсем приттить в лутчее послушание...». (Приложение К) [226, л. 85-89].

Из приведенной переписки явно видны намерения изолировать и выдать Аблая российским властям. К 1781 г. колониальная администрация планировала устранить непокорного хана. Но после получения известия о смерти Аблая (А.Ш. кстати, инициатор устранения Аблая И.А. Рейнсдорп умер 3 февраля 1781г.) временно исполнявший обязанности И.А. Рейнсдорпа, князь Хвабулов писал Н.Г. Огареву о необходимости вмешательства во внутреннюю жизнь Среднего жуза, об утверждении его новым ханом российской администрацией. «Итак, когда уже ваше превосходительство достаточное ко уверению о смерти Аблай хана известии получили, то и к выбору на мест его другога приступить должно по точному предписанию Высочайшего рескрипта.» Далее по тексту письма мы выясняем, что следует избрать такого хана «способного в лутшему управлению Ордою и спокойному их пользе служащему пребыванию, на точном обряде, как и Меньшой Орды хан в сие достоинство от Всероссийской империи возведен выбрали ханы по общему согласию человека достойного, порядочного и к правлению благонадежного. И кого изберут, о том, по зависимости всей Орды отдана подданству Всероссийскому скипетру.» [224, л. 71].

Из этого предложения мы выясняем, что после смерти непокорного Аблая, российская администрация считала возможным юридически закрепить свой протекторат над Средним жузом, как в случае с Нуралы ханом.

Признавая за казахской знатью их традиционные титулы, царское правительство между тем стремилось официально оформить их принятие в российское подданство. Его инструментом являлось принятие присяги и

проведение церемонии вручения знаков ханской власти. Так, 1 ноября 1782 г. в Петропавловской крепости состоялось торжественное возведение Уали в ханы Среднего жуза [134, с. 394].

По замыслу строителей, новый хан должен был убедиться, что значит подданство России. Установка И.И.Неплюева была приведена в действие. «Дабы киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей воле или по одной народной воле, но с высочайшего соизволения и подтверждения, зане будет то знаком прямого подданства» [134, с. 420]. По этому принципу действовали и в последующем. «...то таких в тех чинах не признавать и ханского титула не давать, дондеже они по порядку себе испросят. Да и тот, который указом ханом определен будет, такого от народа определенного не иначе как всегда за самозванца будет признавать, чрез что сей их непристойный поступок сам собою из обычая выйдет» [225, л. 396-397].

Такие «дружественные» договоры приводили к признанию права решающего голоса за более сильным партнером, и, фактически такая клятва была первым шагом официального признания своей зависимости.

Еще одним способом привлечения казахской знати на сторону колониальных властей служили награды под которыми подразумевался широкий спектр поощрений, льгот.

Ярким примером использования данного способа являются отношения администрации с Кульсарой. Командование получало через него полезные сведения и всячески придерживало его около себя. В случае появления Кулсары в какой-либо крепости, приказывалось содержать его на казенном довольствии, «доколе он пробудет». Разные просьбы Кулсары, по возможности, удовлетворялись. В 1757 г. и в последующие годы Кулсаре разрешалось кочевать вблизи крепостей и редутов, даже внутри линии, что категорически запрещалось для других казахов. Командир корпуса особо отмечал, что «перепуск табунов за линию» только допустим для Кулсары [227, л. 336-337].

Однажды Кулсара высказал желание «построить себе дом и жить как русские» [193, л. 60-61]. Об этом сообщили в Коллегию иностранных дел и оттуда последовал указ о построении домов для Кулсары и Аблая. В 1762 г. в кочевье Кулсары послали плотническую команду из 15-и человек. Любопытно, что команда была направлена не только с инструментами, но «с ружьями, порохом и свинцом». [218, л. 437-438]. Такая предосторожность мотивировалась недоверием к казахам. Дом построили на Ишиме, неподалеку от Гагарьего редута. Выстроили дом и для Аблая у урочища Кокшетау [228, л. 29]. Это были первые деревянные дома русского образца у казахов в Северном Казахстане.

Кулсара пользовался исключительным правом получения назад выбегающих от него на линию пленников. Обычно бежавших пленников крестили, после чего, они уже ни под каким видом не подлежали возвращению в степь. Пленников же Кулсары командиром корпуса было «велено не допускать до крещения и возвращать обратно». Кулсара присылал списки беглых пленников, и по ним они и возвращались. В случае настойчивого желания со стороны самих пленников принять крещение, они должны были

быть допрошены о своем намерении в присутствии доверительных лиц Кулсары. И если они и в такой обстановке подтверждали свое желание креститься, то только тогда их не возвращали, а отдавали обратно лишь лошадей, на которых они приехали и скраб. Подобная прерогатива Кулсары отмечалась в распоряжении командира корпуса, как только одному ему присущая [176, л. 465-466].

Тесное сближение между командованием и Кулсарой заходило слишком далеко. В 1769 г. во время усобицы между улусами старшины Младшего жуза Булатом и Кулсары, последний просил прислать ему на помощь 300 русских солдат. Даже после смерти Кулсары в 1779 г., Коллегия иностранных дел рекомендовала давать подарки на сумму 100 рублей в год его сыну Кулебаки за заслуги отца [229, л. 507].

Линейные власти в политике применяли не только пряники, но и кнут. Отказом же в предоставлении льгот колониальная администрация выражала свое недовольство деятельностью неугодных правителей. Например, Аблайхану не было разрешено кочевать внутри линии военных укреплений. Этим царское правительство давало понять Аблаю, что неодобряет его самостоятельную политику.

Не менее важным средством колониальной политики в отношении с казахской знатью был институт аманатства. Это был способ регулирования отношений. Правители в знак примирения обменивались своими детьми на время или навсегда. Человек, отдавший сына на «воспитание» стремился предотвратить новые конфликты и гарантировать тем самым жизнь родному сыну. При дворе сюзерена могли воспитываться несколько наследников разных правителей. Они, как правило, становились преданными сторонниками, а над сомневающимися осуществлялся контроль. Институт аманатства на примере отношений казахов с российской империей изучал А.Б.Сабырханов, составивший таблицу аманатов Младшего жуза в России [230].

Русская дипломатия начала использовать институт аманатства под влиянием культуры с периода Золотой Орды. Наиболее успешно и продолжительно институт аманатства использовался в отношении с ханом Младшего жуза Абулхаиром и его наследниками. Сразу же после подписании указа А.И. Тевкелеву предписывалось добиться согласия хана на содержание в России поочередно его сыновей надеясь, что казахи «в верности себя содержать будут» [134, с. 195]. Аманаты становились гарантией верности правителя. Чтобы привлечь казахских родоправителей первоначально Россия за содержание аманатов в крепостях разрешала родоправителям возможность сбывать скот на русских рынках, а также разрешала кочевать вдоль линии. Это был способ удержать родоправителей в глазах общественности.

Институт аманатства по примеру Младшего жуза был принят и в Среднем жузе, начиная с середины XVIII в. Однако, Ж.К.Касымбаев, утверждает, что во второй половине XVIII в. «институт аманатства постепенно исчерпал себя и не играл той роли, которая была присуща ему в 30-50 годы XVIII в.» [231, с. 124].

Но архивные документы Оренбурга и Омска свидетельствуют о том, что даже в 60-80 годы XVIII в. в аманатах находились дети почти всех влиятельных

людей Младшего и Среднего жуза, в том числе и Аблай-хана. Например, в Оренбургском архиве содержится переписка Аблай-хана с комендантом Троицкой крепости фон Шраубергом, из которой выясняется, что в декабре 1769 г. два ханских сына были направлены аманатами. Причем, документы, связанные с аманатством, находятся в деле «Об охране Оренбургской Пограничной линии от киргиз-кайсацких набегов», что позволяет нам сделать вывод о том, что колониальная администрация считала его важным рычагом сдерживания кочевников [232, л. 142-147; 181, 336].

Казахские правители также стремились использовать институт аманатства для решения своих политических задач. Ярким примером этого является отношение к аманатству хана Аблая. Рассматривая институт аманатства как традиционную форму международного соглашения, он стремился добиться выгодных условий. В частности, в 1769 г. Аблай писал оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу следующее об условиях содержания сыновей: «... для (прославления) перед друзьями и врагами, чтобы мой сын в звании генерала был, когда он приедет (к вам), то пусть увидит благословенное (и) приятное лицо ее величества государыни, а также пусть местом пребывания его будет крепость Кызыл-Иар в Тобольской губернии... А обмен моих сыновей (атаманов) производили бы через два или три г., причем тот обмен осуществлялся бы по моему выбору... И чтобы каждый направляющийся (в аманаты) мой сын увидел благословенное государево лицо. (Если же) мой сын долго пробудет (в аманатах), то пусть он будет видеть (государево лицо) раз в три г.... А еще при моих детях находилось десять знатных людей из Среднего жуза» [134, с. 692-693].

В предложениях хана Аблая прослеживается желание обеспечить сыновьям почетные условия содержания, больше походившие на службу. Желание Аблая отправить сыновей в аманаты в сопровождении нескольких знатных представителей молодого поколения было с благосклонностью принято правительством Екатерины II. По этому поводу в указе Коллегии иностранных дел Оренбургу говорилось: « Со вступления в 1740 г. Средней киргиз-кайсацкой орды в здешнее подданство многия и сильныя подвиги были употреблены к получению от их владельцев аманатов, но тщетно. Сперва такое искательство нужным делала забота, чтоб зенгорские владельцы, которые в тамошней стороне очень усиливались, сих киргиз-кайсак не привели в искушение им поодаться, имев по одинаковому роду своего жития многие способы ими управлять и по своей воле руководствовать. А ныне по истреблении китайцами зенгорцев и по завладении их местами, чем и они зделались соседями киргиз-кайсак...» [134, с. 690].

Поскольку статус султана был ниже статуса хана, сыну Аблая полагалось более низкое содержание. Чтобы не оттолкнуть Аблая, решено было уравнивать права его сына с сыном ханским. В то же время Коллегия рекомендовала Оренбургу не увеличивать однажды определенное содержание. Взамен сыновей Аблай выдвигал ряд требований: главным из которых было получение военной помощи русского правительства – от десятитысячного отряда (сан) (самое большее) и до тысячи или пятисот человек (самое малое). «И чтобы упомянутое



войско (было бы использовано так): против дальних врагов – сан, против ближних – тысяча, а, если враг будет менее значительный, то против моих внутренних врагов – пятьсот, будь то при моей жизни или при жизни моих сыновей» [134, с. 688]. Аблай в это время готовился воевать с Кокандским ханством и киргизами. К тому времени он уже обращался с просьбой о военной помощи к Илийскому генерал-губернатору [134, с. 685], в чем ему было отказано. Более того, в 1760-е гг. Цинские власти предприняли несколько военных набегов на казахов, кочевавших в верховьях Иртыша и Или, а также в Тарбагатае, сгоняя их с зимовок. В связи с этим отношения Среднего жуза с Цинской империей ухудшились.

Также для Аблая было очень важно, чтобы его люди свободно могли ездить в Россию и в крепости, и на рынки: «А еще там, где будут находиться в аманатах мои дети, пусть будет большой базар». Аблай в глазах России хотел навечно юридически оформить эти привилегии специальным документом: «Еще чтобы мне ее величеством государыней была пожалована грамота с текстом и печатью на тарханство моим потомкам. Чтобы ее падишахское величество всех нас считало равными – русских, казахов и прочие народы, и коменданты ваших пограничных крепостей проявляли справедливость и не было бы насилия и притеснения» [233, с. 171].

В 1771 г. Аблай вновь возвратился у вопросу об аманатстве после избрания его ханом всех казахов. И хотя в документах слово «аманат» не упоминается, речь в них идет именно о заложниках. В письме Аблая Екатерине II, отправленном не позже 1776 г. и полученном в феврале 1778 г. [135, с. 95], говорится, что Аблай из своих четырех сыновей отобрал «меньшого, Тугум-солтана, с присовокуплением к нему хороших людей» и отправляет его «для донесения всеподданейшего представления». Далее он сообщает, что стал всеказахским правителем: «Абулхаир и Абулмамет-ханы скончались, которы предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства досталась мне. По кончине их, всех киргиз-кайсацких орд, то есть Большой, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими городами Ташкента и провинции Туркестанской с общего согласия в прошлом 1771 г. в городе Туркестане при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему, прочтя молитву, наименовали меня всех трех киргиз-кайсацких орд ханом, в которое звание и действительно возвели. Однако, хотя и по обыкновению состояния нашего в том звании и нахожусь, только В. и.в. всеподданейше прошу, то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук В. в. за золотою печатью высочайшей грамоты всемилостивейшие подтвердить». И в этом послании Аблай вновь просит, чтобы ему «из находящихся на границах войск... на короткое время давать столько, сколько когда понадобится» [135, с. 88].

И хотя дипломатическая миссия Тугум-султана не увенчалась успехом, поскольку императрица не признала Аблая ханом всех казахов, он отстаивает свое право на самостоятельность и независимость от военных губернаторов: «моя же область хотя и малая, но только по разсуждению моему, конечно, быть может против трех ваших губерний. Почему хотя она и мала, токма в ней есть

я главной начальник, и кроме меня главного в моей области нет, а впрочем всевышнему известно. Итак, когда уже называюсь я главным начальником, то потому мне туда ехать одному за изрядное я не почитаю» [225, л. 229-230]. В связи с этим Аблай перестал отправлять атаманов.

Однако, правители казахских родов, особенно кочующие вдоль линий не могли избежать аманатства. Ежегодные отчеты военных властей, хранящиеся в ЦГА РК, Оренбургском и Омском архивах, содержат подробные списки аманатов на линиях, а также описание условий их жизни в крепостях.

Мы обнаружили интересный документ о том как в каких условиях содержались казахские аманаты. «По всей линии содержатся киргизские арестанты и в том числе аманаты в так называемых состоящих из обыкновенных весьма ветхих деревянных срубов, по прибитии потолком, большую частью без дверных притворов, а местами из плетневых шалашей. Хотя в зимнее время в сих будках содержится огонь, но как от по дурному устройству в удобности и уступают много даже киргизским кибиткам, то постоянное пребывание в них и может быть иначе как весьма вредно здоровью. Донес о сем почтенейше Вашему Высокопревосходительству имею честь представить в благоразумию Ваше не благоугодно ли будет предписать войсковой канцелярии устроить будки деревянных срубов с печами, дверными притворами или таким образом обмазанные глиною, так как по нижней части линии строятся дома, дабы во внутренность их не могла проникать стужа. Инженер-полковник (фамилия неразборчива)» [234, л. 1-1об.].

Как видно из описания, условия содержания аманатов на линии были ужасны, что приводило к высокой смертности. Поэтому родоправители стремились избежать отправления в аманатство своих детей: кто подменял их детьми из бедных семей, кто как Нуралы-хан обещал «усердно служить» [232, л. 340].

Подводя итоги, следует отметить, что институт аманатства являлся формой международного отношения, в котором одна из сторон была более слабым политическим партнером, неравноправность заключалась в том, что слабое независимое или полузависимое государство соглашалось на выдачу заложника на определенный срок. Взамен этого зависимая сторона решала свои проблемы политического или экономического характера.

Надо признать, что сама форма регулирования дипломатических связей через аманатство, показывает относительную самостоятельность, в данном случае, Россия прибегала к нему, как к эффективному способу подчинения. Также слабая сторона, признавая верховенство сильного государства, зачастую подходила к этому формально и не на долгий срок.

Также институт аманатства позволял слабой стороне получить необходимую информацию о своем покровителе (что видно из писем Аблая, когда он отправлял своих сыновей в Троицк и в Петербург). Аманаты содержащиеся на линии, часто помогали для своих соплеменников для решения текущих вопросов, например, торговый обмен. Поэтому, сторона отправлявшая аманатов всегда добивалась того, чтобы была постоянная связь с заложниками.

Аманатство утратило свое значение только к первой трети XIX в., постепенно заменяясь другими формами влияния, прежде всего экономическими. К этому времени после реформ 1820-х годов по отмене ханской власти, как таковая самостоятельность и Младшего и Среднего жузов была ликвидирована.

Уже в конце XVIII в. за перегон скота, за право кочевок внутри линии начали брать не аманатов, а денежную плату: за лошадь – 1 коп., за корову, быка – 1 деньга, за овцу – 1 полушка. Причем, эти деньги в последствии шли на содержание военных линий и строительство новых крепостей [235, л. 1].

Между тем колониальная администрация не доверяла полностью представителям казахской знати, поэтому широко использовался шпионаж за ханами и родопривилегиями.

Выстраиваемая руками казаков и солдат Новоишимская (Горькая) линия значительно укрепляла позиции России в Северном Казахстане. Но подобные мероприятия вызывали интерес у соседей, в первую очередь в Китае. Для проведения разведывательной службы в степи и далее на востоке в канцеляриях Оренбургского губернатора и командира Сибирского корпуса были созданы специальные группы. Агенты этих двух групп зачастую действовали самостоятельно, а между Оренбургом и Омском имелось территориальное разграничение по направлениям деятельности. Оренбургская канцелярия занималась Младшим жузом, Сибирская – Средним и Старшим. Но иногда, по особо важным поручениям оренбургские разведчики появлялись и в Среднем жузе, тогда как Сибирская канцелярия в этих вопросах в дела Младшего жуза не вмешивалась.

Сибирская разведка располагала достаточными кадрами шпионов, не всегда отвечающие всем требованиям, но нужными в той или иной ситуации, и полученная от них информация была полезна и использовалась колониальными властями. Одним из требований к разведчику было знание казахского или татарского языка, многие из военных, чиновников и казаков свободно владели языками. Кадры подбирались из среды татарских и русских купцов, русского офицерства, служилых татар и казахской знати. Чтобы не вызвать подозрений, информаторы были хорошо знакомы в степи, они были знатоками местных обычаев и церемоний, владели многими навыками восточной дипломатии, имели богатый опыт общения со всеми проживающими в регионе народами. Как правило, это были люди грамотные, о чём свидетельствуют их многочисленные отчёты, донесения, рапорты и письма в архивах Омска и Оренбурга.

Разведчик перед отправлением в степь получал необходимые специальные инструкции. Примером может служить текст секретной записки командира корпуса Веймарка купцу Алиму Шихову перед отправкой его в степь в 1761 г.: «В дружестве ль Аблай-салтан с китайцами состоит ... Где ныне Аблай-салтан кочует... Не имеет ли Аблай-салтан в муке и протчей провизии какой надобности... Возвратился ль до китайской земли Юлбарис-салтан и давно ль, и что им тамо разведано или еще и ныне там находитца [236, л. 141-143]. (Приложение Л).

В первую очередь российские власти интересовали сведения о внутренних делах и казахско-китайских отношениях. До разгрома Джунгарского ханства разведчиков интересовали сообщения и об отношениях с калмыками. Так, в 1745 г. направлялся вахмистр Соболев, ему поручалось разведать о казахских правителях: Абулхаир-хане, Абулмамбет-хане, Абылае и Барак-султанах, -» в каком же намерении состоят и одинаково ли намерены быть у Ея Императорского Величества в неперменном подданстве, или которые имеют особливое рассуждение, а паче не склонны ль кто из них к зенгорскому владельцу» [54, с. 75]. Вахмистр Соболев ездил с товаром под видом купца. С ним, как и с ездившим ранее капралом Волковым, были толмачи из служилых татар. Конечно, в степи догадывались о действительных миссиях таких купцов. Это подтверждает распоряжение Абылай-хана. В 1780 г. покидая свои кочевья он заявил, что покуда не возвратится «ни один купец для коммерции в их Орде не будет» [237, л. 15].

Наиболее обстоятельные сведения доставляли кадровые военные. В их отчетах и журналах даётся обстоятельная информация: о кочевьях казахов, о приближениях к границам сопредельных стран, об отношениях между ханами и родоправителями и т.п. Например, весьма подробны сообщения из журнальных записок капитана Г.Лилингрейна о поездке к хану Аблаю [206, с. 96-98]. Интересны сведения переводчика Оренбургской канцелярии Ф.Гордеева, возвратившегося в 1763г. из ставки Аблая [233, с. 170]. Военные власти всячески препятствовали налаживанию казахско-китайских отношений. В Омском архиве нами обнаружен документ «О командировании китайского посла киргиз-кайсацкому Аблай Салтану и о пресечении их дальнейших свиданий с целью разрыва их взаимоотношений» [223, л. 439-440].

Помимо разведчиков - «купцов», посылались шпионы под видом людей, занимающихся звериным промыслом. В 1758 г. под этим предлогом в казахских кочевьях побывал отставной атаман исетских казаков Иван Севастьянов, интересовавшийся джунгарскими и китайскими делами [238, л. 287].

Эти документы свидетельствуют, что китайско-казахские отношения были основным разделом в работе русской разведки.

Следует отметить деятельность разведчика-купца бухарца Алима Шихова, жителя города Тары. Его засылали во многие улусы, поручали следить за действиями других разведчиков. Например, за Кулсары, и одновременно посылали нового разведчика, следившим за самим Шиховым. Так, в 1758г. присматривать за Шиховым был послан казак Куянов. Такой способ слежки – второго за первым и третьего за вторым давала возможность негласно проверять работу разведчиков. Шихову давались весьма солидные поручения, ему предлагались определенные вопросы, на которые он должен был собрать сведения, а также давались указания о характере его поведения в степи.

Подобная же записка была дана и писарю татарину Сафару Салиеву перед отъездом в степь. По возвращении агенты составляли подробнейшие отчёты.

Во избежание подозрений со стороны казахов одни и те же разведчики не засылались подряд, их меняли. В 1762 г. в степь отправили тарского купца

Возмилова. Командир корпуса считал его поездку сообразной тому, что « частые приезды одних Шиховых и Аширова ... подозрительными киргисцам казатца будут». Перед отправкой Возмилова в степь выехал со строительной командой для постройки домов Аблаю и Кулсаре вахмистр Шапошников. Он получил инструкцию: « Внушить им Аблаю – салтану и Кулсаре- батырю, что купец Возмилов особливо тебе знаком и человек состояния доброго. И рекомендуя об нем, просить их, чтоб яко он тебе приятель и весьма в знаемости достоинства знаком, ево в их улусах принимать и содержать порядочным образом и ни до каких обид не допускать, ибо он для них же пользы и удовольствия послан...» [218, л. 455].

Но временные наезды шпионов в степь не давали систематического обозрения происходящего. Нужны были постоянные информаторы.

Колониальная администрация не доверяла полностью представителям казахской знати, поэтому широко использовался шпионаж за ханами и родоправителями. Функции постоянных наблюдателей выполняли приставленные к знатым лицам писари. К Аблаю был придан присланный губернатором Оренбурга И.И. Неплюевым толмач Матвей Арапов, к Кулсаре – сержант Абдулов, к Вали-хану – мещеряцкий сотник Мавлютов. В этой работе особенно отличался Абдулов. Он вел слежку за Кулсарой, который тоже состоял шпионом и попутно дознавался о разных делах. Рапорты Абдулова содержат обстоятельные донесения. По смерти Кулсары Абдулов остался писарем у сына Кулсары – старшины Кулебаки. Вали-хан в 1787 г. просил командира корпуса за хорошее поведение Абдулова и добропорядочное исправление писарской должности, произвести его «выше сержантского чина» [54, с. 67].

Ответственные поручения выполнял толмач М. Арапов. На его обязанности лежала распространение известий, направленных против китайцев и создание неприязненного отношения к ним в стане Аблая. В 1758 г. в Оренбурге стало известно, что к Аблаю направился китайский посол, Оренбургские власти ставят задачу Арапову «...будучи там всевозможные старания употребить, что подлинно выведать зачем оный посол к нему Аблаю послан...» [239, л. 430-436].

Султан Аблай, конечно же, догадывался, что приставленные к нему писари и переводчики, занимаются еще и шпионской деятельностью. Так, обнаруженном нами в Оренбурге, в письме Аблая содержится информация, что он просит И.А. Рейнсдорпа заменить писаря Загипара служащим мещереком Минасыпом или другим муллою Сеит Бурханом [232, л. 336].

Для подготовки и исполнения отдельных приказов в степь направлялись специальные команды. Так, после отказа явиться в Петропавловск за знаками ханского достоинства, за Аблаем был установлен тщательный сбор всех сведений, была дана инструкция о немедленном сообщении при его появлении вблизи линий и принятию мер к задержанию, вплоть до применения силы. Переводчик Мендияр Бекчурин направлялся в Семипалатинск в 1780 г. для сбора сведений о хане Аблае [135, с. 100].

Однако не всегда агенты справлялись со своим поручением. Например, у переводчика Мавлютова сложились неприятные отношения с Вали-ханом. У Вали имелось много русских пленников, и об этом Мавлютов скрывал от начальства. Утаивание информации о пленниках он объяснял тем, что намерение сообщить о них он имел, «но как Вали-хан, а особливо его подвласные устраивали меня ежели я доносить буду, хотели меня убить, чего боясь, я по сие время и молчал». Мавлютов просил отозвать его от Вали-хана, из-за опасения, чтоб ему не учинили «смертного убивства» [240, л. 716].

Осведомителями были также и слугители культа. Интересны сообщения татарского муллы, бывавшего в Среднем жузе у Аблая в 1777г. Ашира Мухамата Зарыпова [135, с. 85-86].

Царизм старался привлечь к разведке и самих казахов. Преданными разведчиками считались Кулсара и Куляка-батыры. Кулсара подробно сообщал: «А ныне Аблай – салтан разослал от себя по всем своим киргизским улусам нарочных, чтоб киргизцы собирались все к нему доброконные и оружейные. И в будущем августе месяце хочет идти с собранным войском войною. А только куда – на Россию или башкирцев, достоверно разведать не мог. А когда действительно узнаю, а кого он пойдет, то того же времени через письмо Вам дам знать... Я же со своими подвластными киргизцами от Аблай – салтана откочевал вдоль по Ишиму, где и нахожусь против крепости Становой... Какая ж и от кого впредь известия или что от кого разведать, то того же часу, Вашему Высокопревосходительству, своим предствалением доносить не примину.» [241, л. 61, 67].

Вместе с тем Кулсара опасался, что о его шпионской деятельности станет известно в степи и просил, чтобы ему за сообщения выдать «для их приласкания и показания как доброжелательство их в рассуждении приемлетца, казенных вещей, каждому на 100 рублей. А выдачу произвести «таким искусным образом, чтоб о том в их Орде разгласитца не могло» [187, л. 216-217]. Для заметания следов своего доносительства, он в некоторых случаях давал неполноценное или даже неверные показания. Так, Кулсара сразу не сообщил об отношениях Аблая с Китаем. Сын Кулсары Кулебак-батыр также привлекался к сбору информации. В 1778 г. он сообщает Сибирской канцелярии об отношениях Абылая с Малой Бухарией [135, с. 94-95].

Но нельзя сказать, что среди казахов вербовка имела большой успех. Даже зарекомендовавшие себя, типа Кулсары, не всегда честно служили царизму и во многие важные дела не посвящали военные власти. Также неудачна была попытка И.И.Неплюева занять в числе информаторов Аблая. Хотя Аблай и обещал вместе с Кулсарой доносить русской стороне о важных происшествиях, но на самом деле, сообщал ей только о том, что не шло во вред его самостоятельной политике.

С целью проверки достоверности информации велось перекрестное наблюдение. Это перекрестная слежка обеспечивала полноту донесений и давала возможность негласно проверять работу агентов.

Все донесения направлялись в канцелярии оренбургского губернатора и командира Сибирского корпуса для анализа и последующей разработки. Надо

отметить, что вся работа Сибирского ведомства по линии разведки была направлена на подготовку мероприятий царизма в степи, постепенного проникновения, а затем и военного закрепления на новых плацдармах. Роль разведки в этом, конечно же, бесспорна.

Для реализации колониальных устремлений военная администрация, чтобы не допустить объединение казахов поощряет междоусобицы, разногласия среди знати: «по здешнему усмотрению и слабейшему разумению весьма сходнее и полезнее... чтобы их между собою согласие не допускать» [217, л. 31-32]. Например, царизм провоцировал недовольство казахской знати Уали-ханом, на которого они жаловались русским властям. Из их жалоб видно, что Уали плохо выполнял свою верноподданническую миссию и оказывал недружелюбие по отношению России. Жалобы на Уали исходили из его соперников, которые претендовали на власть в Среднем жузе. Они настоятельно требовали смещения Уали, грозясь неподчинением ему. Старшина Кулбек писал 30 ноября 1792 г. в Петропавловскую крепость генералу-майору Боулеру, что Уали по вступлении в ханы «начал обращаться со своими подвластными против долгу, присяги и чинимой клятвы. Совсем иначе и нимало не похоже на справедливость обладательной особы... и причиняют тем великий вред недовольно России.» [225, л. 396-397]. В 1795 г. недовольство выразилось в подготовленном Россией «коллективном прошении» султанов и старшин от имени Средней орды, кочевавшей у Горькой линии, об изъятии их из под власти Уали-хана и принятии в непосредственное подчинение России.

Разжигание вражды феодальной знати с ханом – симптом начавшего внутреннего распада Среднего жуза. Царизм в конце XVIII в. поддерживал этот распад, так как в ту пору назревал вопрос ликвидации самостоятельности казахских жузов. Внешне царизм продолжал оказывать внимание Уали. Так, в 1796 г. Уали посылал в Петербург своего сына Бигали – султана, которого щедро наградили, пожаловали чином премьер – майора армии, а Уали прибавили жалованье 600 рублей в год, как получали ханы Малой жуза и на хлеб – 50 руб. на год [242, л. 212-218].

Но за кулисами колониальной политики имелись уже наготове новые проекты, осуществление которых вскоре и началось. Один из таких проектов исходил от командующего Новой линией полковника Шрендера. Так, в рапорте на имя командира корпуса от 10 августа 1794 г., он писал: «Со времени вступления моего в командование в пограничнoстию на ишимской, Тарской и тобольской линиях я усмотрел, что Средней Орды киргис-кайсацкой народ живет в великом между собою волнении и что власть поставленного монаршей рукою хана Вали не в состоянии обуздать буйства их своеволия. Безопасность же вверенных мне линий требует, чтобы все их мятежи и к пользе их самих и к вашему интересу нашего государства были прекращены. Сообразуясь внутренним их обстоятельствам и государственным выгодам, не нахожу лутчаго средства для пресечения сего зла, могущаго вредить и нашим границам, как лаская их своенравию, привлечь в совершенное подданство. Таким образом, чтобы вся Киргизская орда без малейшего кровопролития повиновалась российскому правлению, отчего множественные пользы

проистекают. Из коих главнейшая суть три предмета: 1-е. Известное изобилие в степи металлических мест ощутительных будет для государства приобретением богатых рудников. 2-е. Торговля здешнего краю цветущее получит состояние, когда чрез присоединение Киргизской Орды смежны будут Ташкения, Бухария с некоторыми народами. 3-е. Таковое перенесение границ наших прекратит все возможности к похищению наших людей с линии и облегчит способ возвратить уже похищенных, число которых простирается до несколько тысяч человек. Да и еще многоразличныя пользы произойдут, которыя опознаются в свое время. Таковыя предприятия сколь ни трудны, но с поощрением всеавгустейшей нашей монархии и с пособием вашего высокопревосходительства, некоторая часть трудности исчезнет. И для того представляют в сием оне благовольное рассмотрение особы вашей благоугодно ли будет одобрить мои намерения. Я удостоверяюсь, что следствия начатия оных увенчаются щастливым успехом, на что и буду ожидать решения» [243, л. 26].

Из текста письма мы видим, что подобный проект вполне соответствовал наступательному духу колониальной политики. Ведь полковник Шрендер предлагает закрепить в составе России территорию всего Северного Казахстана ввиду богатства природными ресурсами и выгодами торговли и выдвинуться дальше в степь новыми крепостными линиями.

Такая политическая ситуация благоприятная для проведения полтико-административных реформ сложилась в первой четверти XIX в. Царизм начал проводить реформы именно с территории Северного Казахстана надвигаясь на Центральный, изменяя политико-юридический статус Среднего жуза. Здесь уже достаточно основательно укрепились позиции империи после возведения крепостных линий и появление «Устава о сибирских киргизах» в 1822г. стало закономерным итогом проведенных ранее военно-мобилизационных мероприятий в регионе.

В результате проведенных реформ на территории Северного и части Центрального Казахстана была создана область сибирских киргиз, где были открыты внешние округа, вводилась новая форма правления, в основном в племенах Среднего жуза. Начиная с 1824г. были открыты внешние округа Каркаралинский, Кокшетауский, Аягузский, Акмолинский, Баянаульский, Ушбулакский, Кушмурунский (Аманкарагайский), Атбасарский. В центре каждого округа возводилась крепость силами военно-казачьих отрядов [244, с. 297-321].

Так продолжилось дальнейшее продвижение в степь, «сплошной линией крепостей», как век назад до этого проектировал И.И. Неплюев. Сравнивая и сопоставляя военно-политические мероприятия по воздвижению крепостей и военно-казачьей колонизации, мы можем отметить, что царизм использовал предыдущий опыт строительства Горькой и Новооренбургской линий. Далее за этим последовало переселение крестьян, которых, по аналогии колонизации предыдущих регионов, приписывали к казачьему сословию. Правительство подобным образом проводило политику поощрения переселенцев, но использовала, в основном, принудительные меры по увеличению населения русским элементом в степи.



По проблемам истории Казахстана периода проведения реформ 1822-24 гг. вышло немало исследований в дореволюционной, советской, отечественной и российской историографии, в архивах содержится огромное количество материала. Мы намеренно не стали затрагивать эту часть процесса включения казахских земель в состав России, так как основное внимание мы акцентировали в своем диссертационном исследовании на начальный этап военного продвижения на территорию Северного Казахстана, граничащую с Россией, остановившись на изучении истории возведения военных укреплений Новоишимской и Новооренбургской линий.

Итак, формирование Российской империи и превращение в многонациональную державу отличалось сочетанием вольных акций с дипломатическими контактами и соглашениями с народами сопредельных областей и регионов. В ходе таких контактов вырабатывались определенные формы и принципы взаимоотношений.

Несомненно, военный фактор играл во многом решающую роль в колонизации новых просторов и определял векторы политики в степи. Однако вести наступление на степь посредством одних военных мер не всегда было целесообразно. Поэтому на этом этапе русско-казахских отношений царизм придавал немаловажное значение установлению и упрочению связи с казахской знатью, от лояльности которой зависели темпы военной, а затем и гражданской колонизации. Привлечение на свою сторону казахской знати стало одним из направлений в деятельности военных властей в отношениях со степью. Это показывало народным массам, даже если они недовольны своим правителем, что последних поддерживает русская власть, у которой они могли бы найти защиту и покровительство. Поэтому нужна сбалансированная социальная политика, учитывающая, что у местной верхушки могут быть цели, противоположные интересам России. И по мере дальнейшего укрепления доверия к властям будут созданы основательные условия для упрочения положения в регионе.

Таким образом, расширение функции контроля за политической деятельностью казахской знати, в конечном итоге, подготовило почву для окончательной ликвидации института ханской власти, что позволило царизму укрепиться в регионе. Россия переходила к реализации идеи социальной ассимиляции, которая была разновидностью имперской политики, основанной на римском правиле «разделяй и властвуй». В последующем политика социальной ассимиляции верхушки покоряемых народов служила той твердой основой, на которой строилась российская политика постоянной территориальной экспансии, что позволило российскому правительству не только военной силой и дипломатией подчинить народы, но и административными методами держать их в повиновении.

### **3.2 Военно-казачье и крестьянское заселение и линейная торговля – как условия изменения социально-экономических характеристик региона**

Российское государство было заинтересовано в укреплении военных линий. К этому подталкивали внешнеполитические факторы, связанные с

обострением в середине 50-х годов XVIII в. борьбы за престол в Джунгарии и продвижением Цинской империи в Казахстан. Россия, не имевшая еще к этому времени достаточно военных сил, чтобы противостоять вторжению Китая, вынуждена была предпринимать меры для укрепления военных линий: сюда были направлены дополнительные части, возводились новые защитные сооружения, активно использовались меры дипломатического характера (и с джунгарами, и с Китаем, и непосредственно с султанами и родоправителями). Но, несомненно, весомым аргументом в дальнейшем закреплении в регионе и продвижении на Восток были мероприятия по увеличению воинского контингента. Лишь имея достаточное количество войска, можно было контролировать ситуацию в степи.

К середине XVIII в. на сибирских линиях были размещены Сибирский полк и прибывшие в 1745 г. с С.В.Киндерманом пять драгунских полков. В 1752г. на Новой линии было 3 полка: Луцкий, Вологодский и Слонецкий. Зимой 1753г. на недостроенных укреплениях Новоишимской линии были оставлены только команды, а главные силы перевели в селения, внутрь линии. Летом 1754г. на линии осталось 2 полка Вологодский и Слонецкий, они стояли 3 г. Штаб Вологодского полка находился в Петропавловской крепости, а Слонецкого в Пресногорьковской. В 1756г. произошла передислокация сил, Вологодский полк ушел на Иртыш, а взамен его прибыл Сибирский. Штаб Слонецкого полка перешел в Петропавловскую крепость, а Сибирского – был сперва в Покровской, потом в Лебяжьей. В 1758г. на линии располагались Слонецкий и вновь прибывший Троицкий полк. В 1761г. из России прибыли новые полки и на Новоишимской линии с этого времени разместился Азовский полк. С 1765г. на линии находились Азовский и часть Ревельского полка [245, л. 152-156].

Рассмотрев, из вышеуказанных документов, штатное расписание, мы выявили, что в полку должно было состоять 970 человек, а таковых не было, для их пополнения в полки направлялись нерегулярные команды. Что касается Горькой линии, то из документов можно определить, что здесь было размещено два полка, к которым были приданы нерегулярные команды.

Таблица 2 - Динамика количества войск на Новоишимской линии

Дата	Число регулярного войска	Число нерегулярного войска	Всего
Август 1753г.	2299	279	2578
Сентябрь 1757г.	1555	117	1672
Март 1758г.	1485	268	1753

Из таблицы мы видим, что данного количества для военного обеспечения линии, длиной в 565 верст, было явно недостаточным. Требовались мероприятия по увеличению воинского контингента.

О нехватке войск в крепостях и редутах мы находим подтверждение в донесениях и рапортах на имя командующего линией С.В. Киндермана от местных командиров. Так, в крепостях насчитывалось по 60-80 человек, в редутах по 24-44 человека. Только в тех крепостях, где стояли штабы полков, число войск доходило до 200 – 300 человек [245, л. 152-156]. Обеспечить надлежащий контроль за степной границей, а также быть готовым к военным действиям в больших масштабах, эти войска не могли. С такими силами нельзя было глубоко продвигаться в степь. командование занимало оборонительную позицию и не решалось на активные действия против казахов. Поэтому, исходя из такого малого количества войск, командование ставило поначалу оборонительные задачи и занималось укреплением и обустройством Горькой линии.

Несмотря на быстрые темпы строительства, быт регулярных войск имел крупные недостатки. Например, Петропавловская крепость, мало чем отличавшаяся от других укреплений, казалась для воинских частей лучшей и за размещение в ней шли постоянные споры между штабами полков и команд. Прежде всего, из-за наличия в ней с 1759 г. торговли с казахами, запрещенной по другим укреплениям Новой линии. Потом относительная населенность ее, присутствие в них мастеровых, неограниченные ресурсы питьевой воды, наличие по соседству строевого леса. Так, командир сибирского полка подполковник Маврин обратился к командиру корпуса с просьбой перевести его в штаб из Лебяжьей крепости «в виду ее тесноты и недостаточности построек» в Петропавловскую крепость. Ему было отказано, но он, однако не прекратил своих обращений о переводе [193, л. 78-80]. Подобная настойчивость перед начальством со стороны подчиненного лица диктовалась самой жизнью, так как условия проживания на линии были отяготительны. Командиры частей явно выражали свое неудовольствие перед высшим командованием и просили об улучшении быта. В делах корпусной канцелярии сохранилось множество мелких просьб, касающихся чрезвычайно будничных вопросов, поощрений и прочее.

Войска на линии испытывали множество бед и лишений. Солдатская жизнь здесь была значительно тяжелее, чем в городах. Недостаток питьевой воды, частые заболевания «неизвестной болезнью» (от которой лечили табаком и нашатырем), однообразная пища, изнурительные работы, нелегкая гарнизонная служба изматывали солдат. Наблюдались случаи бегства солдат с линии в степь. Там они жили в работниках у казахской знати, предпочитая этот труд изнурительной линейной службе [54, с. 155].

Линейное офицерство зачастую вымещало досаду на солдатах. Шпицрутены были в большом ходу, и солдат били с жестокостью: за пустяшную провинность давали 2-3 тысячи ударов, за ложный донос на офицера – 6 тысяч ударов. Склоки в офицерской среде, жалобы друг на друга, отсутствие товарищества сопутствовали в буднях службы. Так, например, хорунжий донских казаков Линева сказал поручику Пашкевичу: «Ты де поручик, а я прапорщик, твой брат, офицер такой же». Эта фраза посчиталась за слишком оскорбительной, так как Линева равнял себя с обер-офицером, и командующий

линией просил командира корпуса разрешить высечь Линева «плетьюми нещадно» перед казачьею командою в страх другим» [54, с. 152]. Из данного факта можно видеть, какая пропасть лежала между регулярным и казачьим офицерством.

Обычно, старший офицер, находившийся в Петропавловской крепости, являлся и командующим линией. Офицеры служившие здесь на степной окраине не столько ратовали за службу, сколько старались извлечь личную пользу из пребывания на линии. Высшее начальство не придавало значения жалобам на офицеров со стороны казахов и русских купцов, делая вид, что жалобам не верят, что они несущественны, и оставляя их без расследования. В тех случаях, когда они доходили до Петербурга, сибирское командование старалось оправдать своих подчиненных и брало их под защиту.

Например, плохую славу оставил о себе командующий Новой линией генерал-майор Девиц, прослуживший в Петропавловской крепости около 5 лет (1766-1770гг.) и успевший сделать много злоупотреблений, о чем было известно и в столице. Нами обнаружены интересные факты злоупотребления генерал-майора Девица. Они всплыли в связи с письмом султана Среднего жуза Аблая на имя командира корпуса И.И. Шпрингера, в котором излагались проступки Девица [229, л. 221-223]. Выдвинутые Аблаем обвинения сводились к тому, что Девиц со времени прибытия в Петропавловскую крепость чинил казахам «великие обиды»: во-первых, «одного киргизца из ружья в руку ранили, и оно не могли и по ныне излечить, а принуждены (руку) по плечо отрезать. И другого тем же ружьем ранили в кром и по ныне пуля находица, от чего всегда болен. Да при том еще, захватя 15 человек и били их без милости. Да у них же отняли 40 лошадей»; во-вторых, казахов, приезжающих торговать в Петропавловскую крепость, Девиц бил и отнимал у них товар. Когда Аблай обращался к Девицу с просьбой найти виноватых, то тот ничего не предпринимал. Если же Аблай предлагал отнятые у казахов вещи отыскать и найденное разделить на три части: первая Девицу, а остальные две Аблаю, то вещи вскоре находились. Однако и в дележе найденных вещей Девиц обижал казахов, брал себе большую половину; в-третьих, когда казахи просили Девица о перегоне для пастьбы табунов за линию (на жилую сторону), то перегон разрешался в том случае, если приводили в подарок лошадей. В случае, если посылалась воинская команда для сгона табунов с жилой стороны, то казахов, у которых Девиц брал подарки, не штрафовал и тех же, у кого брал подарки не лично Девиц, а его подчиненные командиры, тех казахов били «немилосердно». Всего за один год Девицем были наказаны 39 казахов и отнято от них 190 лошадей, кроме тех, которые «добровольно подарены» [229, л. 213-214].

Аблай, не дождавшись ответа на свою жалобу от И.И. Шпрингера, направил ее оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу: «...хотя мы напредь сего о сем Омской крепости генералу и представляли, токмо на то от него никакой резолюции не получили, почему уже и Вам о том представить не приминули и уповаем, что Ея Императорского Величества Всемиловитивейшая Государыня, ни одному рабу чинить не велит» [229, л. 431-432]. И.А.

Рейнсдорп просил И.И. Шпрингера «прилежно рассмотреть» жалобу Аблая, и сообщил о ней в Коллегию иностранных дел, где, однако, нашлись заступники генерал-майора Девица. В Указе Коллегии, направленном И.Шпрингеру за подписями графа Панина и князя Голицына, отмечалось, что «здесь совсем веры не подается принесенным от Аблая – салтана на генерала-майора Девица жалобам, как не сходным с его состоянием и знатностью чина». Иначе смотрел на все дело И.А. Рейнсдорп, который отмечал: «Сей Орды киргис-кайсаки сперва приведены в разврат бывшим перед сим на сибирских линиях покойным генерал-майором Девицем разными неприятными с ними его обращениями... по причине чего они киргисцы от того времени при здешних границах злодействуют» [246, л. 156-157]. Таким образом, И.А. Рейнсдорп придавал большое значение злоупотреблениям Девица и считал их причиной казахского брожения в пограничной полосе.

Линейные начальники менялись часто. Интересно отметить, что высшее военное начальство в Сибири в основном были немцами (из 10 командиров Сибирского корпуса 8 были прибалтийские немцы: С.В. Киндерман, И.И. Крафт, И.В. Фрауендорф, Риддер, Веймарн, И.И. Шпрингер, Деколонг, Штрандман и только двое русских Н.Г. Огарев и Горчаков). В Петропавловской крепости за первые 20 лет ее существования сменилось 11 человек. Все это были люди, направленные служить на окраину в степь, за какие-либо проступки или попавшие в опалу, поэтому, не все несли свою службу добросовестно. Например, начальствующий в Петропавловской крепости полковник Лесток (1760г.) занялся торговлей, сделав ее чуть ли не своей монополией. Под разными предлогами он запрещал вести торговлю с казахами российским купцам, не давал им переводчиков. Лесток выменивал у казахов за бесценок лошадей и перепродавал их через подставных лиц для нужд войск.

Другой же начальник Петропавловской крепости генерал-майор Станиславский (1772 – 1773гг.) не пренебрегал мелкими доносами на своих подчиненных. Руководитель земляных работ в крепости инженер подпоручик Замошников, чтобы завершить вовремя работы по устройству крепости требовал необходимого количества людей и лошадей. Станиславский же рабочую силу направил на строительство «генералитетских покоев и бани». О чем Замошников счел нужным сообщить своему начальству. Станиславский же отрицал срыв работ и старался оклеветать Замошникова разными доносами [183, л. 414-416].

Таким образом, положение регулярных войск и их быт проходил в сложных условиях. Для повышения боеспособности линии требовались дополнительные силы. Еще до строительства Новой линии С.В. Киндерман составил ведомость, сколько подлежит на линии иметь войск. Он проектировал 1160 человек регулярного войска и 2152 нерегулярного [164, л. 111-115]. Особенно не доставало количество нерегулярного войска, которых было всего 268 (таблица 2).

В связи с увеличением количества укреплений регулярных войск оказалось недостаточно, поэтому Сибирская администрация нуждалась в дополнительных силах. Однако, средств на содержание даже имеющегося военного контингента

не было. Попытка решить данную проблему за счет прикомандирования на определенный срок отдельных воинских частей (на подкрепление пехоты и драгун с 1758 г. на Горькую и Иртышскую линии направлялись сроком на два г. команды донских и уральских казаков по 1 тыс. человек, а также башкирско-мещеряцкие отряды в 500 человек, сменяемые ежегодно) не дала ощутимых результатов [41, с. 53].

Временные командировки не могли создать постоянного контингента служивых людей и обходились дорого казне. Правительство отменило с 1763 г. командировки уральских и донских казаков. Не удалось сократить финансовые расходы и на содержание войск и введением качественного хлебопашества, которое, по замыслу С.В.Киндермана, должно было обеспечить хлебом пограничные укрепления. На казенные пашни наряжалось по всем линиям 600 крепостных казаков, которым выдавались казенные лошади, волы и земледельческие орудия. Эти казенные обязательные работы отвлекали казаков от своего домоустройства и не принесли выгоды самой казне, так как местный хлеб обходился не дешевле привозного, и после 12-летнего существования казенное хлебопашество в 1764 г. было отменено Сенатом [41, с. 54].

Таким образом, перед правительством России стояла задача укрепить пограничные линии при минимальных финансовых затратах из государственной казны. Решить ее можно было только за счет увеличения казачества.

Основную группу нерегулярных войск составляли городовые казаки. Секретный указ Сената от 7 апреля 1752 г. на имя С.В. Киндермана предлагал: «Для фундаментального на вновь прожектированной линии поселения и расположения в новых крепостях и редутах регулярных и нерегулярных войск, показанная в присланной от него генерал-майора Киндермана в смете, число употреблять из здешних гарнизонных полков и из служивых казаков и татар, откуда способна по общему его генерал-майора с сибирским губернатором рассуждению» [186, л. 277-278а].

Еще в XVIIв. на территории Сибири в крупных крепостных городах несли службу казаки. Они именовались, как городовые казаки. Казачьи команды между собой были слабо связаны и именовались по местам размещения: Березовский, Иркутский, Керенский, Красноярский, Сургутский, Томский, Тобольский, Тюменский, Якутский и др. Все они входили в разряд городских казаков, находились в ведении Сибирского приказа и на местах руководились казацкими головами, которые назначались воеводами из казачьей среды. Пешие и конные команды составляли гарнизоны и укрепления и выполняли связанные с этим повинности. Это были полувоенные формирования, привлекаемые для несения караульной охранной службы в крепостях на торговых и почтовых разъездах, привлекались для охраны дипломатических миссий, также они могли привлекаться для различного вида работ. Но основными их задачами были: «проведывание новых земель», сбор с местных народностей ясака [247, с. 40-47].

В течение почти всего XVIII в. никаких специальных правительственных мер по развитию сибирского казачества не предпринималось, за исключением

тех, кто служил непосредственно в пограничных укреплениях. Остальные выполняли полицейские функции и из-за длительных отлучек не могли заниматься хозяйством, кроме того, не имея земли, вынуждены были существовать за небольшое жалование. У них сложилась своя структура самоуправления, но были они подчинены военному ведомству.

Их служба протекала в тяжелых условиях, что и сознавало высшее начальство. Вот какую характеристику их положения дал командир корпуса И.В. Фрауендорф в своем рапорте от 4 августа 1778 г. Ф.И.Соймонову: «...онные казаки, яко издали от линий городов, ныне находятся на линиях в отлучении домов своих весьма в дальнем расстоянии, так что иные верст по тысячи и более от тех крепостей, в коих они находятся бессменно лет по пяти, по шести, а иные по десяти и более. И от того их долговременного на линиях бытия и по такому дальнему от домов своих отлучению, платьем и обувью весьма обносились, а у многих и лошади попадали, коих за такую скудость и безодежность не токмо в разезды, но и пешие караулы употреблять не возмодно. Сетавшие же в домах их жены и дети за их отлучкою остаются без всякого призрения и приходят во всесовершенное разорение и нищету. И когда из оных казаков еому случится выйти из службы в отставку, то принуждены будут с женами своими и детьми остаться без всякого пропитания и ходить по миру» [186, л. 277-278а].

Командиры Сибирского корпуса, часто сменявшиеся, все как один склонялись к мнению о необходимости постоянного поселения казаков на линии вместе с их семьями. В таком случае считалось, что они будут терпеть меньше нужды, «со своими домашними будут всегда находится в обществе. И при отправлении своей службы для своей домашней надобности будут размножать хлебопашество и прочую домовую экономию, при которой они при отставке от службы при тех же местах оставаться будут и житьствовать могут» [186, л. 277-278а].

Приводилось в защиту подобного плана и военные соображения: в случае подступа неприятеля войска могут выступить из крепостей для принятия открытого боя, а старые отставные казаки могут встать на место вышедших войск. Кроме того от поселения казаков на линии видели выгоду казне: «егда оные казаки совсем на линиях домами своими заведутся, то тогда ж... при своих домах находящиеся, своим хлебом продовольствовать себя могут. А выдаваемой им до ныне из казны Ея Императорского Величества покупной дорогою ценою провиант, с немалым прибытком оставаться будет в казне. Разве оные казаки, когда командированы будут для поиску неприятеля и в протчие на линиях дальные от домов своих отлучки, то тогда, яко только на одно то время и казенный провиант выдавать будет надобно» [186, л. 277-278а].

Выдвигались невыполнимые проекты переселения казаков на новые линии о чем свидетельствует документы переписки начальствующего состава. Так, И.В. Фрауендорф и его преемник И.И. Шпрингер настаивали на переселении всех казаков их сибирских городов. И.В. Фрауендорф предлагал оставить «только дворян и детей боярских», а казаков с женами и детьми «из тех городов взять и поселить на здешних линиях». И.И. Шпрингер требовал

незамедлительной высылки на линии всех городских казаков. Но эти требования не учитывали особых уловий сибирских городов, поэтому более дальновидные администраторы отвергали эти проекты. Например, Тобольский губернатор Чичерин на ордер И.И. Шпрингера о высылке на линию всех городских казаков деликатно ему отвечал: «... я хотя вполне убежден в справедливости требования вашего превосходительства и неприменно приказал бы его исполнить, если бы не имел в том крайнего затруднения, которое объясняется тем, что ни в одной из городов, еще нет ротных команд, положенных по штату и сформулировать их не из кого. Вследствии чего необходимость указывает задержать казаков на нынешних их местах, как и для городской службы, так и для экстренных командировок до тех пор, пока не учарядятся по городам батальоны и роты и с тем вместе не представится возможность переселить их на линии. Вывести же из городов теперь же тем более неудобно, что некоторые из городов населены исключительно одними лишь казаками» [78, с. 108].

На Новой линии, в основном, находились тюменские, туринские городские казаки и верхотурские служилые казаки. Они отпускались домой только в том случае, если начальство считало, что на линии нет военной опасности. Казаки были обременены работами, так как помимо военной службы, они занимались перевозкой почты и казенным хлебопашеством. Они также стояли целовальниками при казенной торговле.

Итак, привлечение городских казаков было неэффективной мерой, и поэтому, со временем линейная служба городских казаков была заменена службой крепостных казаков.

Крепостное казачество – это новый элемент на линии, первый продукт ее колонизации. Проанализировав по многочисленным документам и исследованиям мы выявили источники формирования этого вида казачества. Состав крепостного казачества (т.е. поселенного при укреплениях) был гетерогенным. Городские и выписные казаки, постепенно осевшие на линии вместе с семьями; отслужившие положенный срок солдаты регулярных и тептярских полков; местные солдатские дети и выкупленные на торгах дети сопредельных кочевых народов; сосланные за бунт в Сибирь запорожцы и направленные на службу донские и яицкие казачьи команды; принявшие христианство башкиры и мещеряки; пленные польские конфедераты; бывшие колодники и маловажные преступники, а также случайно заброшенные люди [248, л. 102; 218, 445-448], [41, с. 18-19; 55-56], [42, с. 39; 48].

Крепостные казаки появились с конца 1750-х годов. Их число в первое время было немного. В 1764 г. на всех трех сибирских линиях их насчитывалось 779 человек. И.И.Шпрингер полагал, что по переселении сибирских казаков на линии, ему удастся сформировать пять казачьих полков, по 1000 человек в каждом. Однако этот проект И.И.Шпрингера полностью не осуществился [41, с. 18-19]. В справке генерал-майора И.И.Шпрингера указывается, что на городских и крепостных казаков Сибирской губернии, ежегодно выходит на жалование 28553 рубля 97 копеек, а на провиант и овес



21300 рублей 45 копеек. Всего же с содержанием донцов и башкир не менее 101149 рублей 47 копеек [249, л. 14-15].

«Если же на основании представляемого штата последует разрешение образовать местное пяти тысячное казачье войско, - пишет Ф.И.Соймонов, то с укомплектованием его казаками из внутренних городов губернии, на довольствие этого войска по определенным окладам потребуется 99123 рублей 81 копейка, следственно менее против приведенной выше суммы на 1945 рублей 60 копеек. При этом представляется для государства еще та выгода, что донцы и башкиры не только избегают дальних от Родины командировок, а оставаясь дома, будут способствовать благоустройству своего хозяйства» [249, л. 16].

И.И.Шпрингеру удалось скомплектовать два казачьих линейных полка. Рассчитывая укомплектовать и остальные, он в 1769 г. снова обращался к Тобольскому губернатору с просьбой выслать всех сибирских городских казаков на линии, число которых исчислялось в 3192 человека. Генерал-майор И.И. Шпрингер настаивал на обязательной высылке казаков вместе с женами и детьми «ибо по теперешней России с Оттоманскою Портою войне нет надежды, чтобы кроме сих людей можно было откуда в прибавок на подкрепление здешних линий воинских команд получить» [250, л. 61-64]. Но Тобольский губернатор не мог пойти навстречу этим предложением И.И.Шпрингера, так как, выполнение их означало бы вывод основного населения из ряда сибирских городов. Взамен этих проектов стали приниматься поощрительные меры для поселившихся на линии казаков. Так, в 1770 г. крепостных казаков освободили от казенного хлебопашества и предоставили им право вести меновую торговлю с казахами при крепостях. В 1773 г. вышел Указ о наделении казаков, живущих на линиях, землею по 6 десятин на душу «дабы не отвлекать их хозяйством от службы» [56, с. 30]. 9-го апреля 1756г. выходит Указ Сената о недопущении в перегоне со степной на сибирскую сторону киргиз и прочих орд с табунами [187, л. 281-291]. Одновременно с этим вышло постановление казакам и драгунам живущим по Иртышу и Пресногорьковской линии не допускать казахов к линиям не ближе 10 верст и пользоваться землями, им было отдано во временное пользование 10-ти верстная полоса для служебных надобностей. В связи с этим в последней четверти XVIIIв. последовало интенсивное заселение линий казачеством.

Вследствие этого у казахов Среднего жуза была отторгнута десятиверстная полоса с внешней линии. А организованные казаками разъезды фактически углубили владения линейных жителей на 15-50 верст в степь, где они занимались хлебопашеством, сенокосением, рубкой леса, ставили хутора и занимались различными промыслами [251, л. 1-3].

Нарушение традиционных маршрутов кочевания вызвало недовольство казахов, живших вдоль линий. Сам же Г.Е. Катанаев пишет в вышеназванной работе, о вторжении русских в киргизские пределы «поэтому немудрено, что все столетие было временем упорной борьбы киргиз аборигенов страны с русскими пришельцами» [56, с. 12].

Многочисленные документы и архивы Омска и Оренбурга свидетельствуют об обострении земельного вопроса вдоль линии. Дела называются: о направлении воинских отрядов, пограничные проишествия, о набегах киргизцов и т.п. Много сведений об этом в рапортах, донесениях, письмах, отчетах линейного начальства. Все это свидетельствует об обострении отношений. Это стало одной из причин участия казахов в Крестьянской войне Е. Пугачева и дальнейшим ростом антиколониального движения казахов Младшего и Среднего жузов.

В ответ на это российское правительство занимается укреплением обороноспособности границ, увеличивается число гарнизонов. Особенно после Пугачевского бунта. В архивах Омска и Оренбурга содержатся материалы по организации мероприятий по защите линий [252, 253]. Войска занимались, судя по содержанию дел, недопущением казахов к крепостным линиям, отгоном табунов, препровождением «нарушителей» в крепости и т.п. Теперь линии носили еще и полицейские функции.

Поэтому они позволяли себе вмешиваться во внутренние дела казахских родов. Даже сами историки того времени, как например, А.И.Добросмыслов, были вынуждены отметить, что «казачьим отрядам была полная свобода действий, которые не отличая мирных киргиз от бунтовщиков, убивали и грабили кого ни попало и тем раздражали их так, что они со своей стороны платили казакам той же монетой» [254, с. 412]. Архивные источники также содержат многочисленные примеры вымогательства, насилия, притеснения со стороны казаков.

Чтобы увеличить число линейных казаков правительство приступило к принудительной колонизации. В эту категорию направлялись ссыльные колодники, казаки с Дона и Украины [255, л. 218]. Интересен документ об отправлении на Новоишимскую линию 150 ссыльных колодников, 1000 донских казаков [248, л. 28; 102, 445, 448]. Присылали также сюда дезертиров, например «беглецы карабинерных и пехотных полков, из беглецов российских, возвращенных из Польши» [258, л. 43-53]. В архиве содержатся также промемории и списки колодников отправленных в Омскую крепость, например в 1765г. 137 колодников [257, л. 122 б]. Так, в 1770 г. были зачислены в пограничное казачество 138 запорожцев, захваченных из партии Железняк и Жвачки, производивших беспорядки и самовольства в Польше, участвовавших в движении против польской шляхты («колиивщина»). Для искоренения малороссийского «вольного духа» Гайдамак Иван Найда стал Ванькой Найдиным, Грицко Таран – Гришкой Тарановым, Остап Негодов – Оськой Негодиным и д.т. В станице Пресновской в 1771 г. появилось 7 запорожцев, выделявшихся своим независимым видом, своенравием и одеждой турецкого покроя [258, л. 27]. Записывались в казаки и маловажные преступники и пленные из польских конфедератов. В 1797, 1798 и 1799 годах были обращены в казачье сословие местные солдатские дети в числе 2000 [41, с. 56].

Для увеличения числа казаков для охраны границ командующий сибирской дивизией генерал-лейтенант Штрэндман рапортовал в Сенат, что имеющиеся количество войско из 3640 человек не обеспечивает полную

сохранность границ. Он предлагает пополнить численность за счет городских казаков Тобольской губернии и Томского пехотного полка. Вскоре этот рапорт был рассмотрен и уже к 1808 г. линейное казачье войско состояло из 6200 человек [41, с. 62].

Была еще одна категория казачества, так называемые выписные казаки, и крестьяне сибирских деревень, временно вызванные на линию. От городских казаков они отличались тем, что их, как менее знающих военную службу, назначали главным образом, на различные хозяйственные работы. Но в случае недостатка военных людей, их заставляли нести воинскую службу. Выписные казаки должны были являться на линии из деревень со своим оружием. На Горькую линию выписные казаки назначались из ялutorовских, ишимских, тюменских и краснослободских крестьян. По росписи генерал-майора С.В. Киндермана из Сибири могло быть назначено более 9000 выписных казаков. В особенно напряженной обстановке жили крестьяне прилинейных дистриктов, зачисленные в казаки. Они без ведома старост и десятских не могли отлучаться от домов, а в случае незаконной отлучки по отысканию наказывались кнутом [54, с. 229]. Крестьяне должны быть готовыми в 24 часа к выступлению на хороших лошадях, с ружьем, порохом и свинцом. Предварительное военное обучение они проходили «без отлучки от домов». В 1752 г. на строительство Горькой линии послали 500 выписных казаков. Они явились со своим оружием и получали на работах только солдатскую порцию провианта. Их сменили через два года и они ушли домой вовсе разоренными.

При отправке нового наряда выписных казаков на линию, военное начальство наблюдало, чтобы гражданская администрация не вмешивалась в отправку людей и не делала попыток за взятку освободить от повинности. Для отвода выписных казаков назначались испытанные в службе унтер-офицеры. Известны случаи, когда выписные казаки отказывались идти на службу на Новую линию. Так поступили в 1757 г. крестьяне слободы Орлово Городище. В слободу была послана команда в 30 человек при одном офицере с инструкцией: казачьих старшин 6 человек поймать, заковать в ручные ножные кандалы, а Ишимской управительной канцелярии выбрать, вместо закованных, новых старшин. Новый старшина повел 149 выписных казаков в Коркину слободу для получения жалования, но по дороге 52 человека сбежали [54, с. 230].

Бегство выписных казаков, как по пути на линию, так и с линии, было систематическим явлением. В 1757 г. во время джунгаро-китайской войны, когда ждали военных столкновений на линии, выписные казаки бежали группами по 10-25 человек. При их поимке, они говорили, что «хотели возвратиться на родину и жить тайно», а о строгости же наказания за побег они не знали и подтверждение о небегании от начальников не слышали [54, с. 230].

Выписные казаки имели свою собственную администрацию: сотника, пятидесятника и десятника. В 1757 г. за овес для лошадей они получали в месяц: сотник – 75 копеек, пятидесятник – 60 копеек, рядовой – 44,5 копейки. Жалование же на себя им не полагалось [54, с. 230].

Указ Сената от 25 августа 1755 г. запрещал высылки выписных из крестьян казаков на Новую линию, «дабы за тое их высылкою в их

крестьянских работах помещательства и в сборе подушных денег доимки невоспоследовало. А в подлежащих на той линии работах, исправляться находящимися там воинскими командами, приводя эту линию к окончанию с крайним радением.» [173, л. 84].

Однако этот Указ не соблюдался. Его воспринимали слишком узко, как запрещавший использовать выписных казаков на строительных работах, но отнюдь не на линейной службе. После бегства в 1757 г. 5 выписных казаков из крепости Пресногорьковской, командир корпуса отчитал начальника гарнизона за употребление казаков в казенные работы и снова предложил придерживаться его распоряжения о непосылке их в казенные работы [227, л. 122].

На долю выписных казаков после Сенатского указа 1755 г. осталась экстренная гарнизонная служба. Например, в 1757 г. для препровождения большого джунгарского коша, следовавшего вглубь России, были вызваны 300 ишимских выписных казаков. По выполнении поручения их отпустили домой [227, л. 376]. Сибирская губернская канцелярия напоминала крестьянам, назначенным в выписные казаки, быть в состоянии ежечасной готовности 4,5 года спустя после Сенатского указа 1755 г. Тарские выписные казаки несли караул на ишимских озерах «дабы потаенного провоза соли не было» и работали на казенной пашне еще в 1759 г. [54, с. 231].

Требования командования на выписных казаков в 1760-х годах стали редкими. В 1769 г. генерал-майор И.И. Шпрингер просил тобольского губернатора Чичерина отпустить на линию 500 выписных казаков, тот отказал, ссылаясь на «бедность и отягощение народное». В ответ на письмо губернатора И.И.Шпрингер сообщил, что отныне «ни с которых мест Сибирской губернии оных выписных казаков в рассуждении отдаленности от здешних линий, высылку отменить и оставить их в своих местах, только с тем непременно подтверждением, чтоб они во всякой исправной готовности и к обороне вооруженными находились». И в случае прорыва через линию неприятеля и приближения его к русским селениям «отпор и оборону чинили и себя защищали» [250, л. 61-64]. После этого выписные казаки снова были вызваны на линию только единственный раз, во время Пугачевской войны.

Частые смены войск на линиях, перетасовка их по разным местам, нарушали естественный ритм службы. Офицер, заступивший на место своего предшественника, долго не мог разобраться в старых делах и определить, что надлежит привести в исполнение. В целях сохранения деловой преемственности между сменяющимися гарнизонами, в штабных крепостях сибирских линий (на Новой линии в Петропавловской и Пресногорьковской) в 1765г. были учреждены должности комендантов. Комендант крепости на Новой линии должен был иметь майорский чин. Ему придавались два писаря. Он не числился в составе линейных полков.

Для обеспечения естественного прироста казачьего населения установлением 1759 г. на линиях поселялись ссыльные женщины 19-40 – летнего возраста. Указ 1825 г. разрешал покупку или выменивание женщин у сопредельных кочующих народов [42, с. 39]. Нередки были случаи «умыкания» невест казаками из казахских аулов.

Например, документы свидетельствуют о направлении на линию «подлежащих смертной казни женщин колодниц для выхода замуж» [248, Л. 445, 448], «20 человек из Тобольска женок и девок для замужества» [259, л. 13].

Вся эта масса служивых людей, принудительно зачисленная в состав казачества, состояла из разнородных, часто деклассированных, уголовных элементов и должна была служить «доколе была в силах». Она не представляла собой обученной, монолитной военной организации. На это прямо указывает представление 1808 г. Сенату начальника 24-ой дивизии генерал-лейтенанта Глазенапа, которому было подчинено Сибирское казачье войско. «Офицеры – пишет он, - большей частью престарелые, мало или вовсе безграмотные. Между урядниками и казаками много стариков, служивших свыше 40 лет... Одежда казаков... сделана была грубо и некрасиво, предметы же вооружения – до возможной степени – ветхие и негодные. Лошадей достаточные казаки имеют хороших, но наибольшая часть, обучались иногда перед смотром эволюциям своего сочинения, стреляли на скаку на ветер и многие не умели зарядить ружья или пистолета ни на лошади, ни пешком.» [42, с. 89-90].

Разнообразие социального и национального состава казаков определяли и трудности становления их хозяйственной жизни. Введение натурального и денежного довольствия линейным казакам и членам их семей с самого начала определило положение сословия как сословия служилого, используемого государством для военных целей и казенных работ, и казак со своей семьей не ощущал себя как хозяйственно-родственный коллектив. Семья растворялась в населении крепости, редута, проживая совместно с другими в казармах. На это прямо указывает челобитная казачьей депутации, представленная в Сибирский приказ в 1763 г.: «... а жительствоуем мы в крепостях, форпостах и станах обще с воинскими командами и другими разными поселенцами наряду и довольствуемся с женами своими и детьми только получаемым жалованием и месячным провиантом» [42, с. 44].

Таким образом, путем пополнения гражданским сословием казачества, правительство намеревалось решить проблему численности войска. Назрела необходимость в реорганизации и в 1808г. было учреждено Сибирское казачье войско, которое по штатному расписанию и порядку проведения службы была приравнена к армейской службе.

К началу XIX столетия в пределах Западной Сибири и северного региона Казахстана проживало уже 6 тыс. душ мужского казачьего сословия. Все они несли службу на пограничных линиях с казахской степью и представляли собой значительную силу. Штат войска состоял из 10 конных полков, каждый пятисотенного состава. Войску положено иметь 5950 служилых казаков, а также две артиллерийские роты [41, с. 14].

С завершением строительства Новоишимской линии, соединившей Северный Казахстан с Уралом и Иртышом, и, как следствие, с Центральной Россией, были созданы условия для заселения русскими лесостепных районов Казахстана.

С постройкой укреплений возник вопрос о привлечении населения, так как ближайшие сибирские деревни находились от линии на большом расстоянии до

200 верст. Бывшее командование полагало что гражданское население на линии не должно превосходить военное и что при крепостях и редутах желательно иметь полезное население – казаков, мастеровых и купцов. Крестьянская колонизация линии, тогда считалось ненужным и крестьянам настрого было заказано не в коем случае не селиться ближе 40 верст к линии, и поселяться только деревнями, а не в одиночку однодворками. В случае нарушения этого условия крестьянские жилища уничтожались.

Степное пространство внутри Новоишимской линии подверглось обследованию с целью выяснения годных для поселения мест. Посылалось несколько раз представители командования для установления мест будущих поселений. Один из них, Бутенев посланный исследовать междуречье Ишима и Иртыша между Старой линией, нашел годные места только при озерах Алабуга, Калмакова и реках Кутерьма, Тюкале, Яману. Об остальном же пространстве он даёт неутешительное сообщение: «кроме этих мест, по показанию проводников и выборных Отабацкой слободы, годных к поселению мест нет» [54, с. 217]. Бутенев был направлен на поиски новых территорий в 40 верстах параллельно линии, но ему это не удалось, так как эти территории постоянно затапливало весенними тальми водами.

Район в 40 верстах от Петропавловской крепости обследовал Уксусников, он наметил места поселения по Ишиму, потом повернул на восток до меридиана Полуденной крепости, а дальше его не пустили «великие непроходимые займища» [54, с. 257].

Междуречье Ишима и Тобола и правый высокий берег Ишима оказались более пригодными для заселения. Здесь меньше горько-соленых и заболоченных озер и капитан Шустов назначил места 16-ти деревням на расстоянии от линии на 73-98 верст. Деревни проектировались небольшие по 10-20 дворов [54, с. 258].

Проектировщики новых поселений столкнулись с наличием самовольно поселившихся крестьян. В рапорте Уксусникова мы узнаем, что внутри линии в 29 верстах, ближе Ишима, в урочище Манык «селится деревня Тобольского подгородного дистрикта крестьянин Слободчиков с двумя братьями и детьми. Другая деревня селится в 30-ти верстах от крепости Святого Петра на большой дороге, при озере Полковничьем, заселяют ее Тобольского дистрикта станицы Агоратского крестьянин Анциферов и два сына его. Пашни они распахивают самовольно, объявляя, что присланы сюда от Ишимской управительской канцелярии» [54, с. 256].

Желающих переселиться крестьян первоначально насчитывалось 122 двора в район Красного Яра на правом берегу Ишима. В 1759г. по распоряжению командира корпуса происходило вывление самовольно поселившихся крестьян. Постройки, находившиеся ближе 40 верст к линии были сломаны и крестьяне направлялись обратно на прежнее жилище, «где они подушный оклад положены» [260, л. 48].

Установление нежилой 40-верстной полосой за линией вызывалось военными соображениями. Полагали, что тогда меньше будет нарушителей границы, не будет контрабандной торговли и в случае появления неприятеля

линейный курьер успеет дать знать деревне крестьянам о принятии мер к обороне. С точки зрения местного военного начальства, ближайшие к линии сибирские деревни рассматривались, как вторая линия обороны. Крестьяне этих деревень обязаны были иметь у себя дома оружие.

Надо отметить, что власти рассматривали Новую линию не только, как оборонительный заслон, но и как основной проводник русского влияния в степи. Возможностями только военных это было малоэффективно. Со времени разрешения торговли со степью на линии, надо было обеспечить войска дополнительными продуктами питания, нужны были категории мастеровых, нужно было поселить семьи духовных лиц, также на линии были семьи офицеров и казаков. Гражданское население медленно, но все же увеличилось при крепостях и редутах. Возле укреплений появляются предместья. Например, при Петропавловской крепости вне стен имелось 32 двора мастеровых, семей военных, слуг и других, всего 397 человек [188, л. 65-66].

Поселения вокруг крепостей назывались форштадтами. В самом начале XIX в. форштадты крепостей насчитывали следующее количество дворов: Петропавловский – 200, Пресногорьковский – 150, Пресновский – 70, Полуденный – 75, Кабаний – 75, Николаевский – 125, Лебяжий – 100. В форштадтах редутов имелось от 22 до 65 дворов [261, л. 52-55].

Колонизация огромного района между старой Ишимской и Горькой линиями по Ишиму, Вагаю и Тоболу, благоприятного для хлебопашества, осуществлялось в трех формах: вольной, смешанной и правительственной.

Крестьянин Т.Д. Булашев вместе с семьей без паспорта и разрешения местного начальства по каким-то причинам выехал в укрепление св. Петра осенью 1758 г. По пути следования он облюбовал место около оз. Долматово, где и построил в декабре 1758 г. избу, положив основание первому в Северном Казахстане крестьянскому поселению, которое через 5 лет насчитывало уже 144 души мужского пола [262, л. 18, л. 21].

Осенью 1759 г. крестьяне и разночинцы основали Соколовку и Вагуалино, построив жилые и хозяйственные постройки, которые к 1763 г. насчитывали соответственно 199 и 178 душ мужского пола. По мере увеличения численности населения от ранее возникших сел отпочковались «дочерние» поселения: Метлишное, Глубокое, Лебедкино, Белое и др. [260, л. 30].

О том, что вольная форма колонизации имела место в данном регионе, свидетельствуют донесения военных. Так, в рапорте полковника Тюменева от января 1759 г. указывалось, что «в крепости Святого Петра справкою оказалось: Ишимского дистрикта крестьяне живут самовольно близ крепости Святого Петра, 3 крестьянина Коркиной слободы, куда и подати платят бездоимочно». Один из них поселился шесть лет назад, другие – позже. Однодворки их расположены в 6,7 и 27 верстах от крепости, вниз по Ишиму [77, с. 53].

Такое поселение «вольно явившихся и самовольно переселившихся без отпусков» осуществлялось чаще всего крестьянами из ближайших районов. Из таежных, неблагоприятных по климатическим условиям для хлебопашества уездов, освоенных русскими крестьянами еще в XVII веке, началось

переселение в лесостепи. Появляются деревни Омской крепости, куда переселились крестьяне из Тюменского уезда. Здесь возникли Омская и Чернолуцкая слободы, деревни Большая Кулагинская, Малая Кулагинская, Красноярская, Милетина, откуда уже с середины XVIII в. началось интенсивное переселение в сторону Горькой линии. Сначала они выезжали или ходили пешком для рыбных и пушных промыслов на неосвоенные еще территории, иногда и выходявшие за линию укреплений. Затем ставили там уже не «промышленные избушки», а настоящие избы и оставались на постоянное жительство, занимаясь промыслами. Потом заводили на новом месте хлебопашество. Это был путь постепенного «сползания» земледелия на юг и вообще распространения русского населения на свободные земли за счет чисто вольной колонизации из ближайших районов [77, с. 54].

Однако, вольная форма колонизации имела незначительные масштабы и не могла решить задачу заселения данной территории русским элементом.

Более эффективной в данном отношении была такая форма колонизации, в которой сочетались элементы добровольного начала и инициативы со стороны крестьян, с определенной организационной работой со стороны властей. В отличие от чисто вольной колонизации с ее стихийной миграцией и от собственно правительственной формой колонизации, проводимой принудительными мерами (ссылка, рекруты и т.п.), данную форму можно назвать смешанной.

Высочайший указ, призывавший селиться на Новой линии всяких охотников, последовал в год ее основания в 1752 г. Нашлись люди пожелавшие им воспользоваться. Тобольский посадский человек Матвей Постников заявил о своем намерении построить на дороге между Коркиной слободой и Петропавловской крепостью винокуренный завод [262, л. 41-49].

Уже в 1752 г. более 1000 крестьян Тобольского, Ишимского и Краснослободского дистриктов изъявили желание переселиться в примыкающие к укрепленной линии район. Широкое переселение началось после завершения строительства, то есть после 1755 г., хотя смешанную крестьянскую колонизацию нового района тормозило то обстоятельство, что на переселение необходимо было получить разрешение, выдаваемое только с уплатой недоимок на старом месте [162, с. 182].

Степное пространство, включенное внутрь Новой линии, подверглось обследованию с целью выяснения годных для поселения мест. Посылались несколько раз представители командования для установления мест будущих поселений. Источники свидетельствуют о том, что командный состав войск Новой линии по распоряжению свыше специально занимался подбором удобным для основания деревень, станиц, крепостей и укреплений мест, рассчитывал возможное количество дворов переселенцев на данной территории. В 1758 г. капитан Шустов представил рапорт, в котором перечислялось 16 предлагаемых им к поселению мест в районе Новоишимской линии. В общей сложности он наметил в этих 16 местах 320 дворов. Большинство из предполагаемых поселений должны были состоять из 10 дворов, однако указывались села и по 20-30, а одно даже в 120 дворов. Рапорт



содержал описание местоположения каждого селения, включающее расстояние от редута или крепости – обычно 70-90 верст. В непосредственной близости от укреплений селиться не разрешалось [77, с. 50].

В этом же году инженер-поручик Плутков был послан для выбора мест, удобных для поселения крестьян, отставных солдат и казаков на площади между Омском, озерами Чаны, Карасук и Железинской крепостью [77, с. 51]. С такой же целью был командирован поручик Бутенев, представивший два рапорта о намеченных им местах жительства переселенцев в 70, 80 и 100 верстах от проектировавшегося участка линии [77, с. 52].

Реализовались эти предложения преимущественно за счет крестьян, добровольно заявивших о своем желании переселиться на новые места. Ранее добровольно переселилось в юго-западный район значительное количество крестьян и разночинцев из уездов давнего заселения – Туринского, Верхотурского, Тюменского, Тобольского и Краснослободского. Наряду с этим защищенная Новой линией территория заселялась и крестьянством несколько ранее освоенных частей юго-западного района Сибири.

Но и для переселенцев из ближайших районов смешанная форма колонизации была преобладающей: в июне 1759 г. крестьяне Ишимского дистрикта заявляют о желании переселиться на более южные, вновь осваиваемые земли этого же дистрикта у Красного Яра. В июле 1759 г. 14 семей крестьян и разночинцев с Кулачей (Чернолуцкой слободы, в районе Омской крепости) – всего 94 человека – просили разрешения поселиться между Долонским и Талицким форпостами, где их привлекали речки, удобные для водяных мельниц. Месяцем раньше 24 семьи разночинцев и крестьян из самой Омской крепости и ряда деревень ее ведомства – 177 человек – просились к поселению на реках Березовке и Глубокой в районе Усть-Каменогорской крепости. В апреле 1760 г. 6 семей из Алексеевской слободы Тарского уезда пожелали поселиться в районе крепости Святого Петра [77, с. 56]. Осенью 1760 г. в распоряжении Сибирского губернатора генералу Веймарну фигурируют 600 семей из подгородных крестьян Ялуторовского, Ишимского и Краснослободского дистриктов, которые должны переселиться в район Семипалатинской крепости, по правому берегу Иртыша [77, с. 57]. В 1761, 1762 и 1763 годах в воеводских канцеляриях продолжают появляться заявки крестьян и разночинцев Ялуторовского и Ишимского дистриктов на переселение к упоминавшемуся уже Красному Яру [77, с. 58]. Однако, наблюдались случаи, когда крестьяне заселялись в местах непредусмотренных планом. Так, в январе 1759 г. в рапорте полковника Тюменева по распоряжению командира корпуса происходило выявление самовольно поселившихся крестьян.

На линии со времени разрешения торговли со степью встали задачи: обеспечить войска дополнительными продуктами питания; поселить некоторые категории мастеровых, отсутствовавших среди солдат; направить с семьями духовных лиц для ведения религиозной службы.

Например, об этом свидетельствуют распоряжения Сената «О позволении селить отставных нижних военных чинов на Сибирской линии» в 1762 г. [263],

а в 1766 г. Сенатский указ «О вызове из сибирских городов в крепости на Иртышскую и Тобольскую линию художников и мастеровых людей» [264]. Эти указы обязывали тобольского губернатора, чтобы он приложил старания к переселению на линию «потребного для каждой крепости числа мастеровых из числа охотников, обнадежа их освобождением от всех податей на пять лет». Если желающие найдутся, то летом 1766 г. пока можно добраться на судах, отправить их без замедления. Если же таких не окажется, то пополнить крепости мастеровыми из числа находящихся в Тобольске и других сибирских городах. В 1764 г. на Новой линии численность поселенцев составляла: отставных солдат 436 человек, при них жен – 382, сыновей – 495, дочерей – 456, всего – 1479 человек [266, с. 156].

Как конкретно сочетались добровольное стремление крестьян переселиться на новые земли и вмешательство в этот процесс правительства? Обычно о намеченных к поселению властями местах объявили в крупных слободах, вызывая желающих. В апреле 1760 г. Ишимская управительская контора сообщила генерал-майору Веймарну, что в Коркиной слободе объявлено о возможности селиться по новой дороге, проложенной по Ишимскому дистрикту от Абацкой слободы к Мельничному редуту проектируемой линии и к почтовой избышке в устье реки Крутихи. Сразу же вызвались 4 семейства и просили разрешения перебраться туда со всем своим скарбом и скотом [77, с. 59].

Но не все добровольные переселенцы получали на это разрешение. В одном случае из 40 семейств (Ялуторовский дистрикт) отпустили только 15; не получили разрешения 10 разночинцев Тарского уезда и т.п. Вопреки указу Сената и приказам генерал-майора Веймарна, местные воеводские канцелярии всячески препятствовали добровольным переселениям, затягивая оформление документов. Губернатор Веймарн был вынужден в результате этого в 1760 г. обратиться в губернскую канцелярию с жалобами на местные канцелярии. Основным поводом для задержек переселенцев служили недоимки. Заинтересованное в переселениях (для снабжения хлебом войск) командование обошло это препятствие, предложив сообщать о недоимках в места переселения [77, с. 60].

Однако воеводские канцелярии, для которых переселение подведомственных им крестьян означало только потерю плательщиков оброка или рабочей силы для десятинной пашни и, кроме того, хлопоты, не проявляли энтузиазма. От борьбы двух тенденций в органах управления страдали крестьяне. В некоторых случаях они, подготовившись к переселению, не сеяли на старом месте, а потом, получив отказ, или просто ожидая решения, оставались без хлеба.

Трудности, вызванные бюрократическими, плохо согласованными, а подчас просто бестолковыми действиями администрации, ждали и крестьян, получивших желаемое разрешение. Место для деревни нередко оказывалось выбранным неудачно в отношении характера почв, и потому приходилось брать разрешение для распашки в отдаленных местах. С другой стороны, удачно расположенные селения оказались перегруженными переселенцами, которые

продолжали направляться плохо осведомленным начальством. И вот недавние новоселы вновь вынуждены через год – два переселяться в новые места. Особую заботу проявляли власти о том, чтобы крестьяне селились на новых землях достаточно крупными деревнями, а не однодворками. Мера эта вызывалась преимущественно фискальными соображениями, и постоянно нарушалась крестьянами, которые при самовольной миграции селились часто однодворками, разраставшимися затем в деревни.

Бюрократическая волокита, неорганизованность на местах замедляли темпы смешанной колонизации, что не устраивало правительство, поэтому по указу Сената от 15 декабря 1760 г. началось переселение помещечьих и монастырских крестьян из европейской части России насильственными методами.

Сосланные в Сибирь помещиками дворовые люди и крестьяне попадали в группу так называемых поселщиков. Часть поселщиков на новом месте жительства пользовалась трехлетней льготой от уплаты подушной подати и оброка, а затем они приравнивались в правовом положении и по своим обязанностям к государственным крестьянам. По дошедшим до нас документам трудно точно определить число поселщиков, прибывших в Сибирь на основании сенаторского указа 1760 г. Перечневая ведомость по Томскому округу, например, указывает, что в период III ревизии (1762-1763гг.) в 7 селениях жили поселщики (494 мужчин, 54 женщины), «присланные из России от помещиков в зачет рекрутов, которые почитаются наряду с государственными крестьяны». В 1781 г. в тех же селениях поселщиков насчитывалось 562 мужчин и 373 женщины [162, с. 190]. В Тарском уезде за три года (1765-1767) было поселено 1317 человек. В 1782 г. в 13 деревнях этого жило 3009 ссыльных мужчин и 2730 женщин [78, с. 79].

Главная масса ссыльных в зачет рекрутов оседала в пределах Западной Сибири, в округах Каинском, Омском, Курганском и Ишимском. Об этом дает представление таблица, составленная по данным Тобольской казенной палаты 1781г. [162, с. 472].

Таблица 3 - Количество государственных крестьян Западной Сибири по округам на 1781г

Округ	Количество государственных крестьян		% поселщиков к общему числу государственных крестьян
	всего	из них поселщиков, присланных в зачет рекрутов	
Омский	21699	1086	5.0
Ишимский	25285	1945	7.6
Курганский	23721	1708	7.2
Каинский	5840	4885	83.6
Итого	76545	9624	12.5

Из анализа таблицы мы видим, что наибольший процент рекрутированных приходился на Каинский округ 83,6%, это объясняется тем, что этот округ в малопригодных условиях для жизни и наиболее удален от центральных линий, естественно сюда направляли принудительно. Что касается интересующих нас округов лежащих у Горькой линии, то здесь наибольшее количество государственных крестьян и соответственно меньший процент рекрутов. О характере населения, интересующего нас Ишимского уезда подтверждает И.П.Фальк в 1771 г., что «жители сих все русские, мало помалу сюда переведенные, и многие из них добровольно переселившиеся» [13, с. 70].

Переселенцы были освобождены на три года от уплаты податей. Кроме того, в течение первых трех лет новоселу выдавался солдатский паек и деньги – по 1 копейке на взрослого мужчину и 1 деньге на жену и детей в день. При поселении крестьянин получил лошадь, корову, двух овец, плуг, топор и семена (9 пудов ржи, 4 пуда ячменя, столько же овса и 1 пуд конопляного семени). Выдавались, также, лес на строительство изб и дрова [54, с. 72]. Всего в этих деревнях насчитывалось в 1771 г. 2459 человек м.п., 1399 женского и 634 детей [77, с. 73].

Как видно из дат возникновения деревень, процесс селообразования очень активен. Новые деревни оказались сразу большими потому, что заселение здесь происходило организовано, под постоянным контролем властей, которым удалось избежать индивидуальных одиночных заимок и насадить из оборонных и фиксальных соображений крупные, компактные селения.

Несмотря на льготные условия, не все переселенцы оказались в состоянии наладить хозяйство, в частности, в деревне Ишимской на 38 переселенческих семей было только 25 дворов. Это было связано с тем, что в отличие от добровольных переселенцев, которые отправлялись со скотом, орудиями труда, всем домашним скарбом и семенами, рекруты ничего этого, естественно, не имели. Оторванные принудительно от хозяйства, они могли надеяться только на снабжение со стороны властей, в противном случае заведение, какого бы то ни было хозяйства было просто невозможно. Указами о поселении отдаваемых в зачет рекрутов лиц предусматривалось выдавать по 5 рублей и по 54 пуда семян на каждую семью, по 2 сошника, 2 серпа, одному топору и одной косе на каждого взрослого человека (мужчины и женщины от 16 до 15 лет). Кроме того, на три года давалась льгота «в платеже оброчного в казну провианта» и на каждого годного работника выявлялось по 5 дес. пашни в поле и по 50 конец луга [266, с. 537-538]. Практически условия устройства на новом месте переселенцев, взятых в качестве рекрутов, выглядели совсем иначе. Вместо 5 рублей денег раздавали натурой «годных к пашне лошадей», стоимость которых администрация взыскивала через 5 лет. Лошадей передавали переселенцам плохих, и значительная часть из них быстро гибла. Хлеба на семена выдавали гораздо меньше, чем следовало по указанной норме [266, с. 59].

Сенатский указ от 6 августа 1762 г. разрешал заселять линию ссыльными, поэтому состав русского населения в степи пополнялся в 60-е годы XVIII в. также за счет ссыльных в Сибирь помещичьих крестьян, выведенных из

Польши, беглых из России раскольников и пришельцев по собственной инициативе [266, с. 39-41].

Первые итоги русского заселения пограничной полосы Южной Сибири были подведены в докладе Сената Екатерине II 16 декабря 1765 г. Материалы для этого доклада подготовил командующий сибирскими укрепленными линиями генерал-поручик И.И.Шпрингер. Он сообщил, что «для размножения хлебопашества» Пресногорьковская и Кузнецкая линии заселены отставными солдатами и казаками, на Иртышской линии в ведомстве Усть-Каменогорской крепости поселились крестьяне-добровольцы из Тобольской провинции и прибывшие из европейской части страны ссыльнопоселенцы, в том числе и отправленные помещиками в зачет рекрутов крестьяне и дворовые люди. Всего, по данным И.И. Шпрингера, на Пресногорьковской линии в 1765 г. было 436 хлебопашцев (годных к земледелию работников мужского пола); на Иртышской линии из числа освобожденных «колодников» – 144 человека; в Усть-Каменогорском ведомстве прибывших из России посельщиков – 520 человек; на Кузнецкой линии из отставных солдат – 63 человека. Таким образом, на всех линиях насчитывалось 1163 земледельца (взрослых мужчин) [162, с. 191]. Этого количества поселенцев было недостаточно для закрепления данной территории за Россией и обеспечения пограничных войск хлебом. Качество земель не могло быть причиной медленного заселения, поскольку «земля здесь хлебопашеству весьма плодородна и всякий житель за труд свой довольно награждается» [178, с. 849-856].

Это обстоятельство заставило А.И.Щекотова искать причины – почему этот плодородный край так слабо колонизируется. И он указал пять, по его мнению, существенных причин из-за которых происходят затруднения в «сельском домостроительстве»: 1) сухая отчасти и соленая земля, «которая мало дождем наполняется», 2) падеж скота и жаркие воды, 3) частое повреждение полей и сенокосов от пасущегося скота, 4) недостаток в хорошей воде и 5) «грабительство киргизцев, которого всеми употребляемыми к тому предосторожностями нельзя пресечь так, чтобы они никогда не врывались и не уводили с собою скота, людей» [178, с. 845-459]. Однако, эти причины были вполне устранимы. К этому склонялся и А.И.Щекотов: «Несмотря, однако же, на все таковые препятствия, изрядная сия страна может быть гораздо более населена и застроена нежели ныне» [178, с. 845-849].

Эти предложения А.И.Щекотова отражали суть колониальной политики России и были претворены в идею уже при следующем этапе, этапе крестьянской колонизации. Таким образом, государственная форма колонизации по заселению Горькой линии принесла наиболее ощутимые результаты и сыграла существенную роль в движении России на отторгаемые территории, вскоре ставшие недоступными для постоянного кочевания казахов в северном регионе Казахстана.

Аналогичная политика по заселению края военно-казачьим и крестьянским элементом была проведена при возведении Новолинейных укреплений Оренбургского ведомства в 1830-40-х годах. Во-первых, уже имелся опыт заселения такими методами Горькой линии. Во-вторых, к этому времени

Средний жуз уже почти век находился в составе Российской империи. В-третьих, темпы и методы военно-гражданского заселения линии будут значительно быстрее и жестче.

Заселение Новолинейного района шло по трем категориям населения: военные, казачество и крестьяне. Государственная политика была направлена на то, чтобы превратить Новолинейный район в единый военный округ, а население его сделать однородным, наиболее подходящим, в данном случае, казачьим.

Переселение началось буквально сразу же, ещё до окончания строительства жилья и служебных сооружений. Для этого первоначально предполагалось переселить в полевые укрепления солдат четырех Оренбургских линейных батальонов из состава 26-ой пехотной дивизии. «Поселенные батальоны сии, - отмечал В.А.Перовский, - пользуясь доселе всеми льготами бесподатного населения и получая сверх того полное содержание пехотного солдата, со времени утверждения своего не несли никакой службы, не оказали государству ни малейшей пользы. Между тем они могут быть передвигаемы на основании общих постановлений о местных строевых войсках, причем даже нарезка 30-десятичной пропорции земли, вместо 7-десятичной, коей они должны довольствоваться ныне, послужит уже достаточным вознаграждением за временные убытки при переселении» [267, с. 403].

В течение лета и осени 1837 г. все нижние чины 4-х линейных батальонов, размещавшиеся в крепостях Верхнеуральской, Таналыцкой, Магнитной и Степной, вместе с семьями были обращены в казачье сословие и переселены на Новую линию [268, с. 72]. В начале июня командиры 4-го линейного батальона подполковник Риман и 6-го подполковник Линевиц отправили первую очередь переселенцев – солдат в укрепления и станицы 1-2-ой дистанций Новой линии. Вслед за ними из Степной крепости в 5-6-ую дистанции начался перевод нижних чинов 8-го и 10-го батальонов подполковника Суханова и майора Черных. К октябрю 1837 г. в укрепления и отряды было переведено со Старой линии 255 унтер-офицеров и 1551 солдат, не считая членов их семей. Остальные были переселены в течение 1838-1839 годов. Позднее на земли бывшей Верхнеуфимской волости было поселено 1628 человек, в Нижнеуфимской – 1664, в станицу Кумакскую и Березовский отряд еще 120 человек [269, л. 44-44об].

Солдаты линейных батальонов составили костяк населения станиц и укреплений Новой линии. «Причисление в войско линейных батальонов, - отмечалось в отчете наказного Атамана генерал-майора Г.В.Жуковского, - принесло ощутимую пользу, как увеличению состава войска, так и усилению сторожевых нарядов казаков на полевую службу и в общественные повинности» [270, л. 60].

Однако, на наш взгляд, такая оценка является излишне радужной. Обращенные в казаки чины линейных батальонов, безусловно, увеличили численность войска, но боевое его состояние от этого мало выиграло, по крайней мере, на первых порах об этом ярко говорят акты обследования их

быта и имущественного состояния. Командующий казачьим войском [271, с. 4-5] генерал-майор Н.В.Щуцкий по итогам инспекторской проверки 1839 г. доносил командиру отдельного Оренбургского корпуса о том, что «солдаты поселенные на новой линии вынуждены наниматься на службу вместо казаков внутренних кантонов, так как у них нет средств для приобретения формы и всей справы. Только у немногих имеется всего по одной лошади, хотя у некоторых имелось скотоводство и хлебопашество, но все это осталось на старой линии у отцов или старших родственников» [269, л. 41].

Численности передислоцированных на Новую линию солдат Оренбургских батальонов было явно недостаточно для охраны более, чем 400-верстного пространства степи, не говоря уже о хозяйственном ее освоении. Еще до переноса пограничной линии, в 20-х годах XIX в., администрация края несколько раз выдвигала проекты создания в Оренбуржье поселений регулярной кавалерии и перевода в их состав Оренбургского казачества тептярских и башкирских полков. В середине 1830-х годов казакам внутренних кантонов Оренбургского войска на выбор было предложено: либо перейти в военные поселения, либо переселиться в 15-верстное пространство вдоль новой пограничной линии.

подавляющее большинство казаков 3-5-х кантонов, размещавшихся в Башкирии и Поволжье, избрало второй путь и по составлении списков на линию должно было перейти 1698 казачьих семей, в том числе из 3-его кантона – 1317 душ мужского пола; из 4-ого кантона – 461 и 5-ого кантона – и калмыцкой команды – 2419 казаков. Из этого числа к 1 января 1841 г. фактически переселилось только 457 человек, включая малолетков и отставных казаков. Остальные под различными предлогами затягивали переезд, хотя переселенцам предлагались земельные льготы и выдавалось по 14 рублей 27 копеек на семью. Особой льготой: освобождение от всех служб на три г [272, л. 162-167] - удалось привлечь добровольцев. Так, 48 казаков Илецкого городка переселились на Новую линию по собственному желанию [88, с. 115]. Однако, добровольцев было очень немного.

Несмотря, на предоставленные льготы, число переселенцев было незначительно, что вынудило командира Отдельного корпуса принять жесткие меры в отношении их. В кантоны был направлен командир «непременного» полка подполковник И.В.Подуров с приказом немедленно организовать переселение назначенных к водворению на Новой линии казачьих семейств. Он и выполнил этот приказ. Бунтовщиков, не желавших переселяться на новые места, кого разжаловали из офицеров и урядников, кого лишили ранее полученных наград, многих рядовых же казаков выпороли. Агитация за переселение оказалась достаточно «убедительной». Казаки внутренних кантонов были расселены в районе Орской крепости, а также в отрядах Атаманском, Ольгинском, Александровском и Алексеевском [156, л. 113-124].

В декабре 1840 г. Было принято новое положение об Оренбургском казачьем войске, завершившее почти 29-летнюю работу по подготовке реорганизации войска. В соответствии с «Положением» Оренбургское казачье войско получало единую территорию и в военно-административном отношении

делилось на 2 военных и 10 территориально-полковых округов. Поселения Новой линии вошли в состав 4-ого, 5-ого, 6-ого и 10-ого округов, а в военном отношении составляли первоначально Особый полк кордонной стражи.

Идея же создания поселенных регулярных кавалерийских полков была окончательно отброшена. В соответствии с изменившейся ситуацией 1842 г. было отменено решение о переводе части казаков внутренних кантонов в прилинейную полосу. Военному губернатору В.А.Обручеву было предписано перевести казаков и белопахотных солдат Бузулукского, Бугульминского и Мензелинского уездов «Безусловно в состав Оренбургского казачьего войска и поселить между старой и новой пограничными линиями». Кроме того, 24 мая 1842 г. Высочайшим повелением Николая I было упразднено Ставропольское Калмыцкое войско, а входившие в его состав 1743 души мужского и 1593 женского пола обращены в казачье сословье и также переводились на Новую линию» [43, с. 96-98].

Таковыми мерами правительству удалось к 1843 г. перевести на Новую линию следующее число казаков: из станицы Бакалинской- 1573, Ногайбацкой-220, Табынской-690, Уфимской-391, Сороченской-176, Тоцкой-70, Бузулукской-234, Ольшанской-460, Самарской-31, Алексеевской-1 [88, с. 117].

Так, как согласно Положению от 12 декабря 1840 г., Оренбургскому казачьему войску была передана часть территории Оренбургского, Троицкого и Челябинского уездов, то предполагалось всех государственных всех крестьян зачислить в казачество и переселить на Новую линию. По данным Н.Е. Бекмахановой их число должно было составить 11049 мужчин. Однако, например, крестьяне Троицкого уезда (8750 мужчин) не пожелали переселяться и перейти в казачье сословие [88, с. 117]. Тогда Департамент военных поселений на основе рапорта В.А. Перовского распорядился выселить всех нежелающих перейти в казачество за пределы Оренбургского войска. Естественно, что среди крестьян прошли волнения, которые были подавлены карательными отрядами. Волна аналогичных выступлений крестьян прокатилась в 1843 г. по Клименской, Куртамышской, Таловской, Воскресеновской, Кочердыцкой волостям Челябинского уезда, где власти также вынуждены были применить силу [273, л. 256-258 об.].

Чтобы зачислить в казаки казенных крестьян прилинейных уездов Оренбургского, Троицкого, Челябинского потребовался Указ от 4 мая 1843 г., для исполнения которого были привлечены дополнительные военные силы. В результате этого, как показал анализ архивных и статистических данных в казачье сословие перешли 1850 крестьян Троицкого и 525 Оренбургского и Челябинского уездов, а 5720 крестьян Троицкого и 3154 Оренбургского и Челябинского уездов вынуждены покинуть пределы линии [274, л. 28-29, 32-34, 38-40].

Таким образом, согласно нашим расчетам, казаками стали только 21,5%, а по Троицкому уезду, непосредственно входящему в Новолинейный район - 24,4% планируемого мужского населения. То, что более 75% жителей данного района не пожелали стать казаками и предпочли оставить насиженные места,



свидетельствует, на наш взгляд, о негативном отношении гражданского населения к военной колонизации.

Эти меры были одними из важнейших в управлении В.А. Перовского, территория земель Оренбургского войска была значительно увеличена и вскоре по положению 1840 г. была образована особая область с отдельным управлением, независимым от губернской администрации, дававшая возможность перевести туда всех казаков внутренних станиц с включением ставропольских крещеных калмыков.

Таким образом, благодаря всем принятым мерам правительства было образовано войско в одной местности без черезполосиц (имеется в виду, что территория земель Оренбургского казачьего войска была цельной, не пересекалась с землями государственными и крестьянскими запашками). В военном отношении, имея цельную территорию размещения войск с однородным населением, значительно повышала организацию и мобильность гарнизонов. На этой территории не стало крестьян, казахи были выселены за границу Новой линии и с этой территории пошло дальнейшее военной продвижение в Центральный Казахстан и Среднюю Азию.

Для определения мест под казачьи поселения в Новолинейный район(так стали называть в официальных документах пространство между новой и старой линиями) были направлены съемочные отряды войсковых старшин Ковалевского, Авдеева и Лябзина. Ими в 1841 г. было определено 32 места под казачьи отряды, первоначально называвшиеся по номерам – от 1-ого до 32-х. В 1842-1843 гг в поселки района началось переселение казаков внутренних станиц, белопахотных солдат и калмыков. В поселки с № 1 по № 13 из 3-ого и 5-ого кантонов (станции Нагабайская, Бакалинская, Ельдянская, Табынская и Уфимская) было переведено 2877 казаков и 178 калмыков упраздненного Калмыцкого войска (без учета членов семей). В поселки 4-ого полкового округа (с № 14 по № 22) – 529 калмыков и 1944 белопахотных солдат, а в 5-6-ой полковой округ – 609 калмыков, 1712 солдат и малолетков [43, с. 98].

Вскоре после заселения они были переименованы и получили названия в честь побед русского оружия в войнах XVIII-XIX веков. Так, на карте Южного Урала появились Кассель, Фершампенуаз, Париж, Варна, Берлин, Бреда и другие непривычные для России топонимы [275, л. 57, 107 об].

По предписанию В.А. Перовского войсковой старшина Симагин с отрядом казаков определил место, для нового укрепления Михайловского и двух форпостов (ныне на территории Костанайской области) на кочевьях коккозовского отделения кипчакского рода Матена Чутанова [200, л. 28-34].

Чтобы увеличить население линии, власти вынуждены были принимать решительные меры. В течение 1842-1844 гг. сюда направляются 3336 калмык, 2877 ногайских татар, 7109 белопахотных солдат и малолетков из солдат, также 2400 мужчин с семьями из Илецкого района [276, с. 4].

С образованием единой территории Оренбургского казачьего войска в его состав вошло и несколько волостей с крестьянским населением в Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах. В мае 1843 г. Указом Николая I крестьяне были зачислены в войсковое сословие наряду с калмыками и

солдатами линейных батальонов. Однако крестьяне Кундравинской, Верхне-и Нижнеуевельской волостей в числе 8750 душ мужского пола отказались перейти в казачество. Военный губернатор на подавление волнений был вынужден направить в Троицкий уезд значительные силы, в том числе в полном составе Уфимский казачий полк и несколько артиллерийских орудий. Для усмирения крестьян Челябинского уезда дополнительно посылались 6,9,10 казачьи полки и 4 орудия [277, л. 3-10]. В качестве поощрения за подавление крестьянских волнений казаки этих частей получили «Высочайшую награду» по 25-50 копеек серебром каждый.

Еще в 1832г. вышло Высочайшее утверждение от 10 мая Положение о наделении переселенцев землей. По всему протяжению Новой линии «нарезать земли в дистанцию 15-ти верст с внутренней стороны, всех казенных крестьян живущих на этом пространстве обратить в казачье сословие, а так же всех белопахотных солдат и малолетков» [147, с. 44].

Переселение вновь причисленных в казачье войско сословий и казаков внутренних кантонов проходило за их собственный счет и только 114 семьям от правительства, было выделено по 14 рублей серебром, а ставропольским калмыкам дополнительно куплен скот. Но были также и желающие переселиться. Так, 48 казаков Илецкого городка переселились на Новую линию [197, л. 49]. Для желающих переселиться предоставлялись льготы: освобождение от всех служб на три года «в помощь нового домостроительства дана им будет льгота от всех служб на три года, а поминованию сего времени станут уже они содержать и оберегать линию безотлучно навсегда от домов своих нетребуя только от казны никакого вспоможения...На сем основании могут и прочие желающие селиться.» [197, л. 100-100 об.]. Процесс их выживания в новых условиях проходил болезненно и, первые годы особенно, переселенцы испытывали острую нехватку продовольствия.

Все эти переселенцы были зачислены в казачье сословие, получив по 30 десятин земли на душу мужского пола и по 15 десятин в запасной земельный фонд. Однако, насильственное переселение не всегда приносило успех. Яркой иллюстрацией этого является история с переселенными на Новую линию калмыками. В 1843 г. в 26 станицах Новой линии были расселены среди русского казачьего населения 777 семейств калмыков, чем предполагалось достигнуть скорейшего их обрусения и слияния с остальными казаками. Но они не прижились в новых условиях, не сумев адаптироваться к оседлому образу жизни и постепенно обратно уходили с линии, к 1883 г. их здесь осталось 1204 челов [278, с. 106; 283].

Новоиспеченные казаки не отличались особым рвением в выполнении поставленных перед ними задач. Так, по замыслу царского правительства, казаки на Новой линии должны были, помимо несения военной службы, обеспечить ее продовольствием. Поэтому казаки в Оренбургском крае наделялись землей в размере 30 десятин, тогда как в центральных губерниях по 15 десятин, а в черноземных районах – по 8. К тому же власти в обязательном порядке требовали от поселенцев в степи иметь необходимый сельхозинвентарь (мотыги, ведра, плуги, бороны, косы, серпы, топоры, ходовые колеса, чугуны,

сито, ремни и др.). В случае нехватки инвентаря казаки обеспечивались им за счет средств войскового казачества [212, л. 30-32; 141].

Однако, как выясняется из приказа генерал-майора Воробьева, немногие казаки занялись возделыванием земли, большинство же предпочитало перепродавать скот. И это было вызвано не «вкоренившейся ленью и беспечностью в отношении хозяйства», как утверждал генерал-майор, а прибыльностью данного промысла. Чтобы заставить казаков вернуться к хлебопашеству, колониальные власти вынуждены были предпринимать строгие меры. Так, приказом № 227 генерал-майора Воробьева от 29 ноября 1853 г. казаков «...расхотящих исполнить волю Правительства, находящихся в бессрочном и трехгодовом отпусках,... возвращать на службу, а отставных, состоящих на земской повинности, наряжать без очереди на общественные работы» [280, л. 247 – 247об.].

Помимо этого, власти постоянно контролировали развитие земледелия в регионе, что отражалось в ежегодных статистических обзорах. Анализ этих материалов подтверждает вывод о том, что «хлебопашество казаков нельзя назвать вполне удовлетворительным» [281, л. 69].

Такое внимание колониальных властей к развитию хлебопашества на Новой линии было вызвано не только стремлением решить продовольственную проблему, более важной задачей являлось закрепление казаков на этой территории. Привязав их к земельному наделу, к подворью, власти стремились сформировать чувство собственников, хозяев этой земли. Необходимо отметить, что эту задачу колониальной администрации удалось решить. Подтверждением этого служат работы идеологов казачества Г.Е.Катанаева, С.М.Старикова, Ф.Н. Усова, А.П.Хорошкина и др. Психология собственников, хозяев этой земли определяла и характер отношений казачьего населения с местными жителями. Поэтому, как само собой разумеющееся, воспринимался ими приказ о запрещении лицам неказачьего сословья проживать в районах казачьего войска, согласно которому «... добровольно в станицах, форпостах, редутах, на казачьих землях отставные воинские чины, казенные крестьяне, исключая числящихся в Войске, киргизы, торговцы и прочия, кои не пожелают поступить в состав Войска или не будут приняты в состав казачьего сословья Войсковым Начальством обязаны переселиться оттуда непременно в течение двух месяцев» [282, л. 6].

Естественно потеря пастбищ приводила к кризису кочевого хозяйства казахов, обострялся земельный вопрос, складывалась напряженная ситуация в взаимоотношениях казачьего и казахского населения. В этот период идет подъем национально-освободительного движения в Казахстане, идут восстания в Букеевской Орде, в Новоилецком районе, Северный и Центральный Казахстан охватило восстание под предводительством Кенесары Касымова. Зачастую правительственные воинские формирования позволяли себе вмешиваться во внутренние дела казахских родов. Архивные источники содержат многочисленные примеры вымогательства, насилия, притеснения со стороны казаков.

Казачье самоуправство порой принимало такие размеры, что для наведения порядка требовались санкции со стороны вышестоящих органов управления и суда. Примером может служить приказ начальнику казачьего отряда сотнику Шахматову «...строжайше наблюдать за казаками, чтобы они не позволяли себе никакого самоуправления в киргизских аулах» [283, л. 1]. Причем он предупреждается о том, что ответственность за противоправные действия казаков в отношении казахов возлагается на него. В приказе неслучайно делается акцент на ответственность казачьего офицера. Это обусловлено тем, что в связи с реорганизацией управления на линиях командование дистанциями возлагалось именно на них. Назначение на должности начальников дистанций казачьих офицеров отражало наметившуюся тенденцию на возрастание роли в расширении полицейских функций Оренбургского и Сибирских казачьих войск.

Решая важную стратегическую задачу по включению казахских степей в состав империи путем создания сети военно-казачьих укреплений, Россия нуждалась и в экономическом обеспечении новых крепостных линий. Кроме того, необходимость рынка сбыта своих товаров, дешевые источники сырья, перспективы экономического сотрудничества с Китаем и Средней Азии увеличивали роль линейной торговли в данном регионе. Вновь возведенные линии стали центрами расширения торговых связей с казахской степью.

Линейная торговля служила не менее эффективным методом колонизации, которая, во-первых, укрепляла экономические связи со степью, во-вторых, способствовала проникновению через предметы материальной культуры иного образа жизни, в-третьих, решала сугубо практические задачи: пополнение государственной казны за счет таможенных сборов и обеспечение линий продовольствием, в-четвертых, была весомым инструментом политики в отношениях с казахскими родоправителями.

Во второй половине XVIII в. в северном регионе Казахстана можно выделить два крупных центра торговли. Это, Оренбург-Троицк и Петропавловск.

Центром торговли в середине XVIII в. считался Оренбург, в котором для этой цели имелся «гостинный двор с 150 лавками, а на степной стороне, в виду города, Меновой двор со 148 амбарами и 344 лавками; гостинный двор предназначался для зимней и осенней торговли, а Меновой двор для летней торговли с азиатцами» [284, с. 37]. Главными предметами торговли в Оренбурге являлись скот и хлеб, продажа которых за период с 1745 по 1759 годы составила почти миллион рублей [47, с. 724]. На имя императрицы Екатерины II оренбургский губернатор сообщал, что «киргизцы приезжали на мену великим числом, и случалось, что в день одних баранов 14 тыс. выменивали...» [135, с. 109]. Таким образом, меновая торговля в Оренбурге имела значительные размеры и приносила выгоду купцам и казне. Оренбургский губернатор И.И.Неплюев всячески поощрял торговлю, используя различные способы: обращался с приглашением к русским купцам торговать в Оренбурге, делал подарки казахским ханам мукой и крупой, чтобы вызвать интерес к товарам, разрешил переселение в Оренбург 200 семействам торговых

казанских татар. Не гнушался он и насильственных методов. Так, в 1744 г. по его ходатайству, указом Сената купцов, подлежащих за преступления ссылке в Сибирь, направляли в Оренбург. За торговлю на линии без разрешения властей и в местах, не отведенных для данных целей, жестоко наказывали [285, л. 180-183]. Например, когда в 1768 г. на тайной сатовке с казахами у Петропавловской крепости было поймано 7 человек с мукой, лично им принадлежавшей, то от командира корпуса было приказано: «при собрании всех в крепости св. Петра регулярных и нерегулярных команд, публично учинить им наижесточайший штраф: регулярных батожем, а нерегулярных плетью нещадно бить» [285, л. 180-183].

Оренбург первоначально, кроме военно-политических соображений предназначался для торговли. Он служил, как перспективный перевалочный пункт, из внутренних губерний России в Среднюю Азию шел поток товаров.

В 1753г. были утверждены тарифы сбора пошлин с товаров, привозимых в Оренбург и Троицк, издан регламент о пограничной торговле, учреждены магазины по продаже соли. Правительство требовало контроля и безопасности торговли с кочевниками. По этим документам, все приезжающие в Оренбург, Орск и Троицк для меновой торговли казахи должны обезоруживаться на таможне [286]. А при магазинах признано необходимым иметь особые военные команды [277, с. 18].

И.И.Неплюев категорически требовал не вести торговлю с казахами, несмотря на настойчивые просьбы со стороны Аблая и «доброжелательных к российской стороне» старшин Среднего жуза Кулсары и Куляки, находившихся со своими кочевьями вблизи линии. Он предлагал направлять казахов, желающих вести торг, на Иртыш в Ямышевскую и Семипалатинскую, «где купцов с товарами есть довольно», и где торговля была разрешена [285, л. 180-183].

Необходимо отметить, что это стремление оренбургского губернатора И.И.Неплюева держать под жестким государственным контролем всю торговлю в данном регионе, тормозило и развитие на новых линиях и препятствовало экономическому освоению прилинейных территорий.

Запретительные меры по отношению к торговле с казахами первые годы существования Горькой линии себя не оправдали. Из-за отсутствия торговли страдало население линии. И поэтому, вскоре торговля на линии была разрешена. Следует отметить, что причинами открытия торговли послужили и внешнеполитические факторы. Во-первых, дело в том, что китайцы охотно торговали с казахами, и военное командование видело серьезную заинтересованность Китая в этом. Казахско-китайская торговля рассматривалась как шаг китайской политики направленной к тому, чтобы со временем вовсе «приклонить» на свою сторону казахов. Во-вторых, после разгрома Джунгарии, проезд бухарских купцов по традиционной иртышской дороге в Семипалатинскую и Ямышевскую крепости прекратился, и в этих крепостях стали вести торговлю только одни казахи, от чего торговля на Иртыше заметно упала.

Казахи Среднего жуза покупали в основном хлеб, бумажные и металлические изделия, мануфактурные товары, чай, сахар, предлагая взамен скот и продукты скотоводства. Участники академической экспедиции середины XVIIIв., хоть и кратко, но весьма точно и интересно сообщают о хозяйстве и торговле казахов. Например, И.П. Фальк сообщает, что в 1769г. казахи обменяли 40000 овец, а в 1770г. 130000 [287, с. 159]. А.И. Левшин отмечает, что ежегодно в Оренбурге казахи выменивают до полумиллиона овец, а лошадей до 50000 [20, с. 225].

Предметы материальной культуры служили, фактически проводниками русского образа жизни в казахскую степь. Поэтому Коллегия иностранных дел благожелательно относилась к «выпуску за границу с тамошней стороны хлеба», справедливо полагая, что «азиатцы перед сим только мясом и молоком питались, нынче довольно и хлеба покупать начинают и что через хлеб скорее с той стороны сочтется польза, нежели чрез другие способы» [134, с. 327].

Однако, по мере военного укрепления новых линий и с целью усиления влияния на Средний жуз, а также, учитывая стремления самого султана Аблая, в лояльности которого колониальные власти, были заинтересованы, в 1750 г. для торговли с казахами Средней Орды был открыт меновой торг в Троицкой крепости [101, с. 195].

Выгодное географическое расположение Троицка, находившегося на пересечении путей из России, Сибири и Казахстана, обусловило возрастание его роли в торговле на Востоке Российской империи. Об этом свидетельствует, во-первых, учреждение прямого коммерческого тракта из Сибири в Европейскую Россию через Троицкую крепость; во-вторых, появление на Троицком меновом торге московских, казачьих, тульских, ростовских, ярославских, воронежских, курских, тюменских, путивльских, уржумских и других купцов, которые никогда не поехали бы, по словам Витевского, в такую даль, если бы не было выгодно; в-третьих, разрешение вести, начиная с 1753 г., в Троицкой крепости наравне с Оренбургом торговлю среднеазиатским купцам, в-четвертых, это резко увеличило таможенные сборы; в-пятых, преобразование, в том числе Троицкой крепости в город.

Российское правительство было заинтересовано в привлечении для торговли среднеазиатских купцов. Для этого азиатским купцам с 1754 г. было разрешено провозить товары внутрь России с уплатой 10% торговой пошлины [277, с. 19]. Также правительство было заинтересовано в торговле серебром и золотом, для этого с 1751г. русскому купечеству было разрешено выменивать у азиатцев золото и серебро и продавать эти металлы в казну, а с 1763 г. азиатским купцам разрешено торговать алмазами, золотом и серебром, но воспрещена их торговля внутри России [277, с. 23]. Например, в 1751 г. на Троицкую таможенную было вывезено до 10 пудов серебра и «несколько» пудов золота [47, с. 730].

Таким образом, Троицкий меновой торг показал экономическую эффективность линейной торговли, ее важную роль в обеспечении русского влияния среди казахов. Поэтому, в 1759 г. был открыт меновой торг в Петропавловской крепости, а затем в 1766 г. – в Пресногорьковской. В

открытии линейной торговли на Новоишимской линии были заинтересованы обе стороны: и русские, и казахи. Об этом говорит переписка представителей колониальных властей и казахской знати. Так, в 1759 г. султан Аблай обратился к командиру Уйской военной линии подполковнику П.Родену: «прошу же я и народ мой, чтоб дозволить в крепости Святого Петра киргизцам выменивать муку и крупу» [287, с. 323]. Ответом на прошение было открытие Петропавловского торгового поста, которое воспринималось командиром Сибирского корпуса И.И. Шпрингером как крупное мероприятие, обеспечивающее широкую дорогу в степь русскому влиянию. Поэтому от его имени казахской знати Среднего жуза были разосланы пригласительные письма на торг: «Понеже по требованию Вашему почтенного Кулсары батыря и по представлению моему в силу повеления от главной команды во удовольствие вашего киргиз-кайсацкого народа, в крепости святого Петра велено ныне учредить сатовку, для чего по предложениям моим и русским купцам в тою крепость с товарами, с мукою и крупую съезжаться велено. И как оные сберутца, то и сатовку с вашими людьми чинить велено, то для вас почтенного Кулсару батыря прошу о той сатовке падания вашего состоящих поблизости Новой линии улусах киргиз-кайсакам публиковать, чтоб они с имеющимися у них товарами: со скотом, лошадьми и пленными калмычатами для той сатовки в Петропавловскую крепость приезжали без всякого опасения...» [176, л. 605-606]. С целью поощрения торговли на линиях в 1764 г. правительство приняло даже решение отчислять от доходов средства на угощение приезжающих на линию казахов и среднеазиатских торговцев [288, л. 457].

Из Петропавловска отходило два караванных пути, один – в Ташкент и Бухару, другой – в Кульджу. Вдоль караванных путей были устроены караван-сарайи и постоянные дворы. Позднее, в отдельных пунктах путей возникли ярмарки и годовые ярмарки.

Петропавловская торговля успешно началась, и ее обороты в первые же годы дали исключительные результаты. В 1776г. официально была открыта ярмарка для торговли с казахами [289, л. 1-27]. Из российских купцов больше всего наезжало сибирских – из Тобольска, Тюмени, Тары. Появлялись купцы и из отдельных городов – Казани, Тулы, Курска, Воронежа, Архангельска. В иной год собиралось свыше 100 купцов. Из Средней Азии приезжали бухарские и ташкентские купцы. В 1777г. был введен новый тариф для таможен [101, с. 198], по которому были снижены пошлины на товары азиатских купцов, был разрешен беспошлинный провоз шелка и крупного рогатого скота, что было выгодно, как казахам и среднеазиатским торговцам, так и русскому купечеству. Число приезжавших казахов в течение одного летнего месяца в среднем составляло от 500 до 650-ти человек [290, л. 468].

В торговле в XVIII веке на линии преобладал меновой характер, а не денежный, потому при торговле с казахами неравноценность обмена не сразу бросалась в глаза. Купец сам устанавливал желательный для него эквивалент. Семь аршин синего сукна и купец получал лошадь. В другом случае – за три аршина того же сукна – тоже лошадь или за четырнадцать аршин того же сукна – трех быков. За два чугунных котла, таган и две чаши – две лошади и одного

быка, за 80 глиняных чашек – лошадь, за 25 аршин холста – лошадь и быка. Насколько обмен был выгоден для купца, можно судить по последнему соотношению: 25 аршин холста в то время стоили – 75 копеек, а лошадь и бык – не менее 7–8 рублей. Цены были стихийные. Пуд говядины русские покупали за 40 копеек, ободранного барана за 20 копеек, а ржаную муку продавали казахам по 90 копеек за пуд. Казахские лошади расценивались от 1 рубля 50 копеек до 13 рублей за голову, тогда как в Оренбурге от 15 рублей и выше [94, с. 18]. Поэтому, в начале XIX века на Петропавловскую таможенную, как указывает К.М. Туманшин пригоняли 84% скота из Казахстана [291, с. 52].

Интересно отметить то, что правительство устанавливало цены на хлеб для казахов ниже, это было вызвано политическими расчетами. «Хлеб предполагалось продавать киргизам по уменьшенной цене, чтобы подорвать начавшиеся у них посевы, угрожавшие в недалеком будущем хлебопашеству казаков и опасному в политическом отношении; киргизцы заведя свои посевы, могли перейти в независимое от русских положение и плотнее общаться с Хивой и Бухарой, им единоверным» [160, с. 76]. Из этой яркой цитаты мы видим, что власти через ценовую политику решали стратегические задачи империи. В торговле участвовали и военные из числа крепостного офицерства.

Обороты Петропавловской торговли превзошли вместе взятые обороты других крепостей на Новой и Иртышской линиях [292, 293].

Из сравнительного анализа торговли между Петропавловской и Семипалатинской крепостями мы видим, что выгодное расположение Горькой линии, которая связала торговые маршруты Сибири, Урала с Средней Азией по более краткому пути давало преимущество и в расширении торговли.

Таблица 4 - Сравнительные данные линейной торговли за 1777 и 1779 гг

Наименование крепостей, где велся торг	Вывезено из степи на сумму (руб. – коп.)		Ввезено в степь на сумму (руб. - коп)	
	1777г.	1779г.	1777г.	1779г.
1. Иртышская линия:				
Усть-Каменогорская	6813-90	6939-95	5450-21	8544-73,5
Семипалатинская	36627-73	46969-10	34820-27	42692-27,5
Коряковская	5357-55,5	1984-39	4192-92,5	7431-62,75
Железинская	-	1558-25	-	894-01
2. Новая линия:				
Пресногорьковская	18-50	-	-	-
Петропавловская	60759-64	91069-15	49171-61,5	54729-28

Прежние монополисты степной торговли в Семипалатинской и Ямшевской крепости заметно снизили свои обороты. Поэтому Колывано-Воскресенское областное управление, в ведении которого находился торг по Иртышу, ставило



преграды Петропавловской торговле. Об этом свидетельствует интересный документ обнаруженный нами в архиве. Так в 1781г. Тобольский губернатор Кашнин наблюдал, как правление не пропускало среднеазиатских купцов в Петропавловскую крепость и предлагало им против их воли оставаться торговать в Семипалатной. После инспекции областного правления губернатор в письме командиру сибирского корпуса предлагал оказать всемерное содействие проезду среднеазиатских купцов внутрь линии давая свободу торговать, где кто пожелает «ибо для пользы общей все равно, которым бы месте ни было, но чем более, тем лучше» [294, л. 102-103].

Таких результатов удалось добиться, несмотря на злоупотребления должностных лиц, которые, используя служебное положение, препятствовали торговле. Так, командир Слонецкого полка Лесток запрещал русским купцам, приезжавшим в Петропавловскую крепость, торговать с казахами, а весь меновой торг взял в свои руки. Представленного из Ямышевской таможни для торговли ларешного Чередова Лесток бил [285, л. 180-183]. Лесток хозяйничал в первый год Петропавловской торговли в 1760 г. Если бы дело пошло также, то вряд ли российские купцы стали приезжать. Лестоку сделали внушение свыше, что в силу Сенатского указа «военным командирам в таможенные дела вступать не велено». А, например, представители Колывано-Воскресенского управления, в ведении которых находился торг по Иртышу, пытались помешать проезду среднеазиатских купцов в Петропавловскую крепость.

На линии имело место продажи невольников. На Новой и Иртышской линиях ежегодно продавалось 70-150 человек, в основном пленные. Продажа в рабство своих родных было редким явлением. Вот что пишет директор Оренбургской таможни Величко «киргизцы, удушая даже чувство природы, решаются для спасения от голодной смерти продавая собственных своих детей под именем азиатских пленников» [136, д. 71].

В 1777г. в Петропавловской крепости было куплено невольников 69 человек на общую сумму 7157 руб. 75 коп., из них 67 калмыков, 1 «саксонец» и 1 персиянин. Калмыки продавались в среднем по 100-105 рублей, персиянин пошел за 120 рублей, а «саксонец» за 150 рублей. В 1779г. были проданы 21 невольник из них 8 калмыков ценою от 65 до 160 руб. за человека и 4 калмычки от 65 до 115 рублей, 2 каракалпака – один за 101 руб. 75 коп., другой за 115 рублей, 2 каракалпачки, за 119 руб. 45 коп. и 140 рублей, 1 бухарка за 21 руб. и бухарец за 106 руб. 25 коп. Цена зависела от возраста, от знания невольником мастерства. Женщины обычно продавались дешевле мужчин [295, л. 43-44].

Невольники становились домашними слугами офицерства, работными людьми купечества. Работоторговля была запрещена Уставом от 1822 г. С этого времени разрешалось покупать только детей женского пола. Это разрешение мотивировалось недостатком женщин в Сибири. Девочки по достижению зрелости, выдавались замуж и выходили, после чего, из рабского состояния [296, л. 12].

Наносили ущерб контролируемой торговле и тайные сатовки (от казахского сат – продавать), которые обогащали только жителей линии. В связи с этим правительство, заинтересованное в извлечении от торговли наибольшей

прибыли, в виде таможенных сборов, приняло ряд мер. В 1782 г. последовал указ Сената об учреждении таможенной цепи и стражи на сибирских линиях в целях прекращения потаенного провоза товаров через границу.

Нами были просмотрены документы архивных фондов по Петропавловской и Омской таможням. Из анализа документов мы отметим основные моменты деятельности этих фискальных органов. В 1784 г. Коммерц-коллегия приняла решение о придании Петропавловску функции заграничной торговли (на одинаковых условиях с Кяхтой). Уже к концу XVIII в. торговые обороты Петропавловска достигли большого объема, она уступала только Кяхте. В 1799 г. был опубликован указ о том, чтоб «вымениваемый у киргизкайсаков рогатый скот и лошадей, во отвращение тайных променов, клеймить железными таврами» [297, л. 95]. 23 февраля 1806 г. открывается Омская таможня, переведенная из Железинской, она подчинялась Петропавловской и с 1817 г. входила в состав Оренбургского таможенного округа. Таможни, кроме выполнения своих прямых обязанностей, должны были 3 раза в месяц подавать сводки об обмене товаров, ежемесячно предоставлять данные приходно-расходных пошлин и отчитываться военному командованию о караванах. Таможенная граница простиралась по линии 150 верст. 16 августа 1829 г. распоряжением Министерства финансов было введено новое штатное расписание на Омской таможне. По штату было 12 человек: 1-надзиратель, 2-помощник, 3-канцелярский служащий высшего оклада, 4-толмач, 5-два досмотрщика, 6-шесть объездчиков. Но с ускорением темпов колонизации вглубь Казахстана и увеличением доли русского населения на территории Северного Казахстана дальнейшее нахождение таможенной заставы становится нецелесообразным. Указом Александра II от 30 ноября 1865 г. на Новой линии упраздняются таможни кроме Петропавловской [298, л. 1-8].

Обороты торговли линии все шире втягивали северный регион Казахстана в рыночные отношения. Русским купцам было разрешено выезжать за линию укрепления в степь, разъездная торговля стала постепенно ведущей. Ф.Гельмольд так описывает условия разъездной торговли «Торговец, выезжающий в степь нагружал подводу «киргизским товаром» (то есть залежалым, не имущим сбыта в городе, ситцем, спитым чаем, плохим сахаром, вообще товаром самого плохого и последнего качества и низкого достоинства. Странствование передвижной лавки продолжается до тех пор, пока не будет распродан товар. Товары были дороги. За пол фунта чая и фунт сахара надо дать барана, которому цена 3-4 руб. Вообще, при обмене товара на животных купец удваивал цену, а цена продукта киргизца наполовину уменьшалась, не говоря об обмеривании и обвешивании. В глухой степи редкий киргиз имеет представление о мерах и весах. Вот такого рода мена происходит в киргизских степях» [284, с. 45-46].

Вскоре появились и ярмарки в степи, например, Таинчакульская ярмарка вблизи Петропавловска. Историк И.И. Завалишин отмечает, что «Петропавловск теперь важнейший пункт нашей торговли с Западным Китаем и всей Средней Азией, не только на Сибирской линии, но и на Оренбургской» [31, с. 134].

В самом Петропавловске появились торговцы с большими оборотами (купцы С.и Т. Максютовы, А.Усманов). Отсюда купцы выходили на рынки и ведущие ярмарки Сибири, Урала, Волги (Ишимская, Ирбитская, Нижегородская). К 1830 г. Петропавловск уже занимал второе место по количеству гильдийских купцов среди городов Западной Сибири (после Тюмени). В это время оборот торговли Петропавловска составлял 7 млн. рублей [94, с. 8].

Развитие торговли обусловило появление и развитие промышленных предприятий (салотопенный, кожевенный заводы были основаны в 1816 г. купцами второй гильдии Иваном и Яковом Большаковыми), а в 1849 г. в Петропавловске было уже 7 салотопенных, 7 кожевенных, 4 мыловаренных, 17 кирпичных заводов [299, л. 763]. Самым крупным был салотопенный завод купца второй гильдии Ф.И.Зенкова, ежегодно вытапливавший 15500 пудов сала на сумму 145 тыс. рублей [300, л. 97-98].

Все это привело к преобразованию в начале XIX в. Петропавловска из крепости в город, что свидетельствовало о большой роли в экономическом отношении его не только в Северном Казахстане, но и во всей Западной Сибири. Известный русский историк географ и статистик К.И. Арсеньев так определил роль города в связях между отдаленными регионами империи: «город Петропавловск центр торговли со Средней Азией и закупки рогатого скота и баранов в Киргизской степи... Скототорговля – истинный корень благосостояния Петропавловска» [301, с. 15].

Анализ состояния линейной торговли в северном регионе Казахстана со второй половины XVIII в. свидетельствует о том, что она служила эффективным инструментом колониализации, способствовала экономическому укреплению края в составе империи и вовлечению ее во всероссийский рынок.

Таким образом, политика Российской империи была направлена на политическую и экономическую поддержку военного продвижения вглубь казахских земель. Для ее реализации использовался целый комплекс методов воздействия: от колониальной дипломатии и линейной торговли до отторжения земель и их заселения казачеством и крестьянством.

В этот период Россия становится империей, и её внешняя экспансия определялась задачами модернизации, которые вырабатывали детерминанты военно-политической и социально-экономической жизни региона.

Формирование Российской империи и превращение в многонациональную державу отличалось сочетанием вольных акций с дипломатическими контактами и соглашениями с народами сопредельных областей и регионов. В ходе таких контактов вырабатывались определенные формы и принципы взаимоотношений.

Из изложенного в разделе следует, что расширение функции контроля за политической деятельностью казахской знати, в конечном итоге, подготовило почву для окончательной ликвидации института ханской власти, что позволило царизму укрепиться в регионе. Россия переходила к реализации идеи социальной ассимиляции, которая была разновидностью имперской политики, основанной на римском правиле «разделяй и властвуй». Царизм был

заинтересован в быстрейшем распаде родоплеменных организаций и стремился заменить их своими территориальными организациями. В последующем политика социальной ассимиляции верхушки покоряемых народов служила той твердой основой, на которой строилась российская колониальная политика, что позволило не только военной силой подчинить народы, но и административными методами держать их в повиновении.

Царские власти стремятся превратить этот край в органическую часть России, интегрировать его в составе империи в политическом, экономическом и культурно-идеологическом отношениях. Обширность этой территории, её пограничное положение, продолжающиеся волнения среди коренного населения требовали укрепления органов колониальной власти и расширения их полномочий. Реализуются планы по строительству укрепленных линий в степи, происходит концентрация военных сил, формируется и усиливается Уральское, Оренбургское и Западно-Сибирское казачество.

Устремления России исходили из реального превосходства империи над сопредельными народами в организации государственного аппарата и армии, мобилизации человеческих ресурсов (гражданская и военная колонизации).

Таким образом, благодаря мероприятиям правительства по массовому заселению новых линий военными, казаками, крестьянами, переводу части гражданского населения в казачество изменили социально-экономическую картину региона. Значительно повысилась доля русского населения, реорганизованы и увеличены казачьи войска. К тому же передача управления казачьему командованию, независимому от губернской администрации, фактически превратила Новолинейный район в военный округ, который мог служить плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток.

Решая важную стратегическую задачу по включению казахских степей в состав империи путем создания сети военно-казачьих укреплений, Россия нуждалась и в экономическом обеспечении новых крепостных линий. Кроме того, необходимость рынка сбыта своих товаров, дешевые источники сырья, перспективы экономического сотрудничества с Китаем и Средней Азией увеличивали роль линейной торговли в данном регионе.

Экономическими рычагами колониальной политики Российской империи в этом регионе Казахстана явились линейная торговля и гражданское заселение линий. Открытие торгов на линиях было крупным мероприятием военной администрации, обеспечивающим широкую дорогу в степь русскому влиянию. Расширение линейной торговли не только укрепляла экономические связи со степью, служило пополнению государственной казны за счет таможенных сборов и обеспечению линии продовольствием, но и способствовало проникновению через предметы материальной культуры иного образа жизни.

Таким образом, политика социальной ассимиляции, военно-гражданская колонизация, линейная торговля укрепляли экономические и политические связи России со степью и в то же время разрушали кочевой уклад жизни, изменяли социальную структуру казахского общества, способствовали «поглощению» некогда самостоятельного государства и превращению его в колонию Российской империи. Военно-стратегические мероприятия

Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. в северном регионе Казахстана значительно укрепили военные линии. Отторжение у казахских родов плодородной земли и её военно-казачья колонизация изменило демографическую ситуацию в пользу русского населения, причем, преимущественно военного. В этот период в северном регионе Казахстана была создана сильная военно-колониальная система, главным инструментом которой служили казачьи войска, наделяемые государством землями, льготами и привилегиями.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление особенностей места и роли Северного Казахстана в восточной политике России позволило: проанализировать деятельность колониальных властей по военному продвижению и закреплению позиций империи в северном регионе Казахстана; изучить военно-стратегические мероприятия царизма по созданию в этом регионе плацдарма для дальнейшего продвижения на Восток; исследовать новые архивные и документальные источники, что в целом, помогло раскрыть сущность колониальной политики России.

Северный регион Казахстана вошел в орбиту геополитических интересов России в XVIII в., когда нарождающейся русской промышленности требовались рынки сбыта для производимых товаров, желательны с монополией на их продажу, расширение источников сырья и возможностей для капиталовложений. Поэтому военное продвижение являлось следствием экономического развития и становления России, как империи, для распространения и укрепления своего влияния на Восток в противовес интересам Британии. В следствии чего, этот регион Казахстана, после завоевания русским государством Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, оказался основным объектом территориальных интересов России. Именно в первые десятилетия XVIII в. определяется стратегия экспансии земель Казахстана, ставшего одним из этапов реализации будущих геополитических устремлений России.

В этот период Россия становится империей, и расширение её территории определялось задачами модернизации. Вследствие этого активизируется восточная «азиатская» политика, в частности казахстанский вектор.

Устремления России исходили из реального превосходства империи над сопредельными народами в организации государственного аппарата и армии, мобилизации человеческих ресурсов (гражданская и военная колонизации). Для соседних народов присоединение к Российской империи имело и ряд позитивных моментов: активизировался процесс их включения из внутриконтинентального пространства в мировое, сохранилось этническое единство народа в рамках одной политической системы.

Рассматривая сам факт включения Казахстана в состав России, следует обратить внимание на цели и характер политики империи. Проанализировав документы, архивные материалы, оценив на основе этого исторические события XVIII - первой половины XIX в., мы пришли к мнению, что вполне правомерной является замена, длительное время доминировавшего в исторической науке, термина «присоединение» на термин «колонизация». В дореволюционной и советской историографии территориальные притязания и завоевания России объяснялись исторической необходимостью, сложными внешнеполитическими факторами Казахского государства, инициативой казахской знати, тем самым, оправдывая военную экспансию земель, отстаивая законность права на владение этой территорией казаками и крестьянами-переселенцами.

Анализ военно-стратегических мероприятий России в XVIII – первой половине XIX в. в этом регионе показал, что царизм стремился закрепить за собой территорию Казахстана и создать мощный плацдарм, для дальнейшего продвижения на Восток, с наименьшими финансовыми и военными затратами, путем гражданской и военно-казачьей колонизации, надвигаясь на степь «сплошной линией военных укреплений» (И.И.Неплюев).

Выводы, сделанные в ходе изложения основных разделов диссертации, позволяют прийти к следующим итогам:

1. Исторические условия возведения Новоишимской (Горькой) и Новой линий непосредственно связаны с процессами колонизации Южного Урала и Западной Сибири, и строительство новых военных линий предопределили большую роль и место северного региона Казахстана в геополитических интересах Российской империи. Возведение военных линий на границах Северного Казахстана, на территории части Младшего и Среднего жуза – это способ создания промежуточной территории между казахами и сопредельными коренными народами, а позднее, и русскими, с целью недопущения кочевников на традиционные маршруты кочевания Южного Урала и юга Западной Сибири.

Таким образом, мы видим, что к середине XVIII в. для стремившейся на Восток Российской империи, сложилась благоприятная политическая ситуация по экспансии казахских земель, обусловленная наступлением агрессивной Джунгарии, захватами Хивой и Кокандом Южного Казахстана, распадом Казахского государства на части и начавшимся процессом включения территории Казахстана в состав России. В ходе окончательного покорения Башкирии были выстроены новые и укреплены, уже существовавшие, военные линии. Исходным пунктом для продвижения вглубь казахских степей стали, форсированно построенные, Оренбургская и Уйская военные линии и форпосты Староишимской линии, которая к этому времени полукольцом огибала север Казахстана и простиралась на 1000 верст.

Проложив в XVIII в. на восток линии военных укреплений, Россия решила важную стратегическую задачу, она наметила зону своих притязаний, значительно укрепив свои позиции в казахских землях строительством Оренбургской, Горькой и Иртышской линий. К концу XVIII в. стало ясно, что в отношениях с казахскими жузами надо переходить к более активным формам политики ликвидации их самостоятельности. В этом плане решающую роль играл военный фактор. Если в XVIII в., на первоначальном этапе взаимоотношений со степью, открытый военный захват казахских земель оттолкнул бы от России многих её сторонников в степи, то в конце XVIII - начале XIX в. пророссийская ориентация многих представителей казахской знати Среднего и Младшего жузов была столь очевидна, что российское правительство уже не опасалось расширять военное присутствие в этом регионе. К тому же, для интенсивного экономического освоения стратегически важного региона, соединявшего Сибирь, Алтай, Китай, Среднюю Азию с европейской частью империи, и обладавшего огромными природными богатствами, была необходима политическая стабильность, обеспечить которую, по мнению имперских чиновников, могла только военная сила.

Увеличение воинского контингента у границ Северного Казахстана со стороны Южного Урала на Оренбургской линии на рубеже XVIII-XIX в. шло постепенно за счет перевода войск из европейской части России и проведения ряда военных реформ. Это позволило в короткий период стабилизировать положение почти на всей протяженности пограничной линии, а Оренбургское казачье войско превратить в одно из самых крупных войск в Российской империи.

Таким образом, система проведенных военных мероприятий Оренбургского ведомства на рубеже XVIII - XIX в. позволила:

- во-первых, увеличить численность войска;
- во-вторых, привлечь к несению службы различные категории населения;
- в-третьих, кантональная реформа окончательно оформила перевод иррегулярного войска на положение армии, что позволило улучшить мобильность, военную организацию и повысить её статус.

Из вышесказанного следует, что правительство здесь целенаправленно проводило мероприятия по укреплению военных линий, мобилизации и концентрации сил, привлекая к этому и гражданское население. Изначально, на данном этапе колонизации факт военного присутствия в регионе, служил весомым фактором для народов, входящих в состав империи.

Однако, несмотря на концентрацию военных сил, на границе со степью не снижалось напряжение во взаимоотношениях с казахами. Для этого необходимо было создать условия для решения важнейшей тактической задачи восточной колониальной политики России: окончательно подчинить Средний жуз, закрепить его территорию в составе империи.

Говоря, в целом, о сложившейся ситуации в Северном Казахстане, можно отметить следующее:

- К середине XVIII в. в укреплениях пограничных линий на границе с Северным Казахстаном увеличивается число регулярных воинских частей, казачества и переселенного гражданского населения. Все это в дальнейшем позволило обеспечить людскими ресурсами военно-стратегические интересы России в крае.

- Царизм проводит комплекс мероприятий по усилению военных позиций империи со стороны Южного Урала на рубеже XVIII - XIX вв. Была проведена череда военных реформ и реорганизаций, в результате которых значительно укрепляется военное присутствие в регионе.

- Военный фактор, в виде крепостных линий и гарнизонов, несомненно, служил веским аргументом влияния на политику казахских родоправителей и султанов Среднего жуза. Именно через военные власти, хотя иногда и завуалировано, проводилась политика фактического разобщения и подчинения правящей верхушки казахов разными формами и средствами.

- Все это значительно повысило роль территории Северного Казахстана как стратегического плацдарма для последующих действий.

В целом, весь комплекс внешнеполитических и внутривнутриполитических мероприятий империи подготовил почву для переноса военных линий непосредственно на территорию Среднего жуза в Северном Казахстане.



2. Новоишимская линия имела большое значение для реализации колониальных устремлений России в северном регионе Казахстана:

- во-первых, несмотря на относительную слабость фортификаций линии и не совсем высокую боеспособность ее гарнизонов, она решала защитные функции по охране юго-восточных рубежей России в начале от возможной агрессии Джунгарии, а затем и Китая;

- во-вторых, строительство Новоишимской линии окончательно соединило по кратчайшему маршруту, Оренбургскую и Иртышскую линии. В военном плане это имело важную стратегическую роль в проведении коммуникаций и повышения мобильности;

- в-третьих, проведение Горькой линии, перенесенной южнее на 250 верст от ранее существовавшей Старой, создало условия для увеличения численности русского населения в регионе. Запретительными мерами по пересечению линии казаками центральные органы и военные власти стремились усилить свое присутствие, предвидя внешнеполитические осложнения. Главным элементом в осуществлении этой задачи стали военные: части линейных гарнизонов и нерегулярные войска, ставшие основой Сибирского казачьего войска;

- в-четвертых, благодаря мерам правительства в отношении казачества (освобождение от казенного хлебопашества, разрешение меновой торговли, наделение землей, увеличение жалования и др.), и принудительной военной колонизации была решена задача обеспечения Горькой линии людскими ресурсами. К началу XIX в. все население линии было включено в состав Сибирского казачьего войска;

- в-пятых, строительство Горькой линии позволило отторгнуть у казахов Среднего жуза 70 тысяч квадратных верст земли. С потерей земель нарушились традиционные маршруты кочевания, что, в конечном итоге, привело к социально-экономическому упадку родоплеменной общины. Это привело к обострению земельного вопроса, а расселение казахских родов внутрь и за линию, вело к разделению единого народа и его территории, что ослабляло сопротивление колонизации.

Дальнейшее продвижение на Восток требовало создания мощного укрепленного тыла на территории Северного Казахстана. На участке от Орска, Троицка до Звериноголовской крепости был использован план продвижения в глубь степи, сплошной линией укреплений, сработавший на Горькой линии.

Возведение Новой линии так же затронуло жизненно-важные интересы казахского народа, нарушив их территориальную обособленность, и лишило его пастбищ, подорвав основы животноводческого хозяйства.

Первым шагом в этом направлении было, начатое в 1811 г. строительство Новоилецкой линии, которая закрыла Оренбург со стороны степи и создало условия для переноса Старой линии. Окончательно проект строительства Новой линии был разработан П. П. Сухтеленем, а претворен в жизнь В.А.Перовским. Особенностью этого проекта было то, что в отличие от Горькой линии, здесь, на заселяемых территориях, не предусматривалось

наличие гражданского населения. Все населенные пункты переводились в статус военных поселений.

Строительство таких поселений было вызвано тем, что Новая линия рассматривалась правительством как плацдарм для оперативного броска на Хиву и Коканд, вследствие чего линия уже не выполняла пограничные функции как Горькая, а решала внутренние: полицейские и карательные. Выполнение данных функций требовало однородности и военной подготовленности населения, что объясняет второе отличие колонизации Новой линии от Горькой: перевод всего населения в казачье сословие.

Таким образом, благодаря мероприятиям правительства, удалось создать цельную (имеется в виду, что земли Оренбургского войска не разрывались череполосицами государственной и крестьянской запашки) территорию с, почти однородным военно-казачьим населением, которое к середине XIX в. в два раза превышало коренное население. К тому же передача управления казачьему командованию, независимому от губернской администрации, фактически превратила Новолинейный район в военный округ, ставший источником для дальнейшего продвижения на Восток.

Отторжение у казахских родов 4,5 млн. десятин плодородной земли и их военно-казачья колонизация изменили социально-демографическую ситуацию в регионе. Наличие мощного военизированного района в северном регионе Казахстана быстро сказалось на темпах колонизации остальной части казахских земель. Свидетельством этого служит появление в течение четырех лет (1843-1847гг.) таких крупных форпостов как Аман-Карагайское (Кушмурун) и Оренбургское (Тургай) укрепления. Поскольку их снабжение осуществлялось с Новой и Горькой линий, а назначение состояло в контроле за ситуацией в степи, в подавлении национально-освободительного движения казахов и создании базы для последующих военных походов, то их гарнизоны составили солдаты и офицеры регулярных войск. Вновь построенные форпосты были хорошо укреплены, а сеть проложенных коммуникаций обеспечивала мобильность войск и безопасность сообщений с Новой и Горькой линиями.

Итак, начиная с середины XVIII в. по 30-40-е годы XIX в., территория Северного Казахстана была опоясана с трех сторон новыми крепостными сооружениями. Тем самым претворялся в жизнь стратегический план оренбургского губернатора И.И. Неплюева по военному продвижению в степь «сплошной линией крепостей».

Новоишимская (Горькая) линия значительно продвинула позиции России со стороны Западной Сибири на протяжении от Троицка до Омска. А Новооренбургская линия аналогично распространила и укрепила сферы воздействия на Северный Казахстан со стороны Южного Урала, на протяжении от Орска до Троицка. Эти рубежи фактически предопределили в будущем границы двух ныне суверенных государств.

Новые крепостные линии решали ряд стратегических и тактических задач:

- защитно-оборонительные. Этого требовали внешнеполитические условия, связанные с текущей ситуацией с Джунгарией и Китаем, а в перспективе и во взаимоотношениях со Средней Азией и Британской империей;

- административно-контролирующие. Через линии осуществлялось управление и регулирование ситуации не только в данном регионе, но и на территории племен Младшего и Среднего жузов;

- социально-демографические. Эти линии стали районами интенсивного заселения военно-казачьим и крестьянским сословием, запретительными мерами с территории выселялись казахи, изменялась демографическая картина. Увеличилось число населенных пунктов, в основном военного характера;

- экономические. Через линии осуществлялась официальная торговля с Казахстаном, Китаем, Средней Азией. За этот период значительно возрос товарооборот, что приносило доходы в государственную казну. Создание линий способствовало расширению территории общероссийского рынка.

В целом, все это отвечало геополитическим интересам империи.

3. На первоначальном этапе колонизации северного региона Казахстана Россия еще не была настолько сильна как империя, чтобы действовать только военными методами. Содержание военных линий и соответствующей инфраструктуры требовали значительных средств и большей мобильности. Это определило характер отношений колониальных властей с «иногородцами» и повлияло на особенности развития линейной торговли.

Формирование Российской империи и превращение в многонациональную державу отличалось сочетанием вольных акций с дипломатическими контактами и соглашениями с народами сопредельных областей и регионов. В ходе таких контактов вырабатывались определенные формы и принципы взаимоотношений.

Важную роль, особенно на первых этапах, сыграл институт вассалитета, оформлявшийся специальной жалованной грамотой, присягой на верность, назначением содержания вассалам и выдачей ими заложников (аманатов).

Этносоциальный фактор, несомненно, сказался на становлении и развитии политико-административного устройства в крае, хотя его реальное воздействие проявлялось больше в завуалированной форме, поскольку российская система опиралась не на этнический, а на территориальный принцип. Концептуальной базой такого подхода служила идея единого и неделимого централизованного государства.

Чтобы оправдать политику завоевания имперская доктрина давала крайне негативную характеристику народа. Описывая жизнь кочевников, государственные деятели, учёные, военные, чиновники и просто обыватели не скупались на отрицательные эпитеты. Отрицательные этнопсихологические характеристики выступали также как средство идеологической войны, способствуя формированию негативных стереотипов. Подобные оценки кочевников были результатом оправдывания военного характера политики России в степи, неприятия иного образа жизни и способствовали выработке имперской тактики по необходимости использования жёстких политических принципов в отношениях с кочевниками. При этом русская власть должна постоянно демонстрировать включённым в империю азиатским народам своё гражданское превосходство, преимущество европейской системы управления и суда.

В целом, в установившейся практике управления, которую можно охарактеризовать как своеобразный политический функционализм, нашла отражение не столько, ясно сформулированная концепция управления новыми территориями, сколько вынужденный прагматизм.

Судебные прерогативы (решение споров), формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь казахов и опора на местную знать позволили превратить последних в прочное звено управления. С середины XVIII в. от невмешательства во внутреннюю жизнь правительство начало переходить к юридическому определению их правового положения, к разработке их прав и обязанностей, к узакониванию власти и должностей местной знати.

На этом этапе русско-казахских отношений царизм придавал немаловажное значение установлению и упрочению связи с казахской знатью, от лояльности которой зависели темпы военной, а затем и гражданской колонизации. Привлечение на свою сторону казахской знати стало одним из направлений в деятельности военных властей в отношениях со степью. Стержнем российской политики в отношении присоединяемых народов была идея социальной ассимиляции, поэтому казахская знать не лишалась своего привилегированного положения, сохраняя власть, веру и т.д., а со временем поступала на российскую службу и получала дополнительные льготы в обмен на отказ от самостоятельности.

Одной из форм проявления этносоциального фактора явилось зарождение и развитие нового слоя «инородческой» бюрократии. Общей тенденцией самодержавной политики было привлечение элиты коренного населения к административному управлению.

Привлечение на свою сторону казахской знати стало одним из направлений в деятельности военных властей в отношениях со степью. Это показывало народным массам, даже если они недовольны своим правителем, что последних поддерживает русская власть, у которой они могли бы найти защиту и покровительство. Поэтому нужна была сбалансированная социальная политика, учитывающая, что у местной верхушки могут быть цели, противоположные интересам России. И по мере дальнейшего укрепления доверия к властям будут созданы основательные условия для упрочения положения в регионе.

Царские чиновники широко использовали традиционную для казахов практику обмена подарками, которая воспринималась последними, как символ дружеских отношений. Не менее распространенным методом влияния на представителей казахской знати было признание за ними традиционных титулов и званий. Основными атрибутами данного способа выступали соответствующие рангу подарки, специальные указы и грамоты, специально наряженные посольства, процедура присвоения титула.

Признавая за казахской знатью их традиционные титулы, царское правительство между тем стремилось официально оформить их принятие в российское подданство. Его атрибутом являлось принятие присяги и проведение церемонии вручения знаков ханской власти. Эти «дружественные»

договоры приводили к признанию права решающего голоса за более сильным партнером и фактически такая клятва была первым шагом официального признания своей зависимости.

Другим способом привлечения казахской знати на сторону колониальных властей служили награды, под которыми подразумевался широкий спектр поощрений и льгот: разрешение на кочевку внутри линии, выдача годового жалования, разрешение на торговлю и т.д.

Еще одним инструментом колониальной политики была разведывательная служба. Не доверяя правителям казахских жузов и родов, а также планируя дальнейшее продвижение, военное линейное командование использовало в северном регионе разветвленную шпионскую сеть из русских и татарских купцов, служивших людей, офицерства и казачества, писарей-переводчиков, некоторых представителей казахской знати. Для обеспечения полноты достоверности донесений и возможности негласной проверки работы агентов широко использовалось перекрестное наблюдение. Все донесения направлялись в канцелярии оренбургского губернатора и командира Сибирского корпуса для анализа и последующей разработки мероприятий.

Не менее важным инструментом колониальной политики в отношении казахской знати был институт аманатства, который военная администрация считала действенным средством давления на местную знать. Аманаты были гарантией верности казахских правителей и потеряли свое значение только к первой трети XIX в., в связи с окончательной утратой самостоятельности казахскими жузами и развитием экономических форм воздействия.

Экономическими рычагами колониальной политики Российской империи в этом регионе Казахстана явились линейная торговля и гражданское заселение линий.

Открытие торгового пути в Троицкой крепости, в 1759 г. в Петропавловской крепости и в 1766 г. в Пресногорьковской, а затем ярмарок в степи, были крупными мероприятиями военной администрации, обеспечивающими широкую дорогу в степь русскому влиянию.

Построенные военные линии в Северном Казахстане расширили хозяйственные отношения с казахским населением, стали играть большую роль в увеличении объемов торговли России с Казахстаном, со Средней Азией и Китаем. Геополитические задачи, вызванные форсированным включением казахских земель, хозяйственного освоения империи, поиска дешевых и близких рынков продукции российского производства, создавали условия для развития внешней и внутренней торговли. Расширение линейной торговли не только укрепляло экономические связи со степью, но и служило источником пополнения государственной казны, обеспечивало линию необходимой инфраструктурой, но и способствовало проникновению, через предметы материальной культуры, другого образа жизни.

Для более эффективного закрепления осуществлялась колонизация земель, отторгнутых у казахских родов Среднего жуза. Она осуществлялась в трех формах: вольной, смешанной и правительственной. Самые незначительные масштабы имело вольное заселение территории. Более распространенной

являлась смешанная колонизация, поскольку полагались льготы, позволяющие наладить хозяйство. Однако, основную массу поселенцев дала правительственная колонизация, проходившая организованно, под постоянным контролем властей. Использование всех трех форм казачье-крестьянской колонизации позволило не только значительно увеличить долю русского населения на территории вдоль укреплений Горькой и Новооренбургской линий, но и фактически закрепить ее за Российской империей.

Таким образом, политика социальной ассимиляции, военно-гражданская колонизация, линейная торговля укрепляли экономические и политические связи России со степью и, в то же время, разрушали кочевой уклад жизни, изменяли социальную структуру общества, способствовали «поглощению» некогда самостоятельного государства и превращению его в колонию Российской империи.

Несомненно, военный фактор играл во многом решающую роль в колонизации новых просторов и определял векторы политики в степи.

Военно-стратегические мероприятия Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. в северном регионе Казахстана значительно укрепили позиции царизма в регионе. В этот период была сформирована специализированная военно-колониальная система, главным инструментом которой служили казачьи войска, наделяемые государством льготами, привилегиями и землями, изымаемыми у местного населения.

Тем самым власти стремились превратить этот край в органическую часть России, интегрировать его в инфраструктуру государства в политическом, социально-экономическом и культурно-идеологическом отношениях. Обширность этой территории, её пограничное положение, волнения, продолжающиеся среди коренного населения, требовали укрепления органов колониальной власти и расширения их полномочий. Для реализации этого плана были решены задачи по строительству укрепленных линий в степи, по концентрации военных сил и укреплению Оренбургского и Западно-Сибирского казачества.

Колонизационная политика и административно-территориальные преобразования в Российской империи во второй половине XVIII – до середины XIX в. предопределили в дальнейшем развитие трансграничной зоны.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 296 с.
- 2 Букейхан А.Н. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи // В кн.: Избранное. – Алматы, 1995. – 478 с.
- 3 Козыбаев М.К. История и ее современность. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 254 с.
- 4 Назарбаев Н.А. На пороге XXI в. – Алматы: Санат, 1997. - 232 с.
- 5 Назарбаев Н.А. Идейная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана. Фонд политических исследований «Казахстан – XXI век». – Алматы, 1993. – 120 с.
- 6 Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. – М.: Аким, 1996. – 447 с.
- 7 Ремезовская летопись: летопись Сибирская: исследование, текст и перевод: науч.- справ. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. – 167 с.
- 8 Октябрьская И.В. Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX-XX вв.: автореф. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 46 с.
- 9 Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Восточная литература, 1999. - Т. 1. – 630 с.
- 10 Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием // В кн.: Прошлое Казахстана в источниках и материалах. – Алматы: Казахстан, 1997. - Ч. 1, сб. 1. – 383 с.
- 11 Паллас П.С. Петра Симона Палласа путешествия по разным провинциям Российского государства. Путешествие, бывшее в 1768 и 1769 г. – СПб.: Академия наук, 1773. – Ч. 1.- 472 с.
- 12 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав и вероисповеданий и прочих достопамятностей. – СПб.: И. Глазунова, 1777. – 327 с.
- 13 Фальк И.П. Записки путешествия академика И.П. Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. – СПб., 1824. - Т. 6. - 499 с.
- 14 Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Ғылым, 1998. – 280 с.
- 15 Татищев В.Н. История Российская. – М.-Л.: Акад. Наук СССР, 1962. - Т. 1. – 500 с.
- 16 Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1756). – Оренбург, 1896. – 95 с.
- 17 Рычков П.И. Топография Оренбургская. – Оренбург, 1887. - 18 с.
- 18 Рычков П.И., Рычков Н.П. Капитан жазбалары. – Алматы: Ана тілі, 1995. – 104 с.
- 19 Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). История Казахстана в русских источниках. – Алматы: Дайк-пресс, 2005. - Т. 3. – 484 с.

- 20 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. - Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
- 21 Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 879 с.
- 22 Ключевский В.О. //Соч.: 9 т. – М.: Мысль, 1987. - Т. 1, ч. 1. – 430 с.
- 23 Костомаров М.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Олма-Пресс Образование, 2004. – 780 с.
- 24 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1988 – 797 с.
- 25 Броневский С.Б. Из записки начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майора Броневского, представленной генерал-губернатору Западной Сибири о положении в Среднем жузе // В кн.: Казахско-русские отношения в XVIII-XIXвв. – Алма-Ата, 1964. - С. 254-256.
- 26 Генс Г.Ф. // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. - М., 1908. - Вып. 19. - С. 168-182.
- 27 Бартольд В.В. Абулхаир // Соч. – М.: Наука, 1964. - Т. 2, ч. 2. – С. 489-490.; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абулхаир-хана. - Уфа, 1853. - Т. 1. – 248 с.; Уфа, 1855. - Т. 2. – 64 с.; Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии: ист. очерк. - СПб., 1874. - Т. 1. – С. 233-261.; Ханьков Я.В. Материалы для статистики народонаселения Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости. – 1853. - № 2.; Березин И.Н. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского университете И. Березина // Журн. М-ва нар. Просвещения. - 1847. - Ч. 55. - С. 1-24.; Харузин А.А. Киргизы Букеевской орды. - М., 1889. – 939 с.; Лобысевич Ф.И. Главные начальники Оренбургского края. 1734-1870 // Военный сборник, 1872. - № 5. – С. 41-68; Лобысевич Ф.И. Тургайская область и ее устройства // Военный сборник. – 1871. - № 4. – С. 271-282.
- 28 Алекторов А.С. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883. – 128 с.
- 29 Добросмыслов А.И. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края // Матер. по истории России. – Оренбург, 1900. - Т. 1. – 279 с.
- 30 Добросмыслов А.И. Тургайская область: исторический очерк. - Тверь, 1902. - Т. 1. – 524 с.
- 31 Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Сибирско – киргизская степь. – М., 1867. - Т. 3. – 342 с.
- 32 Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – 522 с.
- 33 Мейер Л.И. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – 288 с.
- 34 Небольсин П.И. Покорение Сибири. - СПб., 1849. – 344 с.
- 35 Красовский М.И. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргиз. - СПб., 1868. - Ч. II. – 464 с.



36 Золотов П.А. Некоторые сведения о бывшей Западно-Сибирской военной границе в минувшем столетии // Семипалатинские областные ведомости. – 1875. - № 22-24.; Первое заселения бывшей Западно-Сибирской военной границы свободными обывателями //Акмолинские областные ведомости. – 1875. - № 9.; Генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер. - Омск, 1877. - 128 с.; Материалы для истории сибирского казачьего войска. - Омск, 1878. – 268 с.; О сибирских переводчиках и толмачах во 2-й половине XVIII в //Акмолинские областные ведомости. – 1876. № 1,2.

37 Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1867. – 306 с.

38 Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. – СПб., 1890. – 375 с.

39 Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1873. – 487 с.

40 Ремнев А.В. Естественные границы империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.): матер. II Междунар. науч. конф / под ред. А.П. Толочко. – Омск. гос. ун-т, 2001. – 269 с.

41 Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб., 1879. – 119 с.

42 Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времен водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. – Омск, 1891. – 229 с.

43 Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1891. – 250 с.

44 Хорошхин М.П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. – СПб., 1881. – 391 с.

45 Бларамберг И.Ф. Земли киргиз – кайсаков Оренбургского ведомства. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1848. - Т. XIV, ч. 3. – 119 с.

46 Железнов И.И. Полное собрание сочинений И.И. Железнова. – Спб.: Эпиграф, 1910. - Т. 1. – 489 с.

47 Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань, 1897. - Т.1.- 70 с.; Т.2. - 616 с.; Т.3. – 617 с.

48 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. - Кн.1. – 326 с.; Кн. 2. - 364 с.

49 Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири //Соч. – М.-Л., 1941. – Т.2. - 432 с.

50 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1882. – 472 с.

51 Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. – 328 с.; Шашков С.С. //Соч.: в 2 т. - СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1898.; Исторические очерки. Исторические этюды. - Т. 1-2. – 667 с.

52 Головачев П.М. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. - № 9. – С. 49-68.

- 53 Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири. – Иркутск, 1888. – 779 с.
- 54 Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. – М., 1867. – 393 с.
- 55 Катанаев Г.Е. К вопросу о так называемых «земельных захватах» Сибирского казачьего войска. – Омск, 1898. – 19 с.; Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. – Омск, 1904. – 32 с.
- 56 Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. – Спб., 1908. – 67 с.
- 57 ГАОМО Ф.336. Личный фонд Катанаева Георгия Ефремовича.
- 58 Мукатаева Л.К. Жизнь и деятельность исследователя Степного края: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2002. – 24 с.; XIX ғасырдың 20-шы жылдарындағы қазақ даласының ақсүйектеріне қатысты патша әкімшілігінің саясаты // Сібір зерттеушісі Г.Е. Катанаевтің еңбектері бойынша; // 10-летие суверенного Казахстана: история и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Петропавловск.: СКУ, 2002. – С. 136-139.; Экспансия России в Степной край в XIX веке. (По архивным материалам личного фонда Г.Н. Катанаева) // Валихановские чтения-7: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Кокшетау, 2002. – С. 176-179.; Катанаев Г.Е. О земельном праве в Степном крае // Проблемы реализации норм права. – Костанай: КГУ, 2002. – С. 228-231.
- 59 Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве: записки Западно – Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1895. – Кн. 18, вып. 2. – С. 1-62.
- 60 Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – 196 с.
- 61 Казахская литература. – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – 560 с.
- 62 Дулатов М. // Шығармалары. – Алматы, 1991. – 329 с.
- 63 Досмухамедұлы Х. Таңдамалы. Избранное. – Алматы: Ана тілі, 1998. – 383 с.
- 64 Байтұрсынов Ахмет. Ақ жол (Возрождение). – Алма-Ата: Жалын, 1991. – 463 с.
- 65 Устинов В.М. Турар Рыскулов. – Алматы: Казахстан, 1996. – 464 с.
- 66 Сафаров Г.И. Колониальная революция. – Алматы: Жалын, 1996. – 272 с.
- 67 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – Алматы: Қазақ университеті, 1993. – 304 с.
- 68 Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Қазақ университеті, 1993. – 224 с.
- 69 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1993. – 781 с.
- 70 Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836-1838г.г.): очерки по истории национальных движений казахского народа. (По материалам Центрального Государственного Архива Казахстана). – Алма-Ата: Алтын Орда, 1991. – 102 с.; Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. – Л.: Госполитиздат, 1941. – Т.1. – 438 с.; Рязанов А.Ф. Восстание Кенисары Касымова (1837-1847г.г.): исторический очерк. – Алматы: Айкап, 1993. – 32 с.;

Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. - Алма-Ата: АН КазССР, 1946. – 254 с.

71 Шонанұлы Т. Жер тағдыры – ел тағдыры. – Алматы, 1995. – 224 б.

72 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-40-е годы XIX в. – Алматы: Қазақ университеті, 1992. – 400 с.

73 Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: АН СССР, 1957. - 342 с.

74 Зиманов С.З. Общественный строй казах в первой половине XIX в. – Алма-Ата, 1958. – 296 с.

75 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII- начале XX в.: политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 633 с.

76 Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. – Алма-Ата, 1982. – 282 с.

77 Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. – Новосибирск: Наука, 1965. – 268 с.

78 Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. – Омск, 1973. – 440 с.

79 Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.

80 Петров В.И. Из истории военных поселений на территории Казахстана // История, философия, экономика: сб. ст. – Алма-Ата: АН КазССР, 1962. - С. 145-150.

81 Гордеев А.А. История казаков. – М.: Страстной бульвар, 1992. - Ч.1. – 176 с.; Ч. 3. – 352 с.; Быкадоров И.Ф. История казаков. – Прага, 1936. – 100 с.

82 Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI- первой половине XIX веков. – М.: Наука, 1976; Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX веков. – М.: АН СССР, 1960. – 455 с.; Особенности возникновения городов Оренбургского края в XVIII в // Города феодальной России. - М.: Наука, 1966. - С. 456-462; Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. – Алма-Ата: АН КазССР, 1948. – 254 с.

83 Алексеенко Н.В. К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII – первой половине XIX вв // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: докл. и сообщ. науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири. - Свердловск: СГПИ, 1966. - С. 28-35; Алексеенко Н.В. Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XIX в.: автореф. ... докт. ист. наук. – Л., 1967. - 31 с.

84 Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в // В кн.: Казахстан в XV – XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1969. - С. 50-146.; О взаимоотношениях царской администрации с казахскими владельцами в 40-х годах XVIII в. Серия общественных наук. – Алма-Ата: АН КазССР., 1967. - № 3. - С. 45-60.; Басин В.Я., Сабырханов А.С. Социально-экономическое и политическое положение казахских ханств в 40-80-х годах

XVIII в // В кн.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. - Алма-Ата: Наука, 1979. - Т. 3. - С. 35-52.

85 Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Навеки вместе. – Алма-Ата: Знание, 1980. – 48 с.

86 Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. – Алма-Ата, 1986. – 136 с.; Басин В.Я., Касымбаев Ж.К. Верхнеиртышские крепости и упрочение русско-казахских политических отношений во второй половине XVIII в. Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1985. – С. 44-51.

87 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. – М.: Наука, 1986. – 243 с.

88 Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. – М.: Наука, 1980. – 280 с.

89 Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII-начале XX веков. – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 64 с.; Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. - 200 с.

90 Касымбаев Ж.К. Русские военно-оборонительные пункты в защите казахских земель от врагов // Военно-исторический журнал. - 1981. - № 11.

91 Черныш П.М. Очерки истории Кустанайской области. - Кустанай, 1995. – 276 с.; Кустанай: вчера, сегодня, завтра. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 248 с.

92 Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии: сб. 31. – М., 1953. – С. 220 - 241.

93 Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений: записки по краеведению Омской области. – Омск, 1972. – С. 52-61.

94 Туманшин К.М. История развития Петропавловска и его уезда: автореф. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1960. – 24 с.

95 Алдабергенов М.Н. Хозяйственное освоение Северного Казахстана в XIX в.: автореф. ... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1990. – 24 с.

96 Olcott M.V. The Kazakhs, Hoover Institution Press, Stanford. - California, 1987. – 388 p.

97 Скайлер Ю. Түркістан. Орыс Түркістаны, Қоқан, Бұхара және Құлжаға саяхат жазбалары // В кн.: Қазақтар шетел әдебиетінде. – Алматы: Атамұра – Қазақстан, 1994. - 240 б.

98 Краусс А. Ресейдің Орта Азиядағы жаулаушылық тарихы, 1558-1899 жылдар // В кн.: Қазақтар шетел әдебиетінде. – Алматы: Атамұра – Қазақстан, 1994. - 240 б.

99 Козыбаев М.К. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории // В кн.: Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2006. – С. 14-26.

100 Козыбаев М. К. Правда и мифы о Ермаке. История и современность. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 254 с.

101 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. – Алматы: Атамұра, 2000. - Т. 3. – 768 с.

102 Қойгелдиев М., Омарбеков Т. Тарих тағылымы не дейді. – Алматы: Ана тілі, 1993. – 208 б; Мырзахметов М. Қазақ қалай орыстандырылды. – Алматы: Атамұра, 1993. – 128 б.

103 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX веке – начале XX в.в. – Алматы: Жеті Жарғы, 1996. – 352 с.

104 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик: научное издание. – Алматы: Санат, 1999. – 336 с.

105 Касымбаев Ж.К. История города Акмолы (1832-1917гг.) – Алматы: Атамұра, 1995. – 112 с.; Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). – Алматы: Білім, 1999. – 254 с.

106 Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1994. – 160 с.

107 Абдиров М.Ж. Военно-казачья колонизация Казахстана (конец XVI - нач XXвв.): автореф. ... докт. ист. наук. - Алматы, 1997. – 43 с.

108 Абуев К.К. Кокшетау. Исторические очерки. – Кокшетау, 1997. – 300 с.

109 Терещук В.А. Рассказы о Кокчетаве. – Кокчетав, 1992. – 462 с.

110 Кабульдинов З.Е. Казахи Тобольской и Томской губерний во второй половине XVIII - начале XX вв. - Павлодар, 2001. - 293 с.; Мажитова Ж.С. Военное присутствие России в Северо-Западном Казахстане в XVIII - начале XIX в: автореф. ... канд. ист. наук. - Караганда, 1997. – 24 с.; Мусырманова А.Ш. Сибирское казачество на рубеже XIX - XX вв: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1995. - 176 с.; Мухтарова Г.Д. Национально-освободительная борьба казахского народа в последней четверти XVIII – 70гг. XIXвв. Актуальные проблемы историографии: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 24 с.; Мадуанов С. Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII – начале XXв: автореф. ... докт. ист. наук. Алматы, 1997. – 24 с.; Аубакирова Х.А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824-1847): автореф. ... канд. ист. наук. - Астана, 2000. – 24 с.; Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII - нач XXвв.): автореф. ... докт. ист. наук. – Алматы, 1999. – 45 с.; Абдильдабекова А.М. Историография присоединения Казахстана к России: автореф. ... канд. ист. наук. - Алматы, 2001. - 29 с.; Сыздыкова Е.С. Вопросы истории Казахстана XIX в. В трудах офицеров Генерального Штаба Российской империи: автореф. ... канд. ист. наук. - Астана, 2000. – 31 с.; Далаева Т.Т. Побудительные мотивы и последствия военно-колониальных акций царизма в Южном Казахстане и Семиречье (40-60гг. XIXвв.): автореф. ... докт. ист. наук. - Алматы, 1998. – 29 с.; Кокеев А.Д. Военно-политическая экспансия России на юге и востоке Казахстана в конце XVIII – середине XIX вв. в освещении дореволюционной и советской историографии: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. - 27 с.; Бижигитова К.С. Аграрные отношения в Сибирском казачьем войске во 2-й

пол. XIX - начале XX вв: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы: КазНАУ, 2001. – 134 с.

111 Нурбаев Ж.К. Колонизация Северо-Центрального Казахстана (XVIII-первая пол. XIX в.): автореф. ... докт. ист. наук. - Алматы, 2009. – 40 с.

112 Қарасаев Ғ.М. Қазақстан және Алтай өңірі XVIII-XX ғасырлар аралығында. – Өскемен, 2004. - 392 б.; Қазақ жерін әскери қоныстандырудың кейбір мәселелері туралы (Шығыс Қазақстан, Алтай өңірі тарихынан XVIII ғасырдың басы – XIX ғ. аяғы) // Изденіс. – 2004. - № 1. – Б. 5-9.; Алдабергенов К.М. Қазақтың отарлау тарихы: оқу құралы. – Павлодар: Кересу, 2009. – 282 б.

113 Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи как источник по истории колонизации Казахстана XVIII – начала XX в.: автореф. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2009. – 44 с.

114 Кусайнулы К. Читая документы о казахстанско-российских отношениях в XVIII-XIX веках. – Алматы: Данекер, 2001. – 141 с.

115 Жакыпбек С.И. История Казахстана (XVIII – начало XX в.) //Сб. документов и материалов – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 314 с.

116 Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің Қазақстандағы мемлекеттік басқару мекемесінің тарихы. – Алматы: Санат, 1994. – 135 б.

117 Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. – Алматы: Данекер, 1999. – 295 с.

118 Ешмухаметов С., Жакеев С. Из истории казахов. – Алматы: ТОО Жалын, 1999. – 528 с.

119 Футорянский Л.И. История Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – 351 с.; Казачество России на рубеже веков. – Оренбург: Печатный Дом ДИМУР, 1997. – 200 с.

120 Мамин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. – Челябинск, 1976. – 192 с.

121 Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII - первая половина XIX в. – М.: Институт российской истории РАН, 1996. – 304 с.

122 Бекмаханова Н.Е. Казачьи войска Азиатской России в XVIII - начале XX в. - М.: Институт Российской истории РАН, 2000. – 430 с.

123 Глуценко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. – М.: Вузовская книга, 2000. – 296 с.

124 Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 2002. – 752 с.

125 Мамонов В.Ф., Кобзов В.С. Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинский государственный университет. Челябинск, 1992. – 116 с.; Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. - М.: АОЗТ Эпоха, Русская книга, 1995. – 560 с.; Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Литературная газета. - 1990, сентябрь – 18.

126 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 296 с.

127 Кузьмин Г.А. Истоки русского национального характера // Вестник МГУ. Серия историческая. – 1993. – № 5. – С. 13-22.; Цимбаев Н.И. Россия и русские // Вестник МГУ. Серия историческая. – 1993. - № 5. – С. 23-32.

128 Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск: Курсив, 1996. – 526 с.

129 Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с.

130 Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.): матер. II Междунар. науч. конф. – Омск, 2001. – 269 с.; Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщений V Междунар. науч. конф. – Омск, 2007. – 260 с.

131 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. – СПб., 1903. - Т. 18. – 478 с.

132 Живописная Россия. – СПб., 1901. - Т. 8, ч. 2. – 312 с.

133 Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. – Оренбург, 1844. - Вып.1. – 312 с.; Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. – Оренбург, 1910. – 285 с.; Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. – Оренбург, 1911. – 283 с.; Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Актюбинский уезд. – Оренбург, 1912. – 417 с.; Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Кустанайский уезд. – Оренбург, 1913. – 478 с.; Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Иргизский уезд. – Оренбург, 1913. – 320 с.

134 Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв // Сб. докум. и матер. – Алма-Ата, 1961. – 740 с.

135 Казахско-русские отношения в XVIII-XIX в. – Алма-Ата, 1964. – 576 с.

136 Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828гг.) – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 543 с.

137 Дала уалаятының газеті. – Алматы: Ғылым, 1994. – 816 б.

138 Тевкелев А.И. Сначала какое высокое разсуждение было и с пользою признано киргис-кайсацкие орды в потданство Российской империи о принятии способы искать // В кн.: История Казахстана в русских источниках. – Алматы, 2005. - Т.3. – 484 с.

139 Указ царя Петра подполковнику Бухгольцу о поисках золота. - ГАОМО РФ. - Ф. 366, оп.1, д. 2.

140 Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-69гг. – СПб.: Изд. Центр.Стат.Комитета Мин.Вн.Дел. - 1871. – 874 с.

141 Росписание штата войск на линии.- ГАОМО. - Ф.1., оп.1, д.62.

- 142 Полное собрание законов Российской Империи. – СПб.: Типография II Отд. – Т.1. - № 9869.
- 143 Об охране Старой Ишимской линии. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 41.
- 144 Севастьянов С. Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. 1899. - Вып. V. - С. 82-111.
- 145 Реестр входящих документов в Канцелярию Оренбургской комиссии за май 1734 – сентябрь 1741. Ведомости по учету выстроенных крепостей и зданий за 1742 г. – ГАОО. - Ф. 2., оп.1, д. 13.
- 146 О размещении регулярных войск на Старой Оренбургской линии. - ЦГА РК. - Ф. 4, оп.1, д. 312.
- 147 Адрес-календарь и памятная книга Оренбургской губернии на 1895 г. – Оренбург, 1894. – 157 с.
- 148 «Оренбургский листок» – 1884г., № 16.
- 149 «Оренбургская газета» – 1872г., 26 мая.
- 150 Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.17. – Оренбург, 1907. – 269 с.
- 151 Оренбургский листок. – 1884. - № 16.
- 152 Оренбургский листок. – 1881. - № 42.
- 153 Жуковский И. Краткая географическое и статистическое описание Оренбургской губернии /сост. в 1842 г. – Уфа, 1880. – 103 с.
- 154 Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. – Оренбург, 1907. – Вып. XIX. - 287 с.
- 155 Полное собрание законов Российской Империи. 1798-1799. Именной данный генералу отъ Инфантеріи Барону Игельстрому, съ приложениемъ примечанія на описаніе Оренбургской линіи. - СПб.: Типография II Отд., 1830. – Т. 25. -№ 18477934.
- 156 О направлении воинских отрядов в пограничные крепости. - ГАОО РФ. - Ф.6, оп. 10, д. 4318.
- 157 О наделении землей кочующих киргизских орд. – ГАОО РФ. - Ф.6, оп.10, д. 2798.
- 158 Об охране Оренбургских пограничных линий от набегов кочевников. - ГАОО РФ. - Ф.И 167, оп.1, д. 37.
- 159 О перенесении Оренбургской пограничной линии на новое место. - ГАОО РФ. - Ф.6, оп. 7, д. 22.
- 160 Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии.– Оренбург, 1907. – Вып.18. - 224 с.
- 161 Сведения о размещении регулярных и казачьих войск в Оренбургском военном округе. - ЦГА РК. - Ф.4, оп.1, д. 376.
- 162 История Сибири. – Л.: Наука, 1968. - Т. 2. – 538 с.
- 163 Инструкция из Правительствующего Сената подполковнику В.Кутузову, командированному для проведения пограничной (Новой) линии между Оренбургской и Иртышской границами.- ГАОМО. - Ф.366, оп.1, д.13.
- 164 О секретном разведывании Новой линии с указанием мест, удобных для крепостей от Тобола до Иртыша. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 9.



- 165 О постройке крепости Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.28.
- 166 О постройке крепостей на Новой линии. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.29.
- 167 О достройке крепостей на Новой линии: крепости Св. Петра, Полуденной и др. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 46.
- 168 О постройке крепостей, редутов и маяков на Новой линии. – ГАОМО. - Ф.366, оп.1, д. 34.
- 169 Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. – Алматы: Казахстан, 1993. – 392 с.
- 170 Костанайская область. Энциклопедия. – Алматы: Арыс, 2006. – 736 с.
- 171 Промемория и списки колодникам, отправленным в крепость Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.159.
- 172 Об отправке выписных казаков Ишимского и Тобольского уездов для постройки Новой линии. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 36.
- 173 О неопределении впредь выписных казаков в работы по требованию военных команд. – ГАОМО РФ. - Ф.1, оп.1, д.37.
- 174 Об охране границ киргизских нападений. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.53.
- 175 Описание Новой линии от 1753 г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.32.
- 176 Письмо Фрауендорфа от 29 марта 1759г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.72.
- 177 Указ Военной коллегии от 30 сентября 1760г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 82.
- 178 Щекотов А.И. Словарь географический. – М., 1807. - Т.5. – 1670 с.
- 179 Полное собрание законов Российской Империи. Именной объявленный военной коллегии (по Артелерийской экспедиции) Генераль – Млгоромъ Герардомъ. – О сооружеи в предместіи города Кузнецка ретраншаментовъ, а на линияхъ Тобольской и Иртышской редутовъ. - СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 934 с.
- 180 Полное собрание законов Российской Империи. Обь отсылки части преступниковъ на Сибирскіе линіи. СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 934 с.
- 181 Об отправлении в крепости ссыльных колодников; Д.142. Промемория и список 137 колодникам, отправленных в Омскую крепость. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.106.
- 182 Рапорт с приложением плана построек крепости Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.133.
- 183 О ходе постройки крепости Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.177.
- 184 Указ Сената от 29 июля 1753 г. о передаче Звериноголовой крепости с редутом Алабутским в ведомство Оренбургской губернии. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.30.
- 185 Вестник ИРГО. - 1860. - № 8, ч. 29.– 428 с.
- 186 О поселениях и расположениях в новых крепостях и редутах регулярных и нерегулярных войск. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 61.
- 187 О недопуске перехода киргизов и их табунов на жилую сторону: указ Военной коллегии 1756. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 43.

- 188 Документы начальника Петропавловского гарнизона. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 42.
- 189 Указ Коллегии иностранных дел на имя командира корпуса Шпрингера о возможности допуска киргизов за линию. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.164.
- 190 Регистр от 7 октября 1783г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.231.
- 191 О пропуске киргизов и их табунов за линию. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 262.
- 192 Полное собрание законов Российской Империи. Именной данный Генерал-Поручику Н.Г. Огареву. – О переселении Киргиз-Кайсаков из дальних степей во внутренность России. - СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1174 с.
- 193 Рапорта, донесения командиру корпуса. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.55.
- 194 Личный фонд Катанаева Г.Е. Рукопись. Краткий обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582-1908гг. – ГАОМО. - Ф.366, оп.1, д.1.
- 195 Седелников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи. – Алма-Ата: Полиграфия, 1991. – 126 с.
- 196 Дулатұлы М. Оян, казак! – Алматы: Алтын орда, 1991. – 81 б.
- 197 О заселении Новоилецкой пограничной линии казаками и солевозцами. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д.1599.
- 198 Проект заселения территории Троицкого уезда, граничащей с киргизскими землями. (21 июля – 22 сентября 1804г.). – ГАОО. - Ф.6, оп. 2, д.1195.
- 199 Рапорт коллежского регистратора Андреева.- ГАОО. - Ф.6, оп.10, д.5661.
- 200 О перенесении линии российской границы в киргизскую степь. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д. 4290.
- 201 Мероприятия по усилению Оренбургской линии. – ГАОО. - Ф.И-169, оп.1, д.45.
- 202 Об определении мест для укреплений. – ГАОО. - Ф.И-6, оп.18, д.119.
- 203 Меры по укреплению Новоренбургской линии. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д. 4318.
- 204 Рукопись Генса Г.Ф. О сношениях русского государства с восточными народами, казахскими султанами и ханами. – ГАОО. - Ф.166, оп.1, д.3.
- 205 Рязанов А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа. 1797-1848: очерки по истории национального движения Казахстана. - Кызыл-Орда, 1926. - Ч. 1. – 298 с.
- 206 Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в Оренбургской губернии. – Оренбург, 1841. - С. 48.
- 207 Зобов Ю.С. Новые переселенцы // В кн.: История Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – 351 с.
- 208 Записки генерал-майора И.В. Чернова // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1907. – Вып. 18. - 224 с.
- 209 Статистическое описание укреплений и крепостей внешних округов Сибирских киргизов. - ЦГА РК. - Ф.374, оп.1, д.3043.

- 210 Сведения о заселении внешних окружных приказов русскими поселенцами. - ЦГА РК. - Ф.338, оп.1, д. 746.
- 211 О возведении трех укреплений в Киргизской степи при реках Тургай и Ирғиз и Мугоджарских горах. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д. 5613.
- 212 О переселении казаков вновь заведенные в Киргизской степи укреплениях. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д.6061.
- 213 Тургайская газета. - 1903. - № 26.
- 214 Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX в. – М.: Дрофа, 2000. – 512 с.
- 215 Копия Высочайшего Указа от 8 июля 1782г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 227.
- 216 Смета о стоимости мечети в крепости Святого Петра; Д.275. О построенной мечети в крепости Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д. 235.
- 217 Письмо Крафта Неплюеву от 27 января 1755г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.40.
- 218 Об отпуске денег на содержание киргиз-кайсаков. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.101.
- 219 Об отпуске денег на жалование. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.203.
- 220 Об отпуске денег на подчивание приезжающих киргиз-кайсаков. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.31.
- 221 Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX в. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 243 с.
- 222 Письмо Кульсары Деколонгу от 18 декабря 1772г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.176.
- 223 О командировании китайского посла к киргиз-кайсацкому Аблай салтану и о присечении их дальнейших свиданий с целью разрыва их взаимоотношений. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.69.
- 224 Рескрипт на имя Рейнсдорпа.- ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.225.
- 225 Переписка с киргиз-кайсацкими салтанами и старшинами. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.113.
- 226 Переписка Рейнсдорпа с Огаревым. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.214.
- 227 О кочующих киргиз-кайсаков без злого намерения. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.49.
- 228 О постройке Аблай салтану покоев. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.137.
- 229 Переписка с киргизскими старшинами. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.161.
- 230 Сабырханов А.Б. Казахско-русские отношения в 50-90-х гг. XVIII в: автореф. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1965. – 22 с.
- 231 Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.) – Алматы: Білім, 1999. – 288 с.
- 232 Об охране Оренбургской Пограничной линии от киргиз-кайсацких набегов. - ГАОО. - Ф.3, оп.1, д.103.
- 233 Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV-XIXвв. – Алматы: Ғылым, 1995. – 288 с.
- 234 О построение на линии тюремных помещений для киргизских арестантов и аманатов. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д. 3507.

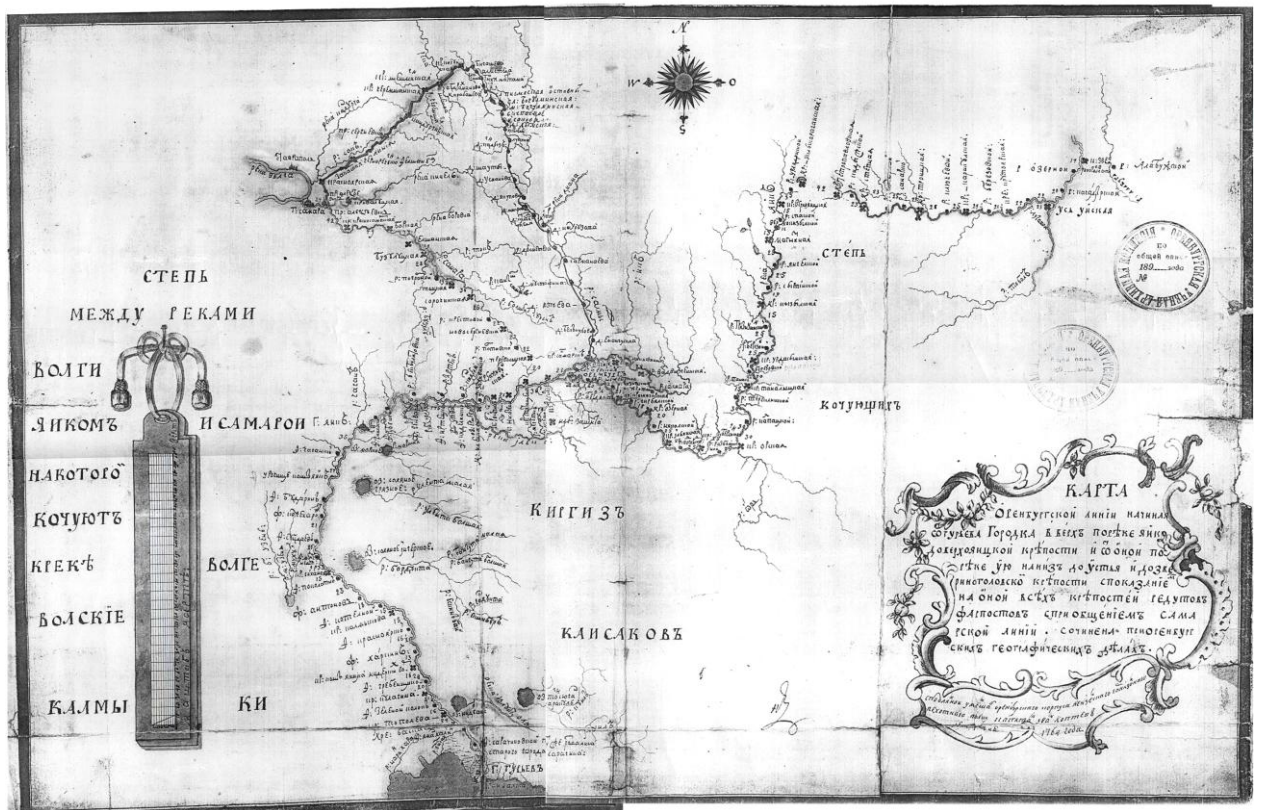
- 235 О перегоне скота внутрь линии. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д.5627.
- 236 Секретная записка командира корпуса Веймарка купцу Алиму Шихову. – ГАОМО. - Ф.1, оп. 1, д.33.
- 237 Письмо Аблай Салтана. - ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.243.
- 238 О командировании китайского посла киргиз-кайсацкому Аблай Салтану и о пресечению их дальнейших свиданий с целью разрыва их взаимоотношений. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.69.
- 239 Секретная инструкция толмачу Арапову. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.70.
- 240 Письмо толмача Мавлютова. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.262.
- 241 Письмо Кулсары. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.176.
- 242 Об отпуске денег на выдачу жалования.- ГАОМО РФ. - Ф.1, оп.1, д.273.
- 243 Письмо полковника Шрендера.- ГАОМО РФ. - Ф.1, оп.1, д.267.
- 244 Касымбаев Ж.К., Абдиров М.Ж., Волкова Т.П. Введение российской административно-политической системы в Казахстане во второй четверти XIX в // В кн.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы: Атамұра, 2000. - Т. 3. - 768 с.
- 245 Рапорта, донесения об отправлении на Новую линию воинских команд. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.62.
- 246 Письмо Рейнсдорпа Деколону от 17 февраля 1772г. - ГАОМО РФ. - Ф.1, оп.1, д.175.
- 247 Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. – М.: Институт Российской истории РАН, 1996. – 96 с.
- 248 Об отправлении в Омскую крепость 150-ти ссыльных колодников. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.106, лл.102,218,445-448.
- 249 Об образовании в Сибири городских казаков. ЛЛ.14-15. -ГАОМО РФ. - Ф.2, оп.1, д.50.
- 250 Переписка командира Сибирского корпуса. - ГАОМО РФ. - Ф.1, оп.1, д.158.
- 251 О ежедневных разъездах и крепкой предосторожности от калмык киргиз-кайсаков и протчих орд. – ГАОМО. - Ф.114, оп.1, д.7.
- 252 О мерах предосторожности при переправе киргиз-кайсаков в район расположения крепостей. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.66.
- 253 О недопущении киргизских табунов во внутреннюю сторону.- ГАОМО. – Ф.1, оп.1, д. 89.
- 254 Добросмыслов А.И. Тургайская область. Известия Оренбургского отдела ИРГО.– Тверь, 1902. – Вып.17. - 524 с.
- 255 О направлении ссыльных.- ГАОО. - Ф.3, оп.1, д.139.
- 256 Об учереждении в Сибири карабинерных и пехотных полков из беглецов.- ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.119.
- 257 Промемория и список 137 колодникам отправленным в Омскую крепость. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.142.
- 258 ГА СКО. - Ф.158, оп.1, д. 6.
- 259 ГАОМО Ф.1.Оп.1.Д.148. Промемория об отправлении из Тобольска в Омск женок и девок для замужества.
- 260 О самовольно поселившихся крестьянах. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.63.

- 261 Сведения о количестве дворов и форштадтах. - ГА СКО. - Ф. 148, оп.1, д.40.
- 262 О крестьянах самовольно водворившихся. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.16.
- 263 Полное собрание законов Российской Империи.– СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.16, № 11679. - 1174 с.
- 264 Полное собрание законов Российской Империи. – СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.15, № 11124. -1174 с.
- 265 Золотов П.А.Материалы для истории сибирского казачьего войска. – Омск, 1878. – 268 с.
- 266 Полное собрание законов Российской Империи. – СПб.: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.16, № 11633. - 1174 с.
- 267 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1910. – Вып. 9. - 720 с.
- 268 Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии.– Оренбург, 1900. – Вып. 1. - 222 с.
- 269 Рапорт о расположении в крепостях регулярных и нерегулярных войск. – ГАОО. - Ф.6, оп. 11, д. 567.
- 270 Отчет наказного атамана генерал-майора Жуковского. – ГАОО. - Ф.6, оп.11, д.2056.
- 271 Из истории Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1991. – 283 с.
- 272 О поселенцах в киргизской степи. – ГАОО. - Ф.6, оп.10, д.5902.
- 273 О переводе крестьян в казачье сословие. – ГАОО. - Ф.96, оп.1, д.133.
- 274 Севастьянов С.Н. Рукопись о комендантском режиме в истории разреза Оренбургского казачества. – ГАОО. - Ф.169, оп.1, д.36.
- 275 Карта Новолинейного района. - ЦГА РК. - Ф.4, оп.4, д. 6361.
- 276 Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского казачьего войска, белопахотных солдат и солдатских малолеток. - СПб., 1843. – 47 с.
- 277 Дело о зачислении крестьян в войсковое сословие. – ГАЧО. - Ф.Р-627, оп.1, д.54.
- 278 Соколов Д.Н. Оренбургские калмыки. Известия Оренбургского отдела ИРГО. – Оренбург, 1903. – Вып. 21. - 186 с.
- 279 Симагин В. Вымирание калмыков в Оренбургском казачьем войске // Оренбургский листок. - 1890. - № 32.
- 280 Приказы по Сибирскому казачьему линейному войску. - ЦГА РК. - Ф.374, оп.1, д. 2949.
- 281 Статистический обзор Тургайской области. - ЦГА РК. - Ф.406, оп.1, д.1.
- 282 О запрещении лицам неказачьего сословия проживать в районе казачьего войска. - ЦГА РК. - Ф.374, оп.1, д.5118.
- 283 Предписание Пограничного Начальника о предании суду казаков военных отрядов за самоуправство. - ЦГА РК. - Ф.374, оп.1, д.784.

- 284 Гельмгольц Ф. Оренбургский Меновой двор. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества.– Оренбург, 1894. – Вып. 3. - С. 37.
- 285 О запрещении торговать в крепости Святого Петра купцам-киргизцам. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.87.
- 286 Оренбургский листок. – 1881. - № 24.
- 287 Прошлое Казахстана в источниках и материалах: сб.1.- М., 1995. – 383 с.
- 288 О получении денег на угощение киргиз. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.169.
- 289 Ведомость о выменянных от киргиз-кайсаков скоте на товары российскими купцами с 25 августа по 1 сентября 1776г. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.134.
- 290 О торговле в крепости Святого Петра. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.179.
- 291 Туманшин К.М. Основание и развитие Петропавловска и уезда во второй половине XVIII-первой половине XIX в: ученые записки Кустанайского госпединститута. История. – Кустанай, 1961. - Т. 6. – 63 с.
- 292 О линейной торговле на Новой линии. – ГАОМО. - Ф.1. оп.1, д.209.
- 293 О торговле на Иртышской линии. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.221.
- 294 Письмо тобольского губернатора Кашнина командиру сибирского корпуса. - ГАОМО. - Ф.3, оп.1, д.125.
- 295 Дело о продаже невольников. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.230.
- 296 Рапорт Петропавловской таможни о правилах вымена азиатских пленных. – ГАОМО. - Ф.2, оп.1, д.107.
- 297 Петропавловская таможня. – ГАОМО. - Ф.1, оп.1, д.258.
- 298 Об упразднении Омской таможни. Омская таможня. – ГАОМО. - Ф.13, оп.1, д.220.
- 299 Статистическое обозрение Акмолинской области. – ГАОМО. - Ф.3, оп.1, д.2764.
- 300 О заводах и протчих предприятиях. – ГАОМО. - Ф.3, оп.1, д.1806.
- 301 Арсеньев К.И. Статистический очерк России. – СПб., 1848. – 727 с.

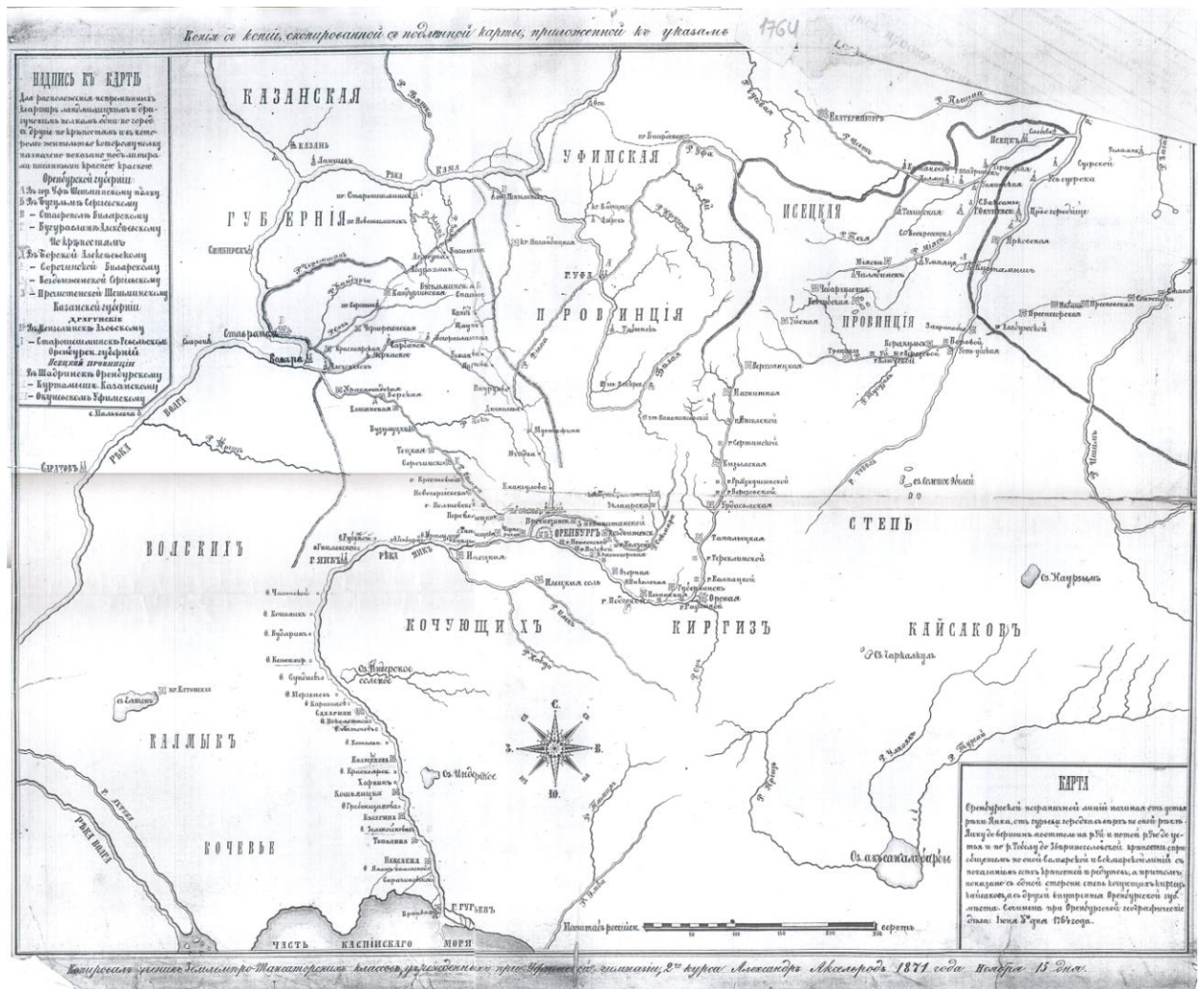
# ПРИЛОЖЕНИЕ А

Карта Оренбургской линии от 1764г (ГАОО РФ Ф.3, оп, 1, д. 71.)



## ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Карта Оренбургской пограничной линии начиная от устья рѣки Яика, отъ Гурьева городка въверх по оной рѣке Яику до вершинъ пооттоле на р.Уй и потой р.Ую до устья и по р.Тоболу до Звъриноголовской крѣпости сприобщением по оной Сомарской и Сокмарской линий с оказанием всех крѣпостей и редутов; а при том показано с одной стороны степь кочующих киргиз-кайсаков, а с другой внутренней Оренбургской губернии места. Сочинена при Оренбургской географическіе дела Июня 3-го дня 1764 г. ( ГАОО РФ Ф.124, оп. 2, д.7000.)





## ПРИЛОЖЕНИЕ В

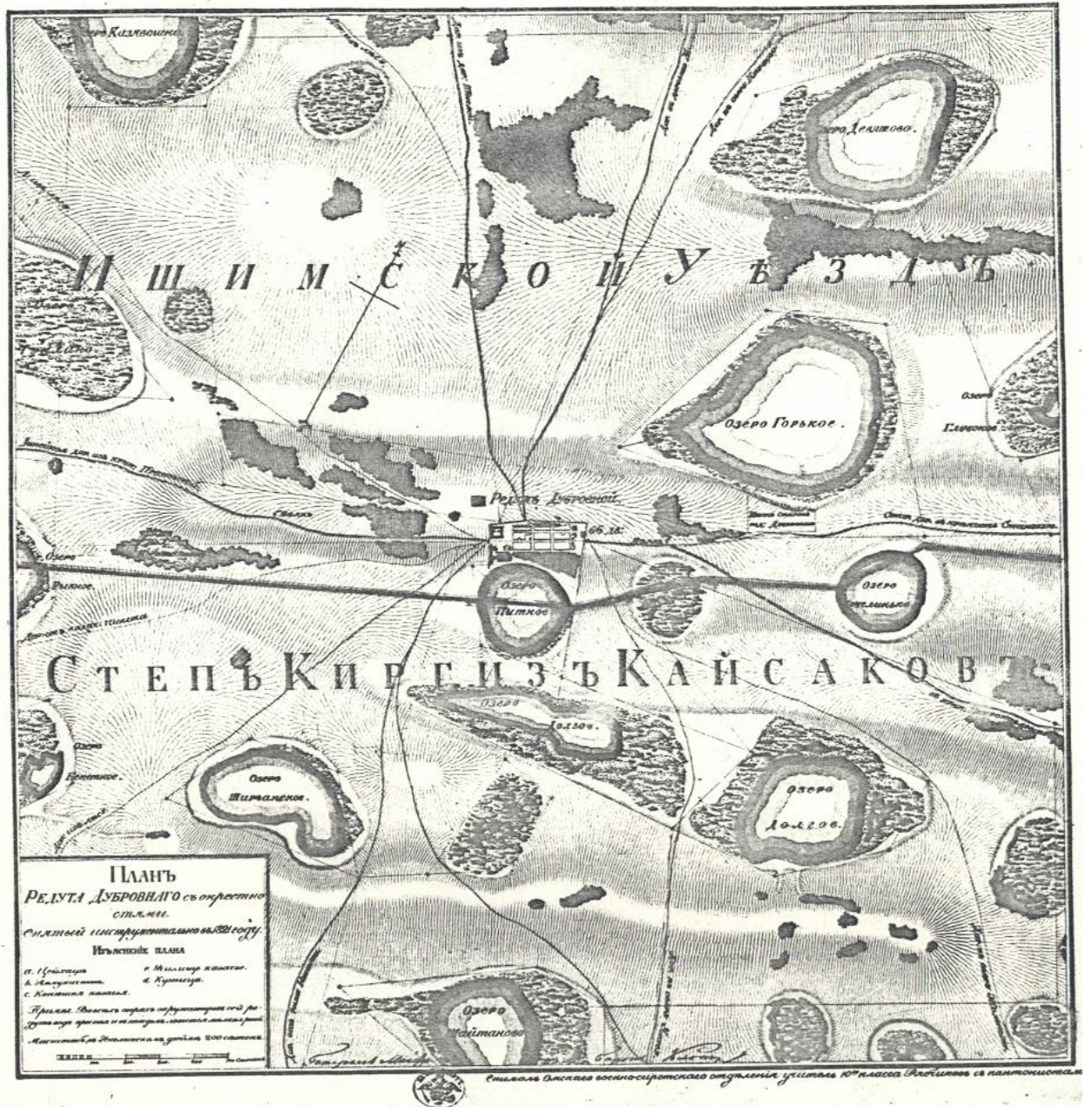
Рисунок В.1 - План крепости Пресновской с окрестностями (ЦГА ВМФ РФ Ф.3, оп.25, д.3024.)



Рисунок В. 2 - План редута Ганкина с окрестностями (ЦГА ВМФ РФ Ф.3, оп.25, д.1256.)

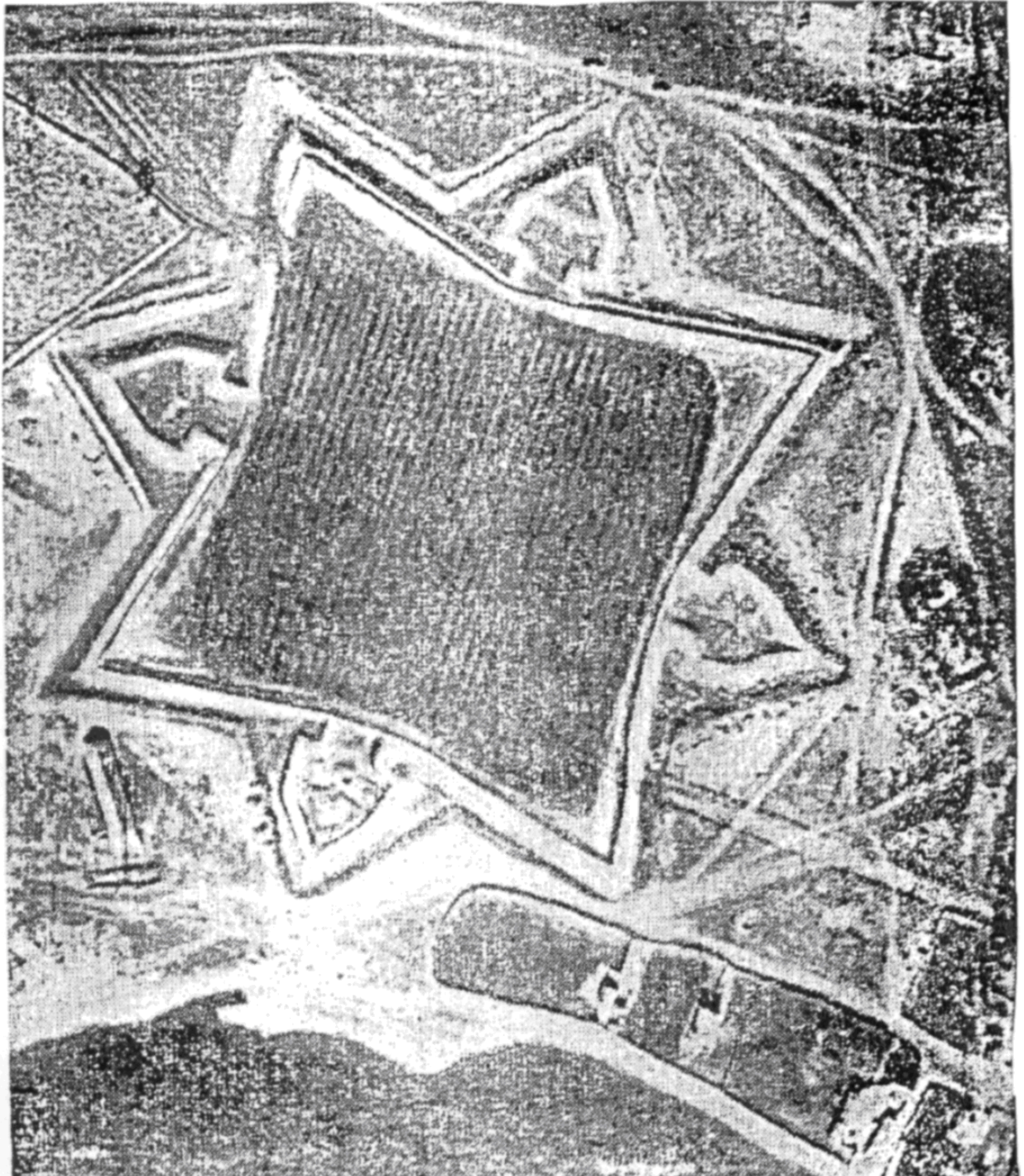


Рисунок В. 3 - План редута Дубровного с окрестностями (ЦГА ВМФ РФ Ф.3, оп.25, д.1257.)



## ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Вид крепости Лебяжья (Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений. Записки по краеведению Омской области. – Омск, 1972. – 52-61 с. (60))



## ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Письмо Шпрингера Сибирскому губернатору Чичерину от 7 января 1771 г. (ГАОМО Ф.1, оп.1, д.225. Копия письма Шпрингера. Л. 149-154.)

Секретно. Его превосходительству Счичерину (по обычному обращению)

29 числа октября, а пущенной от 2 числа ноября прошлого 770 г. ея императорского величества из Государственной иностранных дел Коллегии, получил я указ, коим препоручено мне во всех подробностях рассмотреть удобно ли в самом деле или нет, чтоб киргискайсаки на киргиской линии по зимам перепускаемы были, и исполится ли при том все прописанныя во оном указе уважения или опасность и трудность в сем случае еще будет большая, нежели ныне в их недопущении. А потом, снесшись з господином оренбургским гуьернатором, постановить с ним общее положение, а потому впредь и потупать с нужными предосторожностями, чтоб в случае если киргизкайсаки на внутренния стороны перепускаемы будут, здешния жители однако и от них обеспокоиваны –не были. К чему по разсуждению Государственной иностранных дел Коллегии взятие от них аманатов /181/ и учреждения в некоторых местах форпостов может служить способом. А как в сие ж время и город Оренбургский гобернатор, генерал-майор и кавалер И.А. Рейнсдорп уведомил меня, что и он, в равном же вышеписанному содержанию, у себя из оной Государственной иностранных дел Коллегии указ в получении имеет, то потому и учинил себя готовым к совету, какового я от него требовать буду. Вследствие чего и в точное исполнение оного Государственной иностранных дел Коллегии указа, поелику мне здешних сибирских линей состояние обстоятельств и придерживающихся при оных кочевьем киргискайсаков обращении известными есть, на общее в сем деле положение и рассмотрение и преподал я оному городу Оренбургскому губернатору мой совет и мнение, основанные в следующем содержании.

1-е. Что своевольное и необузданное киргискайсацкого народа состояние, когда еще з давних времен по повелениям вышних правительств произвело запрещение, чтоб их не перепускать ни при каковых обстоятельствах со степной стороны внутрь здешних границ, то и при нынешних обстоятельствах, будучи хищность, грабежи, убивство и разныя к здешней стороне от времени до времени беспрерывно причиняемая пакости и злодейства довольными опытами дознаны, кажется не могут отнюдь дать твердой надежности, чтоб они (когда и внутрь линии пропустятся) лутчими и постоянными зделались, но мнитца, что оттого еще и более затруднительств, беспокойств и с обеих сторон неудовольствия и бесполезностей возрастает тем наипаче, что

2-е. Буде предьявленные киргиския табуны перепустятся во внутреннюю сторону, где из наших российских жительство крестьяне и другия люди из многих и дальних мест ездят для всяких звериных и рыбных промыслов, то отнюдь без того быть не может, чтоб иль наши у киргисцов, иль киргисцы у наших, какова воровства и шалости не сделали. Отчего их и удержать да и виновных тому не только сыскать, но и узнать трудно и не можно. Жалобы ж с

той и другой стороны бесконечны, а удовольствия невозможны происходить будут. Следовательно, потому всякой своего отмщения искать станет не иначе, как насильною управою и отгоном с той и с другой стороны скота, как то сие еще и без дозволенного пропуска, но при самовольном чрез границу киргизкайсаков во внутреннюю сторону прорывах всегда беспрестанно происходило и по ныне происходит не меньше ж.

3-е. Хотя те киргизцы и не с кибитками своими во внутренней стороне стоять будут и в залоге своего постоянства бесспорно дадут аманатов, однако ж того не оставить, чтоб у тех табунов не было присмотра. Почему и должно от кибиток своих для того иметь пересылки и проезды. А сии дела, между тем скот свой и всякия вещи могут российские люди, подъезжая к табунам потаенно сатовать, чего ни коими мерами присмотреть нельзя. А сие по силе многократных подтвердительных указов весьма запрещается. К тому же по такому генерально по всем линиям учинявшемуся пропуску внутрь границ киргизских табунов, состоящим на тех линиях воинским командам пресечется рассматривать исследовать воровских сборищ и партий киргизских и перелазы, впадающия внутрь жительство, потому что под видом перепуску табунов, такие умышленные делаемыя воровския пролазы между явными проездами скрытными и неизвестными останутся. А таким злодеям великой при сих обстоятельствах случай под леса на внутренния жительство делать набеги, нападения и разорения, по коим и Сибирская губерния по должности своей вступаясь за жителей, будет требовать удовольствия, а здешния линейные командиры того в состоянии учинить не могут. И будут оставаться всегда в безвинном нарекании и ответе. А что все неотменно при таком перепуске табунов внутрь линии воспоследовать может, тому уж довольные и неоспоримые доказательства есть, так как оному господину оренбургскому губернатору и кавалеру из неоднократно посланных от меня и от него мною получаемых сообщениям, яко же и с подносимых от меня Коллегии иностранных дел рапортов уж известно, сколько в прошедшие годы, и до ныне таких шалостей и злодейства от киргизцов наделано, которыя по большей части ими причиняемы были не от того, что их табуны из внутри в степную сторону перегоняют, но больше по их с природы сколько к воровству и грабительству привычнее, а особливо же.

4-е. Сей всегдашней и общей всех при здешних сибирских границах кочующих киргизцов перепуск их скота во внутреннюю сторону и там вредителен быть может, что умалчивая другия разнообразныя киргизския шалости, при сих случаях обыкновенно уж бываемыя, как внутренния, так и линейныя жители могут претерпеть обиду и от того, что ставленныя как казенныя, так и собственныя сено якоже и снятой с поль вкладях хлеб, не останется в такой целости, что не были множеством киргизских табунов отравлены. А иногда и не нарочно, потому что их табуныя караульщики состоят при великочисленном множестве скота, сами в малом числе, от того удержать, а с нашей стороны онаго караулом обнять невозможно. А в таком случае и взыскания с киргизцев делать не ис чево, ибо они сен не заготовливают – следовательно через стол не только люди здешней стороны

разорении, но искот, а особливо казенные лошади, по неимению сен голод, и натурально от того всепоследуемый упадок претерпевать будут, а понеже.

5-е. Хотя до нынешнего последнее полученное мною из Коллегии иностранных дел указа о трактовании [340]. сего перепуска киргисских табунов во внутреннюю сторону всегда по указам той же, якоже и Военной коллегии, такой перепуск накрепко воспрещаем и был. Но прошлого 1765 г. июля от 29 числа, Ваше Превосходительство в рассуждении заграничных обстоятельств и провозглашенной тогда эхе о некоторых с китайской стороны покушениях, согласие сове изъявили, не лучше ли их киргизцов хотя сюда несколько ближе и перепустить, но я и тогда не другого мнения был как и выше значит, потому что есть ли тем табунам единожды по всем линиям за границу пропуск сделать то они конечно и всегда того требовать станут и отводить их от того столько же трудно, как и невозможно. Главная и причина и опасность в перепуске их табунов внутрь границ по моему мнению та наиболее состоит, что если бы на пропуск их в жилую сторону дозволение воспоследовало, то уж и вероятно, что те киргисцы великим числом, и по разным внутренним местам рассыпавшись привлекут на присовокуплении из дальних в степи кочующих улусов людей. И когда вздумают по известной своей ветренности и легкомыслию, что-нибудь худое и вредное и здешней стороне предпринять, то весьма уж трудно или, лучше сказать, почти и невозможно будет их от того удержать и обуздать. А кольмих паче с их табунами из жилой в степную сторону выгонять, ибо по малоимению на здешних сибирских, простирающихся более 2000 верст, линиях воинских команд, на то сил не достанет. А как на сей легкомысленный киргисский народ ни сколько в их доброжелательстве к здешней стороне твердой надежды полагать не можно, то ежели к тому паче чаяния еще б и китайская сторона в такую колеблемость пришла, то в сих обстоятельствах здешние линии могут в такой вящей опасности остаться, какой больше ожидать не можно, потому что состоя оныя тогда в самой середине, подвержены обоюдному нападению, как со внутренней от киргисцов, так и со степной стороны от них же самих да и еще и от китайцев. А надлежащего и равносильного отпору состоянием такого числа людей, какое ныне на здешних линиях имеется, учинить не можно, а сикуре [341]. в толь скорое время изнутри губернии получит ненадежно, следовательно, не только при таких обстоятельствах, но и при самых малых шалостях киргисских и поиски над оными со здешней стороны для их также многоопасными не состоят, потому что самое их житие от того их безопасными делает, ибо не имея никакого домообзаводства, кочуют во всем пространстве здешних степей, где хотят, в которых их трудно доставать, паче по тому, что движение наших войск по таким степям сопряжено с непреодолимыми трудностями, в рассуждение, что надобно всегда, как людям, так и лошадям иметь с собою запас. А оного не только на довольное время, но едва и на месяц да и то с великою тягостию лошадей иметь только можно. А киргисцы однако же по своему степному и уподобительно зверскому житию, имея у себя всегда готовую пищу – скота, а скот – подножной корм, от всякого и такого отягощения, которое нашим войскам великим препятствием есть, не только свободны, но при том еще и

безопасны, потому что зная всю обширность степей и на оных ущельм и горы каменистыя, в случае хотя б и безсиле их оказалось, всегда убежище свое сыщут. Чего с нашей стороны, посылающим за ними, не только учинить не можно, но еще вреда и убытка, сопряженного только со щетным трудом, ожидать должно.

б-е. Итак, по сим выше сего изображенным обстоятельством и мнение свое упомянутому господину Оренбургскому губернатору генералу-майору и кавалеру Рейсдорпу изъяснял, что на здешних сибирских линиях, хотя такой всегдашней и ежегодной по зимам перепуск киргиских табунов со степной в жилую сторону полезным кажется быть не может, ибо известное их народа своевольство и природная склонность к воровству, грабительству и всяким предерзостям от времени запрещения и наперепуску их у внутрь границ по нынешнее время не видно, чтоб переменилось. И все те же иные, как и прежде препятствия по их беспокойствам в перепуске их внутрь границ настоять однако ж в точное последование в данное мне их Коллегии иностранных дел указа не могут ли иногда изображенные в оном уважении частью или во всем исполнятся и не покажут ли те киргис-кайсаки себя лутчее и спокойнее, нежели как они при всегдашнем всепрепятствовании в перепуске их внутрь границы табунов обращались и не будут ли ежели только со здешней стороны никаких раздражений и неудовольстивиев им не сделается смирнее и спокойнее пред тем, как до сего знаемо уж есть также и не послужит ли привязанность их к здешним местам и утверждению их в верности и к большому повиновению, требовал я от часто упоминаемого господина Оренбургского губернатора и кавалера И.А. Рейнсдорпа на то совета и согласия тем, что для учинения достовернейшего в их киргиском состоянии и спокойности опыта от ныне, под видом будто награждения или сожаления от здешней стороны о недостатке у них в степях корма скоту, а отнюдь не с тем объявлением, что на то и указ есть, сперва тех киргис-кайсак, кои за доброжелательным к здешней стороне почитаются, а потом тех, кои просится будут, а за ними и протчих на один или два г. за здешния сибирския линии по зимам с табунами перепустить со взятием от них в их народе за лутчих почитающих людей в здешния крепости аманатов, следствие коего опыта, когда докажет полезность или неполезность такого перепуска, тогда можно будет и навсегдашня времена постановление и положение учинить и по оному исполнить, а ныне, токмо на сем основании и рассуждении одних сибирских линий, поелику обращение оренбургских, мне известных, не состоит остаться. На которое мое сообщение, он господин Оренбургский губернатор и кавалер, таковы мне 30 числа минувшего декабря 1770 г. отозвался, что он приемля мой совет полезным, соразсуждение свое предподает такое. Яко здешния сибирския линии против оренбургских совсем отменного состояния. потому что внутри здешних линии находятся люди порядочныя, следовательно де, ежели б с которой либо стороны произошло какое злодейство, оное удобнее б прекращаемо быть могло. Однако по уважении сообщенных от меня основанных на воинских правилах и благоразумий резонов мнению моему согласуется с тем, чтоб наперед ответов сделать опыт г. на два с большою предосторожностью, скот одних доброжелательных, под



видом награждения, перепускать, а потом мало по малу и другим киргисцам, смотря на их обращения и будущия обстоятельства дозволять. И ежели сей способ полезным усмотрен будет, то и на всегдашния времена постановления и положение учинить будет можно. Но что касается до оренбургских линий, то как внутри оных обитает башкирский, которой будучи во правах им киргис-кайсакам подобной и между собою непримиримую злобу и вражду имеющей, не может при том весьма без взаимного воровства и грабительства пробывать, то во избежание затруднения, сопряженного с народным беспокойством и предосуждением Высочайшего Ея Императорского Величества интереса, скот их киргис-кайсацких по зимам на внутреннюю сторону перепускать, он господин оренбургский губернатор не соглашается. И точно оного перепуску на тамошних линиях делать не будет.

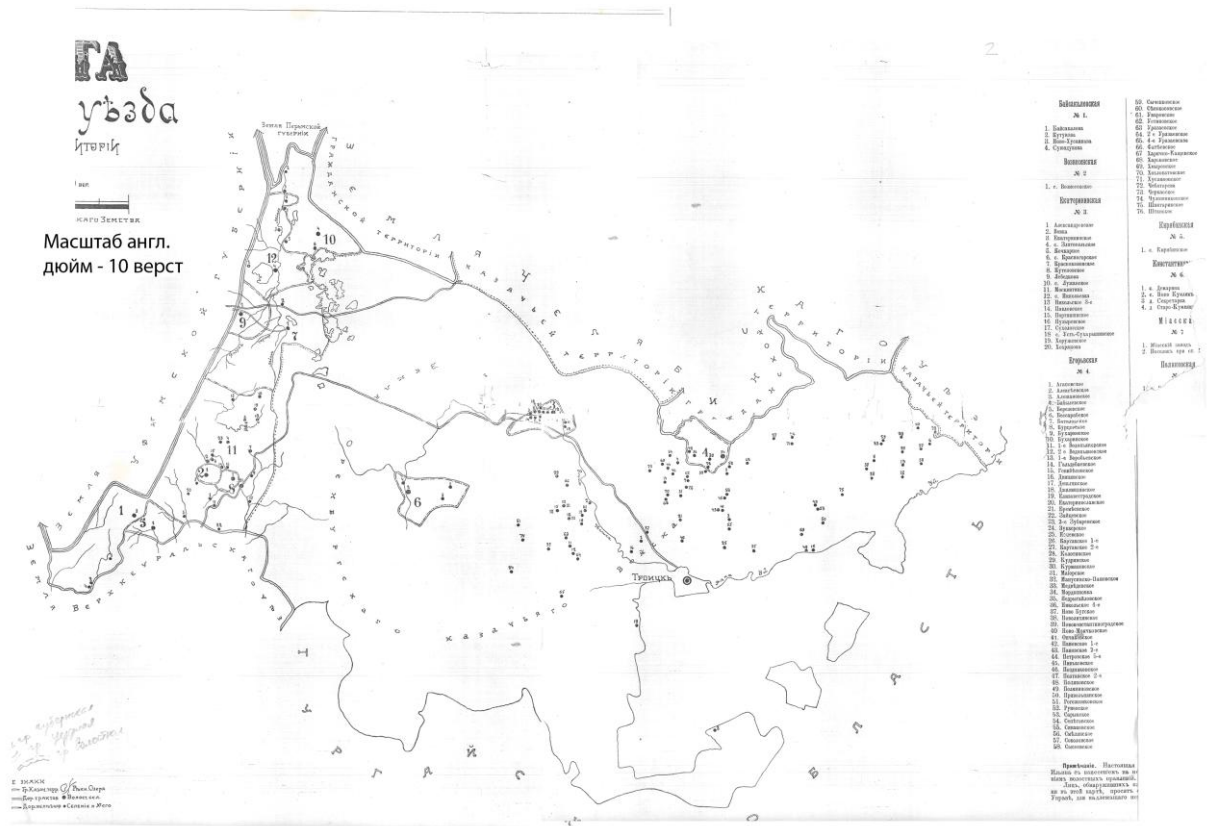
7-е. А понеже хотя и внутри здешних сибирских линий обыватели не все генерально за порядочных почтены быть могут, потому что вследствие уже прошедших времен доказали сколь много и от них шалостей и взаимных отгонов скоту при случае прорыву внутрь границ киргисских табунов происходило, слагая все то на одних только киргисцов, или на других воровство учинивших и в неизвестности оставшихся людей. Однако же по большей части люди находятся такие, как непоползновенны совсем на такие шалости, то столько в сем разсуждении, а не меньше и в точное исполнение данного мне из Коллегии иностранных дел повелении, я с нынешнего времени, предыдущия 2 г. принял намерение, под видом награждения киргис-кайсацкой скот внутрь границы пропускать, но далее, как токмо при самой границе на одну, две, и до 10 верст, да и не прежде, как от них на то просьба и требование будет, и то только таких, кои в постоянстве и доброжелательстве к здешней стороне испытанными состоят, со взятием надежных и лутчих из их народа почитаемых аманатов. А потом, когда от сих перепущенных за границу тишина и спокойствие усмотрятся, а опасностей и шалостей ко внутренним жителям наводимых, оказываться не будет, тогда от времени в другое для приласкания и привычки ко обращению со здешним народом и другие киргисцы пропускаемы быть могут. А есть ли только чрез то можно будет получить совершенную и тое удобность, чрез чтобы они не чувствительно дикость свою терять и привязанность к здешним местам к лучшему утверждению их в верности и к большому повиновению принимать и оказывать стали. В чем однако же я, по верноподданической моей должности, всячески стараться буду, и все то, что мне нынешним, данным из Коллегии иностранных дел указом предприсано исполнять, с усердием почтуса. А дабы из состоящих в моей команде людей никто и никаких поползновенностей против доброго порядка и гражданских и военных законов не предпринимал и с киргис-кайсаками поступаемо б было с умеренностью и ласковостью, дабы чрез то вселить в них к здешней стороне доброходство, так как то доньше и происходило, о том от меня по всем здешним линиям господам пограничным командирам подтверждение учинено и Коллегии иностранных дел с вышеписанными обстоятельствами донесено. А между тем, и Ваше Превосходительство сим уведомляю, прошу о учинении во все внутренние

Сибирские губернии прикосновения и ближайшия к здешним пограничным линиям и крепостям жительства обывателям предварительного и достаточного подтверждения, дабы они в случае такового внутрь границ по зимам киргискайсацкого скота перепуска, не только ни малейших киргисцам приметок, обид, воровства, но ниже и озлобления им не делали, и поводу на ссору и драки и всякия неудовольствия не подавали и до их скота не касались. И обходились бы с ними с умеренностию и ласковостию, а напротиво того и вседолжнейшую от тех киргисцов предосторожность употребляли и в близость ко своим жителям киргисских табунов и самих киргисцов, дабы, они по ветренности и необузданности своей такого вреда жителям делать не могли, не допускали с ними б ни в какую сотовку и недозволения обязательства не вступали. А чтоб далее 10 верст от линии внутрь киргисцы не вдавались и жителям со здешней линейной стороны возможные предосторожности будут употребляемы. Впротчем с истинным моим почитанием пребываю.

Вашего Превосходительства Государя моего покорной слуга Иван Шпрингер».

# ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Карта Троицкого уезда гражданской территории (ГАОМО Ф.124, оп.2, д.6216.)



## ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Письмо Аблая от 13 мая 1779 И.А. Рейндорпу (ГАОМО Ф.1,оп.1, д.113.  
Письмо Аблая салтана Л.229-230)

«Отправленной от Вашего высокопревосходительства переводчик Андрей Василев ко мне благополучно прибыл и следующее от вас письмо мне весьма порядочно за целою печатью доставил, при прочтении коего я содержание понял, на которое сим и отвечаю. Что, ваше высокопревосходительство, писать изволили, что Петропавловская крепость состоит не вверенной вам губернии, и потому вы со мною свидания, яко в другой иметь не можете, и когда я кроме сей Петропавловской крепости в другом месте с вами видиться не соглашусь, то оное учинено будет другими генералалми, но я сего вашего предприятия не опробую, потому разве та Петропавловская крепость не под властью всемилостивейшей государыни или вы, оную гнушаясь, быть не хотите. Я вас не требую, чтоб вы приехали в мою Орду и во оной имели со мною свидание, а желаю, чтоб исполнить ея императорского величества всемилостивейшей государыни велю? – под разными протекстами представить пред вас всех Средней и Меньшей орд и близ меня находящихся солтанов и простой народ и привести их к послушанию. Почему и извольте сей мой секрет рассудить. И так прошу сие мое вас в Петропавловскую крепость требование принять за благо, а в прочем состоит в воле вашей. Ибо я в прежних моих письмах, обо всех притчинах, вашему высокопревосходительству, подробно кажется объявлял, о коих разве вы понять не изволили. А я и ныне, ради тех притчин, кроме петропавловской крепости никуда и ни под каким видом ехать не могу, за что прошу на меня не прогневаться. Мне на такое дальное расстояние одному ехать никак невозможно, потому что принадлежащие быть при мне моего владения знаменитые и простой народ, пребывание их имеют в стороне китайской, около Семипалатной и Омской крепостей, расстоянием по нашей киргизской езде полуторамесячных местах. Средняя же Орда граничит от меня против Петропавловской крепости, потому те мои солтаны и знаменитые люди в Оренбургскую и Троицкую крепость ехать не могут. Ибо у нас того не узаконено так как в России, чтоб брать с народа подводы и пищу. А только в обычай у нас вошло, то хотя в дальное и ближнее б было расстояние, имеют все наши солтаны и простой народ подводах, и притом слышно, что Российская империя имеет великую обширность, да и, кроме вашего высокопревосходительства, некоторое число высоких лиц оной находится. Моя ж область хотя и малая, но только по разсуждению моему конечно быть может против трех ваших губерний. Почему хотя она и мала, токмо в ней есть я главной начальник, и кроме меня главного в моей области нет, а впротчем всевышнему известно. Итак, когда уже называюсь я главным начальником, то потому мне туда ехать одному за изрядное я не почитаю. Ваше высокопревосходительство, не извольте ль подумать то, чтоб я по главному моему начальству, тщеславя себя, не имел с вами видется. Я для исполнения

всемиловнейшей государыни высочайшей воли и для вашей чести, не гнушаюсь, еду в Петропавловскую крепость, а в прочия места отнюдь ехать не могу, на что прошу не прогневаться, потому что подвластные мне знаменитые люди, кроме оной крепости? Никуда по причине дальности не едут. О чем я дружественно вам доношу, а впрочем состоит в воле вашей. Мне подчиненной народ не так, как российский ваш, а подобен он тарпанам (примеч. Переводчика? Сие разумеется дикие лошади). Есть ли ваше высокопревосходительство сей совет мой апробует, и для свидания со мною в петропавловскую крепость прибыть изволите, то весьма хорошо произойти могло. И я рассуждаю, что по сему имяна наши по вас в потомство останутся, впрочем изволите сами рассуждать».

## ПРИЛОЖЕНИЕ К

Переписка И.А. Рейнсдорпа с Н.Г. Огаревым (ГАОМО РФ. Ф.1, оп.1, д.214, л.85-89)

Текст письма И.А. Рейнсдорпа Н.Г. Огареву от 22 января 1780 г.

«По притчине дошедших до меня известий об отлучении Аблай-хана с большей частью подвластных ему киргисцов от места пребывания, его а при том и о бывших у него от китайского двора и по оному от него Аблая отправленных для точного по предписанию Государственной коллегии иностранных дел разведенная через Троицкую крепость в Среднюю Орду даже до места пребывания его Аблай-хана под протекстом других дел, послан от меня был испытанный в верности башкирской старшина Казанкул Казанбаев с приданными ему, который на сих днях отель возвратился, и какову о разведении своем дал скаску, стой при сем к Вашему Превосходительству копию предоставляю.

Изволю, известит вас, что он Аблай-хан с некоторыми и в самом деле отлучился. И тем своим отлучением, а притом и странным своим действием доказывает состояние своего перемену в разных видах, вероятия которых однако и не прежде можно взять, как по довольном оных подтверждении и течении следствия их. Со всем тем при продолжении учрежденной в разсуждении настоящего его поведения предосторожности, весьма надобно чтоб тот план, который на случай непредвиданного предприятия его Аблай-хана и произведению на здешних границах пакостей, по силе высочайшаго ея императорского величества в 4-й день октября прошедшего 1779-го г. мне данного и к вашему превосходительству от 19 числа того ж, от меня сообщенного указа в стеснении знатности и в убавлении силы его Аблаевой, поставлением ему и киргис-кайсацких начальников соперника предуготовить.

Хотя национальное всей Орды обыкновение и систематической со той надежды и уделяет, чтоб в соперники ему Аблаю такая персона из султанов киргиз-кайсацких нашлась, какая для сего столь важного дела потребна, потому что почти все той Орды солтаны родством и свойством с ним связаны, кроме Абулфеиз – солтана, о коем некоторым образом известно, что он им Аблаем по партикулярным их делам имеет несогласие. Разве из баев их и старшин таковые найдутся могут, из каковых Каракисятского роду два брата Бейбулат да Киндшибай – бей против Семипалатинской крепости кочующия, по причине отобрания от них астраханских трухменцев, коих он Аблай хотел в здешнюю сторону возвратить, да вместо того держит их при себе и пользуется один. Прошлого г. большим собранием приезжали к нему Аблай-хану и при изъявлении за тот его поступок общаго их неудовольствия, причинили ему фамилии немалое оскобление, за что, как известно, и поныне они друг на друга злобятся. Пользуясь сею их ненавистью не можно ль будет их или других подобных им, по сведению вашему, соперникам ему Аблай-хану поставить и на случай здешней нужды предуготовить. Итак, я вашему превосходительству, вследствие прежних моих предлагаю. Благоволите наперед о состоянии их

Абулфеизсолтана и помянутых баев достоверно разведать, в каком они теперь с ним Аблаем поведении находятся. Буде имеют ненависть, то призвав их к себе или чрез посылку к ним нарочной надежной персоны соглашать, чтоб они в случае противных его Аблаевых поступков, здешнему намерению поспешествовали наклонением, ежели всей Орды не можно, то по последней мере, своих подчиненных по умалению его Аблаевых сил и стеснению настоящей его знатности. А буде бы нужда настояла здешним войскам против него употребленным быть, то б соединением ко оному для вспомоществования чести их, но и награждением знаками высочайшей ея императорского величества милости. А дабы они и сему толь охотнее обязанными себя представили, то и между тем, притом с ними постановлении некоторую, приличными на их руку вещьми, по тамошнему вашему усмотрению, дачу учинить. Буде по вашему сведению лутче сих из начальников киргизских к сему употреблению найдутся, то благоволите и с ними обойтись таким же образом, как с вышеписанными.

Разведыванием о состоянии Абулфеиз-солтана и Бекбулата и Кинджибая баев может учинить или чрез Кулсарина сына Куляку, или чрез других вам больше известных. А как оне дело толь не малой важности, которая требует лутчей аккуратности, то я для употребления при том известного вашему превосходительству переводчика Мендияра Бекчурина посылаю, которого тогда возвратить изволите, когда сию комиссию пополните с подробным предоставлением нужных к тому действию, ежели бы в случае Аблаевой противности необходимо вознадобилось со здешней стороны иметь».

Текст письма Н.Г. Огарева И.А. Рейнсдорпу от 22 февраля 1780 г.:

«Аблай-хан довольно уже доказал против российской стороны грубым, и во всяких случаях, по требованиям здешним во всегдашном неисполнении и в невыдаче немало находящихся у него в плену российских людей, тем паче, што и с подвлатнова его народа поныне причиняют российской стороне разныя шалости и злодеяния, увозят людей, отгоняют скот; о чем всегда по учинявшем каком-либо от киргисцев увозе людей или отгоне скота, ему от меня и прежде от бывших здесь командующих генералитет писано было и прошено о возвращении, на что хотя всегда и отзываетца, што он употребит старания, но никогда ничего не происходит. Да хотя я, зная достоверно, что у него Аблая, при ево кочевье и детей ево множество российских людей находятца, к нему о том многократно писал, ответствуя и когда на ево письма, а иногда о чем требуя уведомления тож и о многих делаемых озорничествах сына ево Чингис-солтана, то на все требования в одном письме писанныя ответы и весьма немедленно получал. А што лежит до поступок ево сына и до отдачи наших российских людей, которых точно у него и детей ево находятца, то как бы о том к нему и писано не было. Никогда не отвечает и во удержании от тово киргисцов немало не стараетца, отзываясь иногда о ворах незнанием, почему и необходимо потребно к уступлению в ево Орде всяково спокойствия, а на границах российских безопасностей, согласно с предписанием в высочайшем ея императорского величества указе, силу его Аблая по настоящему ханскому званию уменьшить.

I –е. Не придерживаемых наивсегда блись Сибирской и оренбургской линии довольно в верности к здешней стороне испытанных той Средней Орды старшин с подвластным их народом, склонить к отложению совсем от него Аблая и постановить им главнова начальника другова, который бы был ему всегда соперником; к чему Сибирской линии признаю я способным Кулебаку батыря, но только не далее как от Дешанова редута до Омской крепости, которому весь отложившийся от него Аблая народ, ежели только возможно будет подчинить в точную ево власть и учинить ево сильным, штоб уже он против Аблая всегда был, и никаким его советам не следовал, а наипаче старался учеснить его всяким образы. А от нападения от нево Аблая, когда он увидит непослушание, то и не оставит мстить и делать всякова ему Кулебаке батырю зла, тогда делать ему Кулебаке батырю подкрепление со стороны российских войск, посылкою с Сибирской и Оренбургской линий казаков и башкирцев. А хотя к лутчему успокоению на первые времена на летния месяцы и дать некоторую часть войска, которое бы составлялось из казаков и башкир, при надежном казачьем старшине. А между тем старатца приласкать и уговаривать к супроттивлению и весь кргиской народ, торгующей на Сибирской линии, для чево и неминуемо нужно доверенных и надежных людей-переводчиков, которых здесь иметь нужно, пока в настоящее положение они дела приведены будут. И таким образом, ежели он Аблай был стеснен и успокоен, с уничтожением власти ево, то б он –Аблай был стеснен и успокоен, с уничтожением власти ево, то б конечно на границах российских всякая опасность отнята быть могла, в разсуждении, што отстанутца в придерживании к оной, того вновь установленного киргискаго в Средней Орде начальника, подчиненной его народ от Омской же вверх до китайской границы. Хотя многия киргискяя солтаны и киргисцы в здешней стороне весьма преданы и верны, и Аблай-ханом весьма недовольны, а особливо салтан Тырябатырь, который никогда ничево не исполняет по требованиям ево Аблай-хана, и почитает себя ему равным, то б он к сему, тоже употреблен быть мог.

2-е. Но сие однако ж может ли желаемым успехом служить, ибо состоят в той же Орде и качуют от Омской крепости вверх по реке Иртышу, брат его Аблая, салтамамет-солтан и племянники Урус и Иман солтаны и протчия дети Салтамаметовы с своими подвластными киргисцами, которыя неуповательно, штоб могли от нево Аблая отложитца и канешно не оставят держтца стороны ево. В сем случае, не будет ли удобнее оных от их отлучить, так, чтобы известно не было, почему может быть ведомства тех Салтамамет солтана с детьми киргисцы без них не будучи наставляемы своими старшинами, ис послушания ево Адлая выдут. А всево бы удобнее, естли б и самово ево Аблая удалось сопернику ево в руки своя получить, и взять онаго к задержанию в России, чрез што и оставшей бы ево народ мог совсем приттить в лутчее послушание и наконец предатца устанавливаемого на линии начальства из Меньшей Орды из детей Нурали-хана или из других знатного рода киргисцов.

Впротчем, все выше изъясненное мое мнение предаю в рассмотрение вашего высокопревосходительства».



## ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Текст секретной записки командира корпуса Веймарка разведчику Шихову перед отправкой его в степь в 1761 г. (ГАОМО Ф.1, д.33, л. 141-143)

Где ныне китайское войско находится, при каких урочищах и в каком расстоянии от российских крепостей, т.е. Устькаменогорской, Семиполатной или около Нор –Заина и Талецкого озера или же около Красноярского уезду и как многолюдная, на месте ль стоит или куда движение имеет. И ежели куда походом идет, то для чего именно и каким порядком в разсуждении обоза и военных припасов, и какое намерение имеет.

Где киргисцы с китайцами мену производят, и при каких урочищах, и как далеко от верхнеиртышских крепостей, и есть ли в тех местах какое население, также укрепление, города и крепости каменные или земляные и деревянные. И какое в тех городах оружия имеютца ль, пушки и протчие воинские орудия. И не разводят ли где хлебопашество. И не строят ли где каких крепостей и городов и магазейнов. И в коих местах не приготавливают ли к походу каких припасов и протчаго.

Не имеетца ль ныне у Аблай-салтана какого посланца, кто он таков и откуда именно. И буде ныне нет, то не был ли в нынешнюю весну, и зачем именно приезжал, и что ему на то ответствовано, и во сколько человек тот посол был.

В дружестве ль Аблай-салтан с китайцами состоит, и нет ли им киргисцам с китайской стороны какого притеснения и за что именно.

Бухарские городки Кашар, Ирконь, Ташкент, Туркестан и протчие состоят ли до ныне собою или кем покорены.

Где ныне Аблай-салтан кочует и в будущую зиму в коем месте кочевать намерен. И допускаюца ль их киргисцы для кочевья на зенгорских жилищах. И буде не допускаютца, то для чего, а ежели на зенгорских землях кочуют, то з дозволения ль китайцов, и по каким кондициям или сами собою.

Не отыскано ль еще сколько наших верноподданных ясашных татар Кузнецкого ведомства, плененных Кошкамбаем батырем и протчими киргисцами.

Не имеет ли Аблай-салтан в муке и протчей провизии какой надобности, и буде имеет, то б прислал за оною нарочных в крепость Омскую или в крепость св. Петра.

Какие они о Нурали-хане и о Меньшой Киргиской Орде известия имеют.

Во время китайского на них киргисцов нападения, какие они к супротивлению меры предпринять намерены. А притом им внушать, чтоб они никогда от китайской стороны опасения не имели, ибо они подданыя Ея Имп. Величества, и ежели подлинно по каким притчинам на них китайское войско нападение учинить получитца, то б они прибежище имели к российской стороне и весь свой кош, жен, детей и тот отправили внутрь российских крепостей, а сами б против их китайцов имели крепкое супротивление. А буде

уже и им, будучи яко лехким и без кошей против китайцов устоять будет не можно, то б они прикочевали к российским крепостям, где они без защищения всемерно оставлены не будут и до разорения не допустятца, но от российской стороны российскими войски защищены быть имеют.

Возвратился ль до китайской земли Юлбарис-салтан и давно ль, и что им тамо разведано или еще и ныне там находитца, и со сколькими людьми, и нет ли от него Юлбарис-салтана к Аблаю-салтану ково присланных. И буде есть, с каким известием присланы. Всего того известия всекрайне домогатца всякими скрытыми образы, якобы только для единственного вашего любопытства, а не для здешней стороны.

При том же тебе подтверждаеца в бытность в Киргиской Орде под видом партикулярных раговоров, посторонним образом внушать их киргиским старшинам, также и протчим знатным киргисцам, что целость их Киргискайсацкой Орды, то что состоять имеет в том, во-первых, чтоб они во всегдашнем времени в непоколебимом ея имп. Величества подданстве состояли, во-вторых, чтоб елико возможно не иметь комуникаций и ближняго знакомства с новыми их соседями, т.е. с китайцами, ибо как и самим известно, как они китайцы со своими подданными жестоко поступают, и их несносными податями изнуряют. И для того б они киргисцы их китайских коварных ласканиев и приманков остерегались, дабы им от того их ласкания, также как и протчим под оным владением ныне страдающим и пред сим таким же бывшим вольным народам, в варворское владение попасть и равномерное притеснение не приключилось.

Сверх же того им всячески внушать и толковать, чтоб они во избежание китайского несносного ига всячески воздержались, и китайцам бы своих киргиских лошадей не променивали, и на их бы дорогие за тех лошадей цены не льстились. Дабы тем способом какого к воинским делам совсем не приобыкло и силу конной службы по недостатку и по неимению оных незнающего народа на себя невооруженными и против себя сильными не учинили, ибо хотя они китайцы и многолюдны, но токмо к воинским делам, по недостатку у них лошадей, весьма безсильны и против их киргисцов не проворны и ничего им, яко пешие народы, зделать не могут. А когда они киргисцы, прельстясь на дорогую цену, лошадей своих китайцам променивать будут и тем их в силу и состояния приведут, то лехко в скорости и под их китайскую власть со всею Киргискою Ордою подпасть могут, отчего их Киргиской Орде, якоже и ныне состоящим под китайским владением народом причинитца всеконечное разорение и гибель».